

МИРОСЛАВА ЧАЙКА
СОЮЗ СТАЛЬНОГО КОЛЬЦА

Мирослава Чайка
Союз стального кольца

«Автор»

2020

Чайка М.

Союз стального кольца / М. Чайка — «Автор», 2020

Впереди у Евы последний год обучения в престижной гимназии, ее окружают дорогие наряды и богатые друзья, но изысканная и размеренная жизнь девушки рушится, когда на ее пути появляются бунтарь Марк, который мечтает ей отомстить за все годы унижения в школе, дерзкий новенький Замковский, готовый на все, чтобы она стала его девушкой и отчаянный хулиган Юра, надломленный смертью матери. Но все не то, чем кажется на первый взгляд, враги станут друзьями, а друзья соперниками. Сможет ли Ева выбраться из круговорота страстей и найти любовь или в финале ее ждет разочарование? Читайте роман Мирославы Чайки «Союз стального кольца». Романтическая история любви и поиска себя на фоне незабываемых белых ночей Петербурга.

© Чайка М., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Часть первая	6
1. Ева	6
2. Лана	12
3. Паспорт	18
4. Побег	24
5. Все тайное становится явным	27
6. Просто знакомый или закадычный друг	33
7. Поцелуй	39
8. Утренние гости	44
9. Сизифов труд	50
10. Крокодил	55
11. Провисание холста	60
12. Бойтесь своих желаний	65
13. Пари	73
14. Галатея	80
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Мирослава Чайка Союз стального кольца

Часть первая

1. Ева

Когда мы решаем, что будем популярны, успешны или одиноки и никем не поняты? Как из маленьких хорошеньких детей в костюмах зайчиков и снежинок мы превращаемся в красоток, ботаников, изгоев, негодяев, героев? Является ли этот ярлык нашим собственным выбором или на нас его наклеивает общество? Но самое важное – можем ли мы что-то изменить, или каждая наша попытка – только иллюзия, очередная маска, под которой всегда будет жить наше истинное лицо?

Марк бежал между кресел школьного актового зала, под звуки «Гаудеамус», не обращая внимания на строгие взгляды преподавателей, он чувствовал усталость и раздражение, все вокруг ему претило, было чуждым, казалось наигранным и смешным. «Гимн они поют – лицемеры», – прошептал он. Потом стянул с себя форменный пиджак, нервно дернул пуговицы на рубашке, так что они чуть не отлетели, и побежал дальше. Выскочив на широкую мраморную лестницу, мечтая поскорее выбраться на свободу из этого храма лжи и притворства, он сделал еще несколько шагов и больно врезался в чье-то плечо:

– Черт, Ева, ты что думаешь, если ты мажорка, то тебе все можно! – выпалил он.

Она смотрела на него большими немигающими глазами, под ее взглядом юноша весь съежился и попытался прикрыть рукой манжет несвежей рубашки. Ева не удостоила его ответом. Она лишь брезгливо поджала губу... Марк оскорбил ее не столько грубой фразой, сколько своим существованием вообще. Его засаленные волосы, налипшие на лоб от бега, выбившаяся из куцых брюк рубашка, скомканный в руках пиджак так контрастировали с белым мрамором лестничных пролетов и ровными рядами балясин, на фоне которых он стоял такой сутулый, взъерошенный. Но Ева была не из тех, кто долго помнит встречи, разговоры, брошенные фразы. Она легко отпускала события, мысли, людей. И этот разговор с Марком не был исключением, сейчас ее больше волновал накрахмаленный воротник, который больно резал шею, упрямый локон, постоянно падающий ей на лицо, и то, что она опоздала на торжественное закрытие учебного года.

Когда Ева тихонько вошла в огромный зал, все еще пели *Gaudeāmus igitur*, сотни разных голосов, сливаясь в едином порыве, стали на несколько минут одним гимназистом. Ева так любила эти моменты в общих школьных собраниях, она чувствовала себя частью чего-то важного, великого. Глаза ее налились слезами воодушевления. Она тряхнула головой, чтобы никто не заметил ее сентиментальности. Через несколько рядов Ева увидела Анну, которая смотрела на нее и ободряюще улыбалась, Ева улыбнулась ей в ответ и попыталась незаметно пройти на свободное место рядом. С Анной ей всегда было спокойно. Высокая, слегка сутулая брюнетка с узенькими плечами, она была немного нескладной и неуклюжей, но ее живой ум и кроткий нрав вызывали всеобщее уважение и любовь. Любила ее и Ева. Когда праздник закончился, к ним подошла милостивая круглолицая блондинка и, целуя Еву в обе щеки, слегка жеманничая, сказала:

– Ева, ты, как всегда... Нам можно было вообще не наряжаться, зная, что здесь будешь ты, – прикрывая свое негодование шуткой, бросила Лизи.

Их дружба длилась уже десять лет, с первого школьного дня, и была чем-то естественным, как восход солнца или яичница по утрам, но, как всякая дружба между двумя красивыми девушками, держалась лишь на вере каждой в превосходство над другой. И вот сегодня эта уверенность в Лизи пошатнулась. Она могла бы еще смириться с мягкостью бархата на новеньком жакете Евы и блеском жемчужин в ее маленьких ушках, но то, как на Еву всю церемонию

смотрел Рома, которого Лизи целый год пыталась очаровать, этого она простить Еве не могла. Но Ева, словно не замечая ее раздражения, взяв обеих подруг за руки, предвкушая начало долгожданных летних каникул, весело шагала к выходу из школы. На крыльце они распрощались, договорившись о скорой встрече, и Ева быстрым шагом, боясь сегодня еще раз опоздать, направилась в сторону Эрмитажа.

Майское солнце уже щедро грело кожу, поэтому неожиданный порыв холодного ветер на Дворцовой, словно пощечина, ударил Еву по лицу и вывел из радостного забытья, она огляделась вокруг, и ее захватил водоворот площади: случайные прохожие, туристы, сбившиеся стайками и с неизменно радостными лицами и фотоаппаратами наготове, скейтеры, так и норовящие свалить кого-нибудь с ног, назойливые ряженые в костюмах XIX века, вечно усталые продавцы сувениров, смешение прошлого, настоящего и будущего... Вся эта красочная толпа кружилась перед глазами, как в калейдоскопе, и вдруг кто-то ее окликнул.

Неизменно самоуверенной походкой к ней приближался Паша. Невысокого роста, худощавый, его карие глаза были прищурены то ли от улыбки скепсиса, не сходящей с его лица, то ли от монгольских корней. Он иронизировал над всем, не было темы, которую бы он не высмеял, идеала, который бы он не пытался низвергнуть, не было человека, которого бы он не осудил, скрывая высокомерие и уверенность в своей правоте, столь присущую юности, за маской шутовства. Хоть они и были друзьями с детства, Ева его боялась. Боялась, что он будет смеяться над ней, как над другими, когда она этого не слышит, боялась признать в его присутствии, что она чего-то не знает, но с Евой он всегда был очень добр.

– Ты опаздываешь, я уже минут двадцать здесь торчу, – сказал Паша и взял Евину сумку, набитую книгами.

– Сорри, хотела вчера предупредить, что задержусь, но было уже очень поздно.

– Правильно, ты же знаешь, у меня все строго, предки контролируют каждый мой шаг, поздно говорить по телефону запрещено. Ненавижу все это. Скорей бы закончить школу и свалить от них.

Паша не преувеличивал. Он жил с отчимом и матерью, у которых был совместный ребенок, любимая дочка, а его держали в ежовых рукавицах. Паше казалось, что дома его недолюбливают, недооценивают. Он очень хотел быть самостоятельным. С юных лет начал работать, раздавал рекламные листовки у метро и какие-то газеты. Хотя деньги на карманные расходы у него были. Он хотел казаться независимым, но, на самом деле, был просто одинок. Ева и Паша дружили с пятого класса, они познакомились в Эрмитаже и виделись здесь каждую неделю на занятиях по истории искусств. Это была истинная стихия Евы. Мама Евы была членом клуба друзей Эрмитажа, и Ева бывала здесь, кажется с тех пор, как начала ходить. Она посещала все кружки, открытия выставок, лекции, ее занимало все: от загадок древнего Египта до светотени Караваджо. И сама она была искусством, ведь Паша ходил сюда, только чтобы смотреть на нее... Ева была из того типа девушек, которые врезаются в память мужчин быстро и навсегда. Ее открытое лицо в обрамлении каштановых локонов дышало юной красотой и свежестью, большие карие глаза с пушистыми выгнутыми ресницами казались еще темнее по сравнению с цветом ее лица. Красивые брови, пухлые губы, тонкая грациозная фигура – казалось, природа одарила ее всем, но Ева еще этого не знала, вела себя естественно и живо без тени кокетства или жеманства и носила свою красоту, как легкий повседневный наряд.

Они поднялись по Советской лестнице на площадку второго этажа Старого Эрмитажа и остановились у огромной малахитовой вазы, которая смотрела прямо в зал Рембрандта, их группа уже была там у одной из главных картин Эрмитажа «Возвращение блудного сына». Ева и Паша, взволнованные бегом по лестнице и опозданием, быстро подошли к ребятам, но через секунду уже забыли о своей суете и стали ловить каждое слово Галины Ивановны, которая с восторгом говорила: «Каждый день у этой картины собираются люди и каждый по-своему переживает этот шедевр, кто-то восторгается художественным мастерством, кто-то силой

чувств, вложенных Рембрандтом в известный библейский сюжет. Но никого она не оставляет равнодушным...» Это было правдой, даже вечно скептический Паша замер и, похоже, не дышал.

«И вот он у отчего дома. Встречается со своим отцом. Он дошел до крайней степени отчаяния. Нищий и оборванный, он забыл о гордости и упал на колени, почувствовав невероятное облегчение. Потому что его приняли. Именно этот момент притчи художник изобразил на картине», – закончила свой рассказ Галина Ивановна.

– Я бы никогда не вернулся, если бы ушел, умер, но не вернулся, – сказал Паша и крепко сжал Евину руку.

– Что? – удивленно спросила девушка и как-то испуганно посмотрела на Пашу. – Ты это к чему? – добавила она, хотя все поняла, но ей отчего-то стало не по себе и очень хотелось, чтобы он ее разубедил.

Но Паша вместо ответа заглянул Еве прямо в глаза и неожиданно для них обоих спросил:

– Ты будешь моей девушкой? Я хочу, чтобы мы были не просто друзьями, ты мне нравишься уже много лет, – он что-то сказал еще, но Ева была так ошарашена, что ничего уже не слышала. Она стояла, смотрела на него и молчала, они не заметили, как остались одни в зале, пауза затянулась, юноша опустил глаза в пол и, плотно сжав губы, ждал ответа.

– Паша, нет, ты всегда был для меня другом, лучшим другом, прости, я не знаю, что еще сказать.

– А ничего не надо говорить, я все понял, мне надо домой, – не сказав больше ни слова, он пулей выбежал из зала.

После занятий Еву забрал семейный водитель, погруженная в свои мысли, она ехала молча, лишенная привычной лучезарной радости, такая притихшая, что даже Сергей Иванович несколько раз встревоженно посмотрел на девушку в зеркало заднего вида.

Наконец, Ева переступила порог своей квартиры и почувствовала огромное облегчение. Она очень любила возвращаться домой, здесь ее ждал не только впечатляющий модный интерьер, здесь жили любящие ее домочадцы, и в этом месте она по-настоящему ощущала тепло семейного очага. Жила Ева на двадцать пятом этаже, в квартире с видовыми окнами в пол, а виды из них были необыкновенными. Из спален можно было любоваться Финским заливом, большими пассажирскими лайнерами размером с огромные многоэтажные дома, которые ночью покрывались тысячами огней. С двух сторон эту композицию фланкировали два совершенно фантастических объекта: башня Лахта-центра, напоминающая ракету на стартовой площадке, а с другой стороны – стадион, похожий на летающую тарелку пришельцев. Башню было видно из любой точки города, поэтому Еве казалось, что это своеобразный маяк, который всегда указывает на место, где ее ждут. Из окон большой и малой гостиной виден был старый город. Сверкали на солнце, а иногда утопали в тумане шпили Адмиралтейства и Петропавловской крепости, купола Казанского и Исаакиевского собора, нежным кружевом угадывался силуэт Смольного. А самым впечатляющим зрелищем ночного пейзажа была телевизионная башня. В темное время суток телебашня сияла яркими огоньками, как стройная новогодняя елка. Каждый раз, когда Ева замечала, что огоньки начинали переливаться, она замирала у окна, как замороженная, будто видела это в первый раз. Вообще Еве было свойственно никогда не пресыщаться красотой, а любоваться ей снова и снова – будь то картина в альбоме, прелестная брошь, приколотая к платью ее матери, или веточка сирени, уютно устроившаяся в вазе на обеденном столе.

Неожиданно на кухне что-то зазвенело, как будто упала серебряная ложечка, и в столовой появилась Наталья Сергеевна, точнее Натали, так как обычное имя никак не вязалось с ее утонченным образом. На ней было кремовое платье с кружевными манжетами, золотистые волосы, убранные в низкий хвост, перетянутый атласной лентой, удлиненное лицо и тонкие пальцы вкупе с изящными манерами были явными признаками аристократических корней.

Как и все люди подобного склада, двигалась она очень плавно, говорила мало и только если ей действительно было что сказать. Она медленно поставила на стол этажерку с сэндвичами, ягодами и пирожными и, внимательно посмотрев на Еву своими умными голубыми, почти прозрачными глазами, произнесла:

– Ты выглядишь взволнованной, на то есть причина?

– Пожалуй, есть, Паша предложил мне стать его девушкой.

– Ну что ж, этого стоило ожидать. Ты вырастешь, Ева, и становишься красивой девушкой. А вы так давно дружите с Пашей, удивительно, что он не сделал этого раньше, – пожимая плечами, добавила Натали.

– Да, мы слишком давно дружим, чтобы я внезапно смогла его полюбить.

– А тебе кажется, что любовь – это непременно вспышка?

– Конечно, мне кажется, что если сразу не почувствовал волнующего притяжения, то уже и не почувствуешь.

– То, что ты описываешь, скорее, похоже на страсть, подобные пылкие чувства, возможно, приятны, но едва ли могут служить основой для прочных и долгих отношений. К тому же такая пылкость часто застит глаза и может привести к плачевным последствиям.

– Но только такую любовь воспевают в романах, посвящают ей стихи и песни, я бы хотела пережить нечто подобное, – мечтательно откидываясь на спинку стула, произнесла Ева.

– В твоём возрасте это не удивительно, но со временем ты поймешь, что такая любовь не награда, а испытание.

Не успела Натали договорить, как их беседу прервал телефонный звонок. Это был Паша. Ева очень удивилась, так как думала, что он какое-то время будет обижаться на нее, отмалчиваться, ну уж точно не позвонит через пару часов после их разговора.

– Слушаю, – ответила Ева весело, как будто ничего не произошло.

– Звоню, чтобы попрощаться, думаю, в этом городе меня уже ничто не держит, – с жаром произнес Паша.

– Паша, что все это значит, ты где? – испуганно спросила Ева.

– Это не важно, вам меня все равно не найти.

– Подожди, не делай глупостей! – прокричала Ева.

Но Паша уже положил трубку.

– Мапочка, что же теперь будет, Паша сбежал из дома! Это я во всем виновата! – в ужасе прижимая ладони к лицу, причитала Ева.

Натали несколько секунд молчала, а потом быстро пошла к домашнему телефону.

– Звони ему домой, что-то здесь не так, я хорошо знаю Павла. Поднимет трубку мама, попроси его к телефону.

– Мама, он же сбежал, как он может подойти к телефону?

– Не волнуйся, звони!

Ева нашла Пашин домашний номер в записной книжке телефона, быстро набрала его. Через несколько секунд услышала спокойный голос Валентины Ивановны, Пашиной мамы.

– Алло, слушаю.

– Валентина Ивановна, это Ева, можно поговорить с Пашей, – очень быстро, взволнованно, забывши поздороваться, затараторила девушка.

– Здравствуй, Ева, рада тебя слышать, Паша только сел к столу ужинать, сейчас позову, – подчеркнуто вежливо сказала женщина и более резким голосом добавила в сторону, – Паша, иди к телефону, Ева звонит.

Внезапно разговор прервался, и Ева услышала только гудки, которые вторили ударам ее сердца, неистово бьющегося в груди.

«Как он мог? Соврал! Решил меня напугать? Это что был шантаж? Чего он собирался этим добиться?» Эти мысли одна за другой проносились в ее голове.

– Мама, зачем он так со мной, врун?!

– Успокойся, Ева, выпей водички, – спокойно сказала Натали. – Думаю, он просто не смог пережить отказа, запутался и представил себе, как бы ты пожалела, если бы он исчез.

– Почему ты его защищаешь? Он разволновался, он запутался... Он что, мечется по комнате со слезами на глазах? Нет, он сел ужинать! Это возмутительно! – не унималась девушка, разгневанная поступком друга.

– Не суди его слишком строго. Некрасиво, конечно, вышло, но всем нам свойственно делать ошибки, – успокаивающим тоном произнесла Натали, проводя своей красивой рукой по шелковистым волосам дочери.

– Не думаю, что я смогу его простить, – звонким голосом заявила Ева и, резко встав, подошла к окну, чтобы посмотреть на ночной городской пейзаж, который всегда действовал на нее умиротворяюще.

– Ева, не будь такой категоричной, прощение – это не просто какое-то действие, это процесс открытия, в результате которого мы понимаем, что мало отличаемся от тех людей, кто нас обидел.

Ева несколько минут молчала, пытаясь осознать то, что сказала Натали, потом повернулась и, посмотрев на нее грустными глазами, произнесла:

– Ах, мама, мне почему-то кажется, что, если я его прощу, он, скорее всего, поступит так со мной снова.

– Ну это нам покажет только время.

2. Лана

Лана стояла у окна, было не больше восьми часов вечера, и серая пелена тумана упрямо затягивала город, небольшие огоньки фонарей на площади еще боролись, как последние лучики надежды, но один за другим таяли в густом тумане. «Да, при такой погоде рыцарь, если и захочет меня спасти, то может и затеряться в дороге», – усмехнулась она самой себе. В одной руке Лана держала кухонную лопатку, другой водила по шершавому подоконнику, отковыривая ногтем небольшие кусочки старой краски. Взрослые часто говорили ей, что школьные годы – это золотое время, так как детство и юность больше не повторятся, а это была лучшая пора в их жизни. «Интересно, что же такого приготовила мне жизнь в будущем, – думала Лана, – если то, что я переживаю сейчас, это лучшее время?»

Входная дверь хлопнула тяжело и устало, и через пару мгновений на пороге кухни появилась Вера Федоровна – мама Ланы.

– Лана, я дома, Игорь уже приехал?

– Нет, не приехал, и это прекрасно, потому что я еще жарю котлеты, сегодня задержалась в школе и не успела все приготовить.

– Я купила торт, – с нотками грусти сказала Вера Федоровна.

Она выглядела уставшей, с потухшим взглядом, небрежно одетая, с сильно заросшими седеющими корнями волос, давно требующими покраски, ее трикотажная кофточка плотно облегла полное тело, а немодные туфли казались большими на пару размеров. В руках она держала пакеты с покупками и коробку с тортом. У Ланы защемило сердце. «Как она держится, делает вид, что все в порядке, скрывает свою боль, а ведь это и моя боль тоже», – думала девушка, глядя на свою мать. Вчера вечером просто так, без всяких ссор и скандалов ее отец взял свои вещи и сказал, что больше не может жить с ними, потому что любит другую женщину, и там у него родился ребенок. Ребенок... Все доводы Ланиного разума разбивались об это слово. А кто же она, разве она не ребенок? Она что не заслуживает его любви? Вечер был мрачным, как-то давило в груди, в горле стоял ком, но она старалась не плакать, думала, если разревется, маме будет еще тяжелее. Спать они вчера не ложились, было жутко, казалось, что кто-то умер, и если выключить свет, то придет его призрак. Так и просидели за столом, бесконечно подливая себе кофе, пока не рассвело. Тогда Лана начала собираться в школу, а ее мама на работу, делая все машинально, как роботы.

А сегодня должен был приехать Ланин двоюродный брат из Великого Новгорода. Он сообщил об этом дней десять назад, и уже отказать в приеме было неприлично, хотя было не до гостей.

Лана начала накрывать на стол.

– Мама, у нас есть скатерть или хотя бы салфетки? Знаешь, как накрывают стол у Евы дома: белые, накрахмаленные салфетки, фарфор, хрусталь, куча приборов.

– Красота должна быть внутри, – глухо отозвалась Вера Федоровна. И поставила сковородку с котлетами прямо на стол.

Лана закончила последние приготовления и устало опустилась на стул в углу комнаты, тяжелые мысли, как вражеские солдаты, наступали на нее со всех сторон: со стола на нее смотрела папина любимая кружка, от сквозняка качалась шторка, которую он смастерил из откровок и скрепок, и даже стул, на котором она сидела, был выкрашен едко-желтой краской, которую отец принес с завода. С каждой новой находкой глаза все больше наполнялись слезами, и Лана решила бросить себе самой спасательный круг и набрала номер Евы.

– Аллю, Ева, привет, сегодня мой брат приезжает, хочешь с нами завтра в Исаакиевский собор, потом на колоннаду поднимемся, – тараторила она, смеясь, ничем не выдавая своей печали.

– Хорошо, я завтра бабушке отправлю посылку и в три часа буду ждать вас у Исаакя, – ответила Ева привычно звонким беззаботным голоском.

Как только закончился разговор, улыбка пропала с Ланиного лица, и, казалось бы, она должна была радоваться, что у нее есть Ева, которая с легкостью возьмет на себя все заботы по организации экскурсии и вообще о досуге гостя, и никто и не заметит Ланиного плохого настроения, но Лана знала, что этим не ограничится, и, скорее всего, никто не заметит ее саму в сиянии Евиного великолепия. Этот магический эффект, который Ева производила на окружающих, Лана никогда не могла понять, но надеялась, что хотя бы с ее братом этого не произойдет. Сейчас это последнее, что Лана хотела бы видеть, как еще один ее родственник предпочтет ей кого-то другого. Пребывая в своих печальных мыслях, она не успела даже сменить домашнюю одежду на джинсы, как в дверь позвонили. На ходу Лана кое-как пригладила волосы щеткой и побежала открывать. Массивная деревянная дверь, окрашенная в темно-бордовый цвет, скрипнула тоскливо на старых петлях, и перед Ланой предстал ее брат и незнакомец. Девушка растерялась, то ли от того, что не ожидала увидеть кого-то кроме брата, то ли от того, что глаза незнакомца казались почти черными в полумраке коридора и прожгли ее насквозь, как угольком, случайно выброшенным из костра. Она быстро отвела взгляд и нервно хихикнула.

– Привет, сестренка! – уверенно шагая вперед, сказал Игорь и уже откуда-то из комнаты добавил:

– Знакомься, это Юра.

Юра так и продолжал стоять в коридоре, пока Лана не предложила ему снять куртку. Она смотрела на него, как на чудо, только подумала, что ее рыцарь потеряется в пути, а он взял и пришел. Лана вспомнила, что ей часто снится один и тот же сон, в котором она видит парня, но только со спины, лица никогда было не разглядеть, а сейчас он стоял перед ней живой, осязаемый, она точно знала, что это он! Юра тем временем стянул с себя джинсовую куртку и остался в футболке, которая прилегала так плотно, что обрисовывала рельеф его тела и обнажала мускулистые руки. Он молча протянул Лане корзину с фруктами, и вдруг она услышала свой голос как будто издалека:

– Спасибо, не стоило, у нас все есть, – и схватившись за ручку корзины, как утопающий за соломинку, скрылась на кухне, пытаясь восстановить сбившееся, как после кросса, дыхание.

Когда гости сели за маленький квадратный стол, Юра оказался сидящим напротив Ланы. Она почему-то вспомнила, как Ева показывала ей альбом о миннезингерах и трубадурах, красочные иллюстрации и рассказы произвели на Лану такое впечатление, что с тех пор ночью или в минуты печали она закрывала глаза и переносилась в мир, где представляла себя прекрасной дамой на рыцарском турнире или принцессой, заточенной в башне. Вот и сейчас ее сознание было далеко, Лане чудилось, что стол стал очень длинным – дубовым, как в средневековом замке, а Юра вместо цветастой кружки подносил ко рту серебряный кубок, она воображала, что на стенах вместо обшарпанных обоев висят средневековые гобелены, и даже вечный сквозняк в неудобной комнате ей представился сыростью от того, что слуги еще не разожгли камин. Тем временем гости, уставшие после дороги, ушли отдыхать в маленькую комнатку в конце коридора, оставшуюся после смерти бабушки Ланы, а сама Лана, так и не решившись вырвать себя из пьянящего мира грез в неприглядную реальность, окончательно выбившись из сил, плюхнулась на диван и мгновенно уснула.

На следующий день Лана обнаружила, что присутствие Юры в ее жизни существенно улучшило настроение, и даже обычную поездку в метро в час пик превратило в приятное путешествие, так как стоять им пришлось очень близко друг к другу, говорить вполголоса, а когда поезд вдруг резко тормозил, Лана, будто стараясь удержаться на ногах, хваталась за Юрину руку или куртку, и ей стало казаться, что в эти моменты он смотрел на нее как-то многозначительно. Когда они наконец вышли из метро, Игорю бросилось в глаза небо, яркое и высокое,

по которому медленно плыли такие пышные облака, что неудержимо захотелось сладкой ваты, но так как ваты поблизости не нашлось, то они обошлись мороженым. В воздухе как-то особенно пахло – то ли свободой, то ли предвкушением большой любви, они шагали очень широко и вдыхали всей грудью этот Город, смотрящий на них чуть заветренными, но изысканными лицами старинных особняков, Город, шепчущий им свои тайны тихим плеском невской воды, Город великих людей и великих надежд. И тут на мосту они увидели Еву, и, хотя Лана им еще ничего не сказала, они почему-то сразу поняли, что это она.

Бывают такие моменты в жизни, которые, кажется, не предвещают ничего необычного, а, оказывается, несут за собой вечность. Так простая встреча может оказаться судьбоносной, а чье-то улыбающееся лицо, залитое светом, может стать символом женственности и красоты на всю оставшуюся жизнь.

– Знакомьтесь, это Ева, – грустно сказала Лана. – А это мой брат Игорь и его друг Юра.

Повисла неловкая пауза, которую прервал Игорь:

– Лана, почему ты не сказала сразу, что твоя подруга такая красотка, мы с Юрой навели бы побольше глянца, – слегка подталкивая друга в плечо, смеясь, сказал он. Юра ничего не ответил и сделал вид, как будто вообще не замечает Еву. Лане это показалось немного странным, но очень порадовало, может быть, ему понравилась она, а такие, как Ева, его вообще не привлекают.

– Вам повезло! – начала Ева. – Сегодня отличная погода для экскурсии, смотрите, как отражает солнечные лучи купол собора, а ведь его покрытие проводилось очень опасным способом – методом огненного золочения. Погибло много людей от паров ртути.

– Ну же, давайте подойдем поближе, – жестом увлекая всех за собой, сказала Ева. Пока они шли через сквер, Ева рассматривала своих новых знакомых и удивлялась тому, насколько они показались ей разными: Игорь был рослым и тонким, светлыми были не только его волосы, но даже вся его одежда, и, казалось, весь он соткан из льна, смеялся он искренне и смотрел прямо в глаза. Ева могла счесть его балагуром и даже наглцом, но она, наоборот, почувствовала в нем нежность совсем еще мальчика. Юра же, напротив, казался ей вылитым из стали или свинца, черные волосы и до ужаса черные глаза манили ее и одновременно пугали. А в те редкие секунды, когда Юра останавливался на ней свой безразличный взгляд, волнение разливалось в Евиной груди. Когда они подошли к собору вплотную, Ева прикоснулась рукой к одной из колонн, рука ее была такая маленькая на фоне гранитного гиганта, но голос звучал уверенно и звонко:

– Очень интересно, что стены собора начали строить только после того, как установили эти колонны, для чего использовали подъемный механизм Бетанкура. Когда начали устанавливать первую колонну, для горожан это было большим событием, собралось множество людей, приехал даже сам император. И, по преданию, под ее основание была заложена платиновая медаль с изображением Александра I. Игорь попытался обхватить колонну руками:

– Ребята, присоединяйтесь, мне одному не справиться, – сказал он, беря Еву за руку и притягивая к колонне.

Когда все вчетвером, наконец, сумели обхватить колонну и замерли на секунду, обескураженные ее масштабом, Ева, лукаво улыбаясь, прошептала Игорю:

– Это самое странное, что я когда-либо делала.

– Просто раньше ты не знала меня, – подмигивая, ответил юноша. Ева потупила глаза и подумала, удивительно, что еще 15 минут назад Игоря не было в ее жизни, он влился так естественно и легко в поток ее бытия, что, казалось, был в нем всегда. Тем временем Лана была несказанно рада идее измерять колонну, ведь ей представилась возможность взять Юру за руку, но не успела она насладиться этим прикосновением, как он удивленно спросил:

– Почему у тебя такие холодные руки?

– Не знаю, они всегда такие, – смущенно ответила Лана.

– Странно, на улице ведь так тепло, – заключил Юра, пожимая плечами.

Лана не знала, плохо это или хорошо, что у нее холодные руки, она раньше об этом не задумывалась, но сейчас, когда Юра обратил на это внимание, ей стало как-то неловко. Она переживала, что ее прикосновение могло не понравиться Юре, тем более что другой рукой он держал Еву, а ее-то руки уж точно всегда были теплыми и мягкими, думала Лана, следуя за ребятами внутрь собора, где Ева собиралась показать им изображение Святого Духа в виде слетающего с небес серебряного голубя. Когда все прошли к центру зала, Лана еще растирала свои руки, пытаясь их нагреть, она слышала, как Ева сказала, что снизу голубь кажется не больше тридцати сантиметров, на самом деле он размером с человека, и размах его крыльев около двух метров. Лана подняла голову, увидела птицу, которая выглядела почти белой в лучах света, льющегося на нее из окон барабана купола, но, не почувствовав никакого благоговейного трепета, недовольно хмыкнула и принялась снова разглядывать свои пальцы, которые теперь ей казались непомерно длинными, а костяшки на них чересчур выпирающими. Неожиданно к ней подбежала Ева, обняла ее сзади и тихо спросила:

– Ты почему здесь стоишь одна? Ты же пропустишь самое интересное.

Противостоять Евиной жизнерадостности было невозможно, Лана еще с их знакомства в возрасте трех лет была абсолютно в ее власти, она поддерживала любую Евину игру, окуналась с головой в каждое новое ее увлечение и была верным сподвижником в каждом проекте. Вот и сейчас, влекомая, как кобра умелыми движениями факира, Лана преодолевала уже сотую ступеньку колоннады, весело смеясь и постоянно оглядываясь на парней, которые поднимались следом. Она старалась идти быстро и держаться прямо за Евой, чтобы не дать парням разглядывать Евины загорелые стройные ноги в платье, которое казалось особенно коротким снизу, убеждая себя, что делает это из лучших побуждений, защищая целомудрие своей подруги. Каждый, кто хоть раз бывал на колоннаде, знает, что это подъем не из легких – 262 ступени по винтовой лестнице преодолевать особенно тяжело, если не размерить силы на весь путь, а расплескаться в самом начале, но юный возраст и страх показать себя не с самой лучшей стороны позволил ребятам буквально взлететь на верх барабана, с которого открывался захватывающий вид на город. Наверху Ева начала рассказ о жизни и успехе Монферрана – создателя Исаакиевского собора, его история от простого капитана французской армии до архитектора главного кафедрального собора России взбудоражила юные умы. Они ненадолго притихли и, всматриваясь в великолепный город, лежащий у их ног, размышляли, кто был Монферран – дерзкий везунчик или гений, обреченный на успех. Еще они думали о себе, о своем будущем, что определит его – работоспособность, смелость, талант или просто случай.

– Бывают же одаренные люди, а я немного позанимаюсь и уже спать хочу, – прервал очередную шутку их размышления Игорь, сильно перевешиваясь через перила смотровой площадки. Он не любил раздумий о будущем и о предназначении, такие разговоры его всегда пугали, особенно когда их заводил отец. Игорь выпрямился, раскинул руки, будто обнимая небо, и такая вокруг была свобода и такое благодушие, что он невольно прикрыл глаза и вдохнул всей грудью свободный воздух Петербурга и сквозь улыбку протяжно добавил:

– Да и вообще, по-моему, главное – прожить жизнь счастливо и весело.

– Нет, главное – долго и без страданий, – парировала Ева.

– А мне кажется, что лучше всего жить безбедно и быть здоровым, – отозвался Юра, грустно смотря куда-то вдаль.

– Да вы что, как старики рассуждаете, – неожиданно вскрикнула Лана, – я бы все отдала за успех, даже жизнь!

– Вот и Монферран, видимо, так думал, – отозвалась Ева. – Вся его жизнь была связана со строительством Исаакия, в Петербурге даже ходили слухи о намеренной задержке стройки, поскольку ему было предсказано, что он будет жив до тех пор, пока строится собор. Возможно, это случайное совпадение, но через месяц после окончания строительства Исаакиев-

ского собора Огюст Монферран скончался, – заговорщически понижая голос, закончила она. Три пары глаз не мигая смотрели на нее. Еву всегда поражал этот эффект, который производят разговоры про чью-то смерть, и чем более мистической она была, тем больше было впечатление. Ева хотела еще обсудить с ребятами, что Монферрану пришлось прожить всю жизнь на чужбине, но тут вспомнила про Пашу и его выдуманную попытку сбежать из дома. И чего он пытался этим добиться, размышляла Ева, хотел напугать или подчеркнуть ее важность в своей жизни, но это только унизило его любовь, и подорвало Евино доверие ко всему, что он говорит. Несмотря на то, что они с Пашей дружили много лет, сейчас ей казалось, что больше она общаться с ним не будет, поэтому Ева была несказанно рада новым знакомым, так внезапно и кстати возникшим на ее пути. И победно вскинув свою хорошенькую головку с копной рыжих локонов, она объявила, что их восхождение на 43-метровую высоту, да еще и на каблуках, пробудило в ней жуткий аппетит и предложила от пищи духовной, наконец, перейти к более приземленным радостям и отправиться в одно из ее любимых кафе неподалеку.

Романтичное петербургское бистро с французским настроением было одним из излюбленных мест Евы и ее мамы, в те редкие дни, когда Натали забирала Еву из школы, особенно если она была в плохом настроении или что-то ее тревожило, они непременно отправлялись туда. Занимали свой любимый столик в углу у окна и говорили о планах, о мечтах или просто молчали, глядя на прохожих за окном или на то, как крупные чайные листочки взвивались в стеклянном чайнике и медленно опускались на дно. И Еве очень хотелось поделиться с ребятами частичкой своего мира, но, когда они поднялись по маленькой лестнице вверх, и девушка уже представила, как сейчас они устроят дегустацию всех видов пирожных в этом кафе, оказалось, что все столики заняты. Ева беспомощно оглянулась на Игоря, ища у него поддержки:

– Как жаль, так хотелось посидеть, отдохнуть и поесть сладкого, – грустным голосом сказала девушка.

– Ну хочешь, я сейчас закричу: «Пожар!» И все разбегутся? – выразительно жестикулируя, предложил Игорь.

Юра же внес более приемлемое предложение:

– А давайте поедem к Лане, ее мама сегодня нам утром предлагала очень аппетитный торт.

Эта идея порадовала всех, кроме Ланы. Она пропадала у Евы днями и ночами, но приглашать подружку к себе домой не любила. Лана всегда ужасно беспокоилась, когда Ева бывала у нее, не знала, куда ее посадить, во что налить ей чай и чем вообще ее угощать. Ева смотрелась в ее доме, как принцесса в пещере, вот и сейчас, предвкушая всю будущую неловкость своего положения, да еще и на глазах у парней, Лана нервничала, от чего без умолку тараторила о каких-то глупостях из рекламы и мультиков.

– Ребята, а мы можем зайти в турагентство, мне нужно забрать свой загранпаспорт? – беря Лану под руку, сказала Ева.

Парни шли чуть впереди, Ева думала, что она еще никогда не встречала никого столь физически прекрасного, как Игорь, а Лана тем временем размышляла, стоит ли ей рассказать Еве об уходе отца, но услышав о турагентстве, она повернулась к подружке и спросила:

– А почему твой паспорт в турагентстве?

– Мы с классом едем в Париж, – ответила беззаботно Ева.

– В Париж? Здорово, я за тебя так рада! – сказала Лана вслух так воодушевленно, что Ева даже не могла представить, что Лана почувствовала внутри, ее как будто кольнули иголкой, тонкой, но острой, где-то в области груди. «Ну почему одним все, а другим ничего!» – думала Лана и, как будто специально мучая себя, начала вызывать в своем сознании воспоминания тех моментов, когда Евин отец возвращался из зарубежных рейсов и привозил ей в детстве всевозможные сладости, платья. Потом она вспомнила, как Евин папа готовил им завтраки, когда Лана оставалась у них ночевать, а если Ева не хотела есть и пряталась от него, то он забирался с едой за ней под стол и там кормил ее с ложечки, а ее собственный отец, как оказа-

лось, в это время уже строил планы на жизнь в другой семье, а теперь еще эта поездка в Париж, ведь это именно то, о чем Лана так страстно мечтала, даже повесила картинку с Эйфелевой башней на стену, и почему Еве так везет? Мысленно возмущаясь, она решила теперь уж точно не рассказывать подруге об уходе отца. «Это уж будет совсем унижительно», – заключила Лана и, придав голосу еще большую бодрость, добавила:

– Ну тогда нам надо торопиться, а то вдруг они закроются, и ты не успеешь забрать свой паспорт! Это было бы непростительно!

3. Паспорт

Лана жила в классической питерской многонаселенной коммунальной квартире, каких сейчас осталось уже совсем мало. Длинный темный коридор был узким, неприглядным и походил на кишку какого-то чудовища, которое поглотило по ошибке множество разного хлама, осевшего на его стенках. Здесь висели потемневшие алюминиевые тазы, велосипеды, и стояли шкафы, набитые старыми газетами, пакетами и чем-то еще, наверное, важным, но давно забытым. Кроме семьи Ланы тут проживали еще две другие семьи, но когда Ева приходила к ней в гости, то с соседями почти никогда не встречалась. А по рассказам Ланы знала, что жили они мирно, конечно, случались иногда какие-то размолвки, но это бывало редко. Например, однажды они зашли к Лане за спортивной одеждой и встретили высокую худощавую даму с мрачным лицом, покрытым сеточкой тонких морщин, она строго на них посмотрела и сказала низким голосом:

– Лана, почему на кухне закрыто окно?

Но Лана промолчала и скрылась за дверью своей комнаты.

– Почему ты ей не ответила, на улице жуткий холод? – спросила Ева удивленно.

– Я думаю, это был риторический вопрос, она не позволяет закрывать окно на кухне в любую погоду, даже если на улице минус тридцать.

Ева с Ланой начали строить разные предположения о том, зачем этой даме все время открытое окно, Лана тут же начала фантазировать: «Наверное, она настоящая ведьма, варит вечерами у себя в комнате зелья, а окно просит оставить открытым, чтобы ее мрачный помощник – черный ворон – мог легко вернуться домой», – рассуждала она и начала махать руками, изображая птицу, чем очень веселила Еву, которая присоединилась к ее «полету», так взмахивая руками, каркая и смеясь, они повалились на диван. Но кроме воображаемых питомцев у соседней Ланы были и настоящие – пес породы колли по имени Бадди. Он был не очень большого размера, с гладкой длинной шерстью рыжего цвета и белыми отметинами на животе и груди. Мордочка была вытянутой с красивыми умными глазами. Ева с Ланой иногда ходили с ним гулять на улицу, где Бадди демонстрировал чудеса своего собачьего интеллекта. Была у него одна особенность, если подруги спускали его с поводка, он где-то отыскивал бездомных котят и приносил их к ногам девочек. Так Еве с Ланой пришлось пристраивать трех бездомных животных. А сегодня, когда ребята пришли к Лане домой после прогулки по городу, Бадди выбежал им навстречу и, весело виляя хвостом, начал всех обнюхивать, а Лану несколько раз лизнул в щеку. Игорь удивил всех своими познаниями в кинологии, он рассказывал, что колли – пастушьи собаки, особенно популярные в Австралии и Северной Америке, легко поддающиеся дрессировке, очень энергичные, выносливые, опытные пастухи, которые могут весь день бежать по пересеченной местности, не зная усталости. Но Еву больше удивили не знания Игоря, а его поведение: к Бадди он ни разу не прикоснулся, не захотел его погладить, скорее, даже боялся, что он испачкает его светлый костюм. Это для Евы было непонятно, она всегда и сама была одета с иголочки, но, если что-то сулило ей приятные эмоции и при этом заставило испачкаться – валяние в душистой, покрытой утренней росой траве, война подушками или мукой, равно как и игры с животными – она бы непременно это сделала.

Юра тем временем вызвался помочь Лане накрывать на стол. Он все время был с ней рядом, нарезал торт, спрашивая о толщине кусочков, брал из ее рук чашки с блюдами и ставил их по краю стола. В Евину сторону он даже не смотрел, как будто ее не было в комнате. Это немного задевало Евино женское самолюбие, но она успокаивала себя тем, что если так дальше пойдет, то впоследствии они смогут дружить парами.

Когда, наконец, все было готово, молодые люди сели за стол. Торт был шоколадный с прослойкой грильяжа, политый зеркальной глазурью и украшенный физалисом. Ева сказала,

что физалис в закрытом виде напоминает ей китайский бумажный фонарик, и что ей нравится его кисло-сладкий вкус, на что Игорь стал быстро у всех отбирать эти маленькие плоды и складывать в ее блюдце. Чем снова всех рассмешил, а Еву этим наивным, но очаровательным проявлением заботы заставил забыть неловкую ситуацию с собакой.

Вдруг Юра поднял на Еву свои черные глаза с невероятно большими зрачками, которые от этого казались Еве почти звериными, и спросил:

– Куда ты едешь путешествовать?

– В Париж, мы едем классом, это наша последняя поездка вместе, потому что потом мы все пойдем в институт и, может быть, больше вообще не будем общаться, – с некой предопределенностью и смирением своей потери произнесла Ева.

– А ты что любишь в путешествиях, вот мы с Игорем недавно ездили в Дрезден, так сознательно не ходили смотреть достопримечательности. Просто наблюдали, как люди живут, заходили в кафе, знакомились с местной кухней, смотрели, какие машины ездят, катались в метро, просто, чтобы ощутить жизнь в ее естественном состоянии, а не ту рафинированную выжимку, которую предлагают туристам, – заявил Юра.

– Это удивительно, я бы, наверное, умерла, если бы, побыв в Дрездене, не посмотрела Сикстинскую Мадонну. А как же архитектура, фонтаны, галереи? По-моему, то, что создали люди в искусстве, как раз и раскрывает их суть, а не двор или метро, – удивилась Ева, – Лана, а ты как думаешь?

– Я? – Лана даже растерялась. Какой бы ни был спор, она всегда поддерживала Еву, но сейчас ей очень хотелось быть на стороне Юры, она замешкалась и выпалила:

– А давайте лучше посмотрим какой-нибудь фильм!

– Кто какие любит жанры? – поинтересовался Игорь.

– Ужасы! – воодушевленно закричала Лана.

– Я тоже люблю ужасы, – давая Лане «пять», сказал Юра.

– И что же вам может нравиться в ужастиках, – удивился Игорь, вставая из-за стола.

– Ну напряжение, иногда хочется пощекотать нервы, – засмеялась Лана и, немного прищурившись, посмотрела на Юру, чувствуя поддержку с его стороны.

– А мне нравится ощущение, что все плохое на экране, а ты дома в безопасности, – ответил Юра.

– Ева, а ты почему молчишь, не любишь ужастики, – с любопытством глядя на нее, спросил Игорь.

– Да я их вообще за отдельный жанр не считаю, – заявила Ева, – ну сами подумайте, ведь в них нет ни собственной формулы, ни собственных сюжетных моделей, они всегда нанизаны на какой-нибудь другой жанр: триллер, мелодраму или детектив.

– Нет, у них есть отличительная черта – монстры! – с жаром отстаивая свое увлечение, ответила Лана.

– А вот и нет! – продолжала Ева, – есть фильмы с привидениями или вампирами, которые не являются хоррором, а ваш этот пресловутый эффект саспенс можно найти в любом маломальском приличном триллере. Так что, на мой вкус, ничего в них особенного нет.

– Нет, Ева, мы просто обязаны тебя переубедить, – заявил Игорь, – я сам, конечно, больше по вестернам и боевикам, но парочку хороших ужастиков припомнить смогу, а при помощи Юры и Ланы мы точно выберем шедевр кинематографа.

И они начали перебирать варианты, но Ева уже не слушала. Она сидела в оцепенении, мысленно ругая себя за то, что вообще завела эту полемику, ведь на самом деле она не смотрела ужастики попросту, потому что боялась. «Надо было мне сказать, что хочу посмотреть что-то другое, а лучше вовсе уйти домой», – ругала себя девушка.

Пока все усаживались смотреть фильм, Лана резко встала и вышла из комнаты. Ева устроилась на диване с краю, так что рядом с ней было только одно свободное место, которое, она

думала, займет Лана, но, как только выключили свет, она почувствовала, что Игорь разместился рядом и придвинулся так близко, что она ощутила тепло его руки. Он не скрывал своего отношения к Еве и всеми способами старался проявить увлеченность ею. Так как фильм девушку пугал, она закрыла глаза и попыталась отвлечься мыслями о том, а нравится ли ей Игорь. Ее настораживало, что он так смело и открыто демонстрировал свою симпатию, это было, несомненно, приятно, но могло выдавать натуру ветреную, легко увлекающуюся. Но сейчас, когда Игорь сидел так близко, что она даже слышала его дыхание, Ева поймала себя на мысли, что была бы не против, если бы он ее обнял.

Через несколько часов за Евой приехал водитель, Игорь тут же вызвался проводить ее до машины, рассчитывая провести хоть пару минут с ней наедине, но Лана и Юра объявили, что тоже пойдут, чем нарушили его планы, но он не подал виду, а начал сразу же планировать их следующую встречу. Лана тем временем пыталась убедить себя, что это обычная вежливость, и ее брат вовсе не увлекся Евой, но, когда, уже стоя у машины, Игорь попросил Евин номер телефона, Лана поняла, что он пропал.

Вернувшись домой, Ева услышала спокойную музыку Шопена, Натали собирала букет из розовых тюльпанов и белого лизиантуса, воздух был наполнен запахом свежеиспеченных кексов, и Ева почувствовала неистовую усталость и умиротворение одновременно. Она села в кресло и притихла, а потом, с неожиданным для себя самой недовольством, сказала:

– Я сегодня познакомилась с Игорем и его другом Юрой, и, представляешь, кажется, Юре понравилась Лана!

– Ну это же хорошо? – поворачивая к дочери свои пронизательные глаза, спросила Натали, – Лане должно быть приятно, что она кому-то понравилась, ведь у нее еще ни разу не было поклонника.

– Думаю, что да, во всяком случае, она была необычайно довольна, – немного неуверенно ответила Ева.

Натали почувствовала какую-то досаду в словах дочери, но когда Ева начала воодушевленно рассказывать об Игоре, то дама решила, что ей просто показалось.

– Совсем забыла спросить, ты получила визу? – произнесла Натали.

– Да, получила и уже забрала паспорт.

– И какой срок действия визы, один год?

– Я как-то забыла посмотреть, сейчас гляну.

Покопавшись в своей маленькой сумочке, Ева обнаружила, что паспорта там не оказалось. Она посмотрела во всех карманах, хотя точно знала, что не клала его туда, потом снова в сумочке, затем вытрусилась из нее все содержимое. Натали смотрела на дочь вопросительным взглядом.

– Что случилось?

– Его там нет, паспорта нет, представляешь?

– Как нет, куда он мог деться, вспомни хорошенько, куда ты его положила?

– Я точно помню, что положила его в сумку, ничего не понимаю.

Еву охватила паника, она осознавала, что паспорт куда-то потерялся, а выезд через несколько дней, и она точно уже не успеет сделать новый. У нее на глаза навернулись слезы.

– Ну не расстраивайся, еще есть надежда, что ты его обронила у Ланы, думаю, стоит ей позвонить.

Ева быстро набрала телефон Ланы, но она ничем ее не обрадовала – паспорта у них дома не оказалось, и Еве нечего было больше делать, как смириться с мыслью, что она никуда не едет. Немного погрустив, она пошла к себе. Вошла в комнату и сразу зажгла люстру – темноты она не любила, да и полумрака тоже, только яркий, почти слепящий свет дарил Еве ощущение комфорта. Она нажала на выключатель, и сияние от 12 лампочек разбилось в бусинках

огромной хрустальной люстры на тысячи крохотных лучиков и залило все вокруг. Низ стен ее комнаты был закрыт белоснежными стеновыми панелями, из которых будто вырастали изящные деревья с плодами, похожими на апельсины, и со всевозможными диковинными птицами, сидящими на ветвях. У одной из стен стояли два белых книжных шкафа с рокайльным завитком в центре карниза, а между ними был белый письменный стол с прозрачным стульчиком луи гоуст и настольной лампой с таким же прозрачным основанием. У противоположной стены стояла кровать с бархатным золотистым изголовьем с каретной стяжкой, упирающимся прямо в потолок. Ева села в кресло, которое стояло у огромного окна, и начала всматриваться в ночной город. В голове она прокручивала события сегодняшнего дня, пытаясь найти выход из сложившейся ситуации, но поняла, что не очень-то и хочет его искать, она поймала себя на мысли, что где-то в глубине души даже обрадовалась тому, что никуда уезжать не придется, но как только попыталась объяснить себе причину столь странной реакции, как услышала сигнал пришедшего на телефон сообщения. Это был Игорь. На лице Евы расплылась улыбка, обозначающая причину ее хорошего настроения.

«Самая красивая и самая милая Ева, прошло всего несколько часов, а я уже очень скучаю по тебе, – писал Игорь, – ты очень огорчена из-за паспорта?»

«Я пытаюсь мыслить позитивно», – ответила Ева.

«Мы с Юрой еще целую неделю будем в Питере и постараемся развлечь тебя, чтобы ты не грустила. Вот, например, завтра приглашаем посмотреть Гранд макет, как тебе такая перспектива?»

«Завтра я свободна только вечером, надо уладить кое-какие дела».

«Договорились, значит вечером, я уже начинаю считать часы до нашей встречи», – написал юноша, поставив много улыбающихся смайликов. Потом через время добавил: «Сладких снов».

Ева ничего не ответила, взяла книгу, попыталась читать, но мысли уносили ее от героев романа, потом она забралась в постель, зарылась головой в кучу подушек, мечтательно закрыла глаза и уже начала дремать, как вдруг опять смс. Она подумала, что Игорь еще решил что-то написать, но сообщение было с неизвестного номера.

«Ты очень красивая, мне бы так хотелось тебя сейчас поцеловать».

Прочитав эти строки, Ева от неожиданности села в кровати. Ничего себе, смелое заявление. Интересно, кто же это мог быть? Наверное, Паша взял у сестры телефон и пытается сгладить неловкую ситуацию. Но Ева не собиралась ему так быстро все прощать. Хотя она была возмущена этими словами, но все равно ей было очень приятно, на ее лице заиграла самодовольная улыбка, но глаза уже слипались, мысли начали путаться, и она уснула.

Утро следующего дня у Анны и Лизи, живущих в разных концах города, началось одинаково – с сообщения от Евы: «SOS». Все три подруги знали, что, если пришло такое сообщение на телефон, нужно бросать дела и срочно ехать на тайное место встречи, и этим местом было кафе «Белая Медведица». Вот и сейчас девочки встретились на выходе из станции метро «Нарвская» и сломя голову помчались к назначенному месту.

Почему именно это кафе выбрали подруги для своих тайных встреч, было понятно: во-первых, оно находилось вдали от их домов, во-вторых, вдали от школы, значит, здесь нельзя было встретить ни чьих знакомых и, в-третьих, там была потрясающая кухня. Единственное, что огорчало девушек, так это большое чучело белого медведя, которое стояло на входе. Но они себя убеждали, что медведь прожил долгую счастливую жизнь, а перед смертью попросил себя увековечить в образе чучела второго по величине сухопутного хищника планеты.

Когда девушки появились в кафе, Ева уже ждала их за столиком. Хотя выражение ее лица было грустным, выглядела она, как всегда, безукоризненно. Отличного кроя небесно-голубого

цвета брючный костюм великолепно оттенял ее алебастровую кожу, волосы были убраны в высокий хвост, а на запястье сверкал браслет из белого золота и эмали.

– Ева, что стряслось, у нас полным ходом идет сбор чемоданов, и тут вдруг твое сообщение? – запыхавшись, сказала Лизи.

– Девочки, все пропало, я вчера потеряла свой загранпаспорт.

– Как потеряла, где?

– Не знаю, забрала его в турагентстве и домой не донесла.

– Что же ты будешь делать, чем мы можем тебе помочь?

– А что же тут сделаешь, я не еду с вами, вот и решила сообщить и отдать билеты в Мулен Руж. Но я, конечно, не знаю, как вы сможете сбежать от географички, и вообще, я думаю, эта была плохая идея, мне мой дядя сказал, что детей до 18 лет без сопровождения родителей точно не пустят на представление.

– Ну теперь без тебя мы никуда не пойдём, настроение не то.

– Билеты я все же распечатала, деньги теперь уже не вернуть, – Ева, сказав это, грустно вздохнула и положила на стол три билета.

– Три билета, надо просто уговорить Марину Ивановну тайно пойти с нами вместо тебя, и никаких проблем, – пошутила Лизи.

– Ева, как же мы без тебя поедём, хочешь, я тоже останусь, – Аня встала из-за стола и обняла Еву сзади за плечи.

– Нет, девчонки, все нормально, через неделю мы снова встретимся, и вы мне расскажите все о Париже, главное, сделайте побольше фоток и шлите мне видеосообщения.

– Мне срочно нужно поесть, вам хорошо, ваши мамы не работают, и, значит, всегда есть дома еда и уют, а мне все самой приходится делать, еще и с братьями возиться, – сказала Аня и позвала официанта. Лизи возразила с легкой иронией, сказав, что она не считает, что женщина должна сидеть дома и быть домохозяйкой, и хоть ей нравится, что мама всегда дома, она так жить не хочет, так как это очень несовременно.

– А я не считаю, что моя мама домохозяйка, она делает, что хочет: просыпается, когда ей удобно, надевает красивые платья, готовит утренний кофе, пьет его на террасе в окружении орхидей и красивой музыки, потом занимается домашними делами, гуляет, моделирует одежду, а вечером ей не надо думать о том, что завтра на работу рано вставать, она может время посвятить семье. По-моему, женщины боролись за права, а получили только новые обязанности в придачу к старым, а гендерное неравенство как было, так и осталось, – заявила Ева.

– Нет, Ева, ты не права, женщины боролись не только за право работать, но и избираться и быть избранными, занимать государственные должности, еще за телесную автономию и неприкосновенность и еще кучу других свобод, – со знанием дела произнесла Анна.

– Я все это, конечно, понимаю, но считаю, что это утопия, абсолютное равенство не достижимо: если необходимо будет передвинуть тяжелый шкаф или руководить войском, все равно позовут мужчину, но зато, благодаря этой борьбе женщин, я могу лишиться и того малого, что у меня было, теперь парни не считают нужным подать пальто, открыть дверь, уступить место. И если раньше дамам надо было бороться за право быть мужчиной, то теперь приходится бороться за то, чтобы быть женщиной.

– Ева, ты так говоришь, потому что ты красива, молода и рассчитываешь удачно выйти замуж, но ты совсем не знаешь жизни, нет ничего хуже, чем быть зависимой. Лучше всего рассчитывать только на себя, я зубами асфальт грызть готова за право учиться и работать, – негодовала Анна.

– Ладно, не будем спорить, в чем-то мы все-таки равны: большинство и мужчин и женщин не стали бы ходить на изнуряющую работу, если у них было полно денег, – смеясь, заключила Лизи, чтобы закончить спор.

Наконец появился официант с подносом, на котором стояли прозрачные вазочки с салатом и высокие стаканы со свежавыжатым яблочно-морковным соком. Трапезу прервал телефонный звонок, это был Игорь, он спросил Еву, когда она будет свободна и сможет присоединиться к их компании. Потому что изнывал от скуки и не мог дожидаться, когда увидит свою красавицу.

– Игорь, во-первых, кто тебе сказал, что я твоя красавица, – с ударением на слово "твоя", чуть сдерживая улыбку, сказала Ева. – А, во-вторых, я же предупредила, что буду свободна только после шести часов, так что наберись терпения, я перезвоню.

Последние слова прозвучали игриво, и Лизи с Анной поняли, что у Евы появился новый поклонник.

– Ну-ка быстро рассказывай, кто этот Игорь, почему мы еще ничего не знаем?

– Это двоюродный брат моей подруги детства, мы только вчера познакомились, а он уже невесть что напридумывал себе.

– А он тебе нравится, какой он?

– Он, конечно, красивый, как античный Антиной, такой стройный, высокий, с золотистыми волосами, ну все как я люблю, но какой-то взбалмошный, несерьезный, хотя я еще толком не разобралась, вообще-то у меня есть фотографии, смотрите.

Девочки долго рассматривали снимки в Евином телефоне, в ход пошли не только фото с Игорем, но и все, что они еще не видели. Девушки рассказывали друг другу, каким представляют своего будущего парня. Как и большинство юных особ, их в основном волновали внешние данные, веселость и харизма их избранников.

– Ева, как тебе может не нравится безрассудный парень. Я вот просто обожаю веселых и дерзких, – смеясь, заявила Лизи.

– Я тоже люблю веселых, но мне этого мало, мне нужна глубина... – мечтательно сказала Анна.

На минуту девочки задумались о своем, но у каждой в глазах и блуждающих улыбках сквозила прекрасная мечта о большой любви.

Когда подружки подошли к метро, пришло время прощаться, все стали немного грустными. Начали успокаивать Еву, чтобы она не расстраивалась, что не едет на экскурсию, убеждали, что в ее жизни будет еще не одна поездка в Париж, а Ева в свою очередь предостерегала их, чтобы они не наделали глупостей с Мулен Руж, и, конечно, они пообещали друг другу много писать, звонить и присылать видео.

– Ой, девочки, не забудьте мне привезти сувенир из Сант-Шапель, – попросила Ева, с грустью вспоминая о готической часовни-реликварии Сант-Шапель, стены которой сплошь состоят из витражей XIII века, и которую она теперь нескоро увидит.

Подруги застыли в групповом объятии, как три нимфы в центре фонтана, а потом разлетелись, каждая в своем направлении.

4. Побег

Паша сидел за столом, погруженный в свои мысли. Сегодня все собрались на воскресный обед в честь приезда бабушки. Это была мама Пашиного отца и поэтому обстановка за столом была довольно натянутой, так как бабушка для всех, кроме Паши, была чужим человеком. Мама Паши, чтобы разрядить обстановку, начала рассказывать нелепые истории о том, как она со своим новым мужем пытается сделать из Павла хорошего человека, умного, спортивного, трудолюбивого, а главное, дисциплинированного.

Паша сидел с красным лицом, уши его горели, комок стоял в горле, потому что из всего сказанного, по его мнению, правдой было только то, что они его муштровали неустанно. Просыпаясь ранним утром, он должен был идеально убрать свою комнату, дальше следовала мини-тренировка, которая для слабого физически Паши была настоящей пыткой: десять подтягиваний, тридцать отжиманий, пятьдесят приседаний и сто прыжков через скакалку, и все это под строгим наблюдением отчима, и завершало этот марафон ледяное обливание. Но и после этого испытания нельзя было спокойно идти в школу. Нужно было позавтракать, вынести мусор и отвести в школу сводную сестру Вику. И это было только началом дня.

– Пашенька, что же ты молчишь, расскажи бабушке, какой мы тебе подарок сделали на день рождения, – сказала Валентина Ивановна со странной интонацией в голосе, как будто она просит прощение за что-то.

– О да, бабушка, забыл сказать, они мне подарили смартфон с «ограничениями».

– С ограничениями? – удивилась Мария Степановна.

– Ну это я его так называю, – наигранно засмеялся Паша, – а по сути, бабушка, это так называемый «родительский контроль», который устанавливают детям, чтобы ограничить доступ к разным неблагонадежным сайтам. Но они не догадываются, что я уже не ребенок, и могу отключить все это, и сейчас не боюсь об этом заявить, потому что я принял решение, что больше не останусь здесь. А уезжаю жить к бабушке!

Паша выпалил все это громко, в конце перешел на крик с тенью легкой истерики в голосе. У всех присутствующих на лицах появилось выражение недоумения, еще не до конца поняв сказанное, все сидели молча, а Павел тем временем, не спрашивая разрешения выйти из-за стола, пулей умчался в свою комнату.

Валентина Ивановна встала и хотела пойти вслед за сыном, но бабушка придержала ее за руку и предложила разобраться в произошедшем. Когда она вошла в комнату, Павел стоял спиной к двери и что-то судорожно искал в ящике стола. Убранство комнаты было аскетичным, ничего лишнего: кровать, письменный стол, вращающийся черный стул и встроенные в стену платяной и книжный шкафы. И только когда Паша, повернувшись, указал бабушке рукой на маленькое креслице, стоящее у двери, Мария Степановна поняла, что у него редко бывают гости, иначе это кресло не стояло бы так сиротливо у самого входа, не принимая участия в жизни всего интерьера.

Прошло несколько минут, прежде чем Паша решился прервать молчание. Он держал в руке ключ, который только что извлек из ящика, пальцы у него дрожали, а на глазах были видны следы только что стертых слез.

– Бабушка Маша, ты не волнуйся, тебе не будет тяжело со мной, я все это время собирал деньги, которые мне давали на карманные расходы, а еще раздавал газеты и рекламные листовка, вот смотри.

Он быстро подошел к книжному шкафу, из-за книг достал шкатулку и поставил ее на стол. Шкатулку Мария Степановна сразу узнала, она была в индийском стиле, выполненная из ценной породы дерева – красного палисандра, роскошная темная древесина красиво сочеталась с белым этническим узором индийских мотивов. Эта вещь принадлежала ее сыну Арка-

дию, он хранил в ней какие-то свои секреты, но она из-за своей врожденной деликатности никогда не стремилась посмотреть на ее содержимое. И вот сейчас, когда Паша был вынужден держать эту шкатулку за книгами, да еще запертой на замок, женщина с болью в сердце осознала, в каких условиях приходится жить ее внуку.

– Павел, ты должен мне объяснить, почему принял такое серьезное решение, ты же понимаешь, что это изменит твою жизнь – школа, друзья, мама, Вика, как ты без всего этого?

– Бабушка, я здесь никому не нужен, они меня не любят, они только и ждут, чтобы я куда-нибудь делся, неужели ты этого не замечаешь!

Паша долго рассказывал Марии Степановне о тяготах своей жизни и потом в конце добавил:

– И еще Ева, она отказала мне.

– А вот и самая важная причина, вот, наконец, найдена точка кипения, может, расскажешь, что произошло.

– Что тут рассказывать, я предложил ей встречаться, а она сказала, что может быть только моим другом, – не глядя бабушке в глаза, ответил раздосадованный юноша.

– И ты из-за этого решил перечеркнуть всю свою жизнь?

– Бабушка, ты не понимаешь, Ева была единственным человеком в этом городе, которому я мог доверить все свои тайны, рассказать о своих проблемах и маленьких радостях. Я все это время друзьям твердил, что она моя девушка, а в августе у Ярика день рождения, и я всем сказал, что буду на нем с Евой.

– Это все равно не причина бежать от своей жизни, – ласково сказала бабушка Маша и провела рукой по непослушным волосам внука.

– Причин накопилось столько, что я не могу спать, не могу есть, я уже не живу, а существую, как самый настоящий зомби. Ты же позволишь мне поехать с тобой, я очень тебя прошу, если бы папа был жив, все было бы совсем по-другому, – используя самый жестокий и безотказный аргумент, с большим волнением заявил Паша.

Мария Степановна встала с кресла, медленно подошла к окну и, не поворачивая головы в сторону внука, глубоко вздохнув, спокойно сказала:

– Это очень сложное решение, я еще не знаю, как мы это устроим, но у меня есть предложение, давай ты поедешь ко мне на лето, а там посмотрим.

– Ура, бабушка, ты лучшая, обожаю тебя! Паша вскочил на ноги, начал обнимать свою спасительницу, попытался даже ее приподнять и на глазах у обоих навернулись слезы.

Когда Мария Степановна вышла из комнаты, Павел упал на кровать совершенно без сил. Столько дней он вынашивал этот план, мысленно представлял, какой разыграется скандал, как его все будут убеждать остаться в Питере, как злобно будет сверкать на него глазами отчим, какие аргументы будет приводить мама, и что он должен будет делать, чтобы убедить всех, что ему нужно уехать. Полежав немного в тишине и успокоив свое быстро бьющееся сердце, Паша взял со стола синий кожаный блокнот и открыл его на месте тонкой атласной закладки, там лежал билет. Билет в первый ряд на отчетный концерт танцевальной группы «Сувенир», который ему дала еще в начале мая Ева. Она будет там выступать, и, самое главное, у нее будут сольные партии, Паша знал, как для нее это важно, как долго она к этому шла, сколько сил и терпения было положено, сколько пота пролито, чтобы получить эти соло. Он не пропустил еще ни одного Евиного концерта начиная с десяти лет, был в курсе всех событий ее творческой жизни. Ева мало говорила о танцах со своими школьными друзьями, у них были другие цели, они стремились попасть в университеты «Лиги Плюща», группы «Расселл» или, в крайнем случае, в МГИМО, о танцах думать не приходилось, но Ева все же решила рискнуть и совместить учебу и творчество.

Конечно, Паша мечтал, как пойдет на этот концерт, как по его окончании они по традиции пойдут в ресторан с Евиной семьей, и как он нежно поцелует Еву в щеку после тоста об

ее успешном выступлении, и пусть в его бокале будет налит яблочный сок, но это самые пьянящие минуты его такой еще неискушенной жизни. Но сейчас другие времена, он не может показаться на глаза Еве, он так опозорился перед ней, и лучшее, что он сейчас может сделать, так это уехать или, точнее сказать, как назвала это бабушка, – бежать!

5. Все тайное становится явным

Ева не спеша брела по питерским улицам и разглядывала пышные клумбы с разноцветной петуньей, в которых летом традиционно утопает город. Встреча с Ланой и ребятами была назначена у одного из питерских театров, а значит, вечер обещал быть интересным. Ева любила драматические постановки, и оперу, и балет, поэтому каждое посещение театра было для нее маленьким праздником. В этот день она была приглашена на пьесу «Синие розы», по произведению Теннесси Уильямса «Стеклянный зверинец», в которой рассказывалось об особом типе людей, чутких, чувствительных, не похожих на других и поэтичных по своей натуре, живущих своими иллюзиями, мечтами и воспоминаниями. Людей, подобных хрупким стеклянным фигуркам, готовым разбиться вдребезги от малейшего прикосновения реальности. Но до начала спектакля еще было немного времени, и молодые люди не думали о судьбе персонажей, которые скоро выйдут на сцену, они беззаботно ели мороженое, пили коктейли и слушали веселые истории Игоря, который рассказал, что последний раз в театре был еще в начальной школе на сказке «Гуси-Лебеди», и что любимым его персонажем была Баба Яга. Всеобщему веселью не было предела, как и каждый раз, когда они собирались вместе. Постепенно приходило осознание того, что между ними зарождается настоящая дружба, Игорь даже начал называть их «блистательным квартетом».

Когда пришло время заходить в зал, и друзья в предвкушении чего-то необычного подошли к своему ряду, Лана наклонилась прямо к Евиному уху и тихо произнесла:

– Я хочу сесть рядом с Юрой, пропустишь меня?

– Да, конечно-конечно, – ответила Ева, пропуская Лану вперед.

Но их замысел не удалось осуществить, Юра шел по ряду первым, а за ним быстрым шагом продвигался Игорь со словами:

– Ева, солнце, садись со мной рядом, – он отогнул откидное сиденье, помогая Еве сесть поудобнее.

Девочки переглянулись, но постеснялись реализовать свой план, и Лане ничего не осталось, как сесть рядом с Евой, что изрядно подпортило ее настроение.

– Странно, почему Юра ничего не предпринял, чтобы сесть со мной? – грустно прошептала Лана, поворачиваясь к подруге.

– Просто постеснялся, – ласково ответила Ева, – не переживай, все еще впереди.

В антракте друзья вышли в фойе и, собравшись в кружок, начали делиться впечатлениями, но тут Ева заметила Лизи, которая прохаживалась с каким-то молодым человеком вдоль стены с фотографиями артистов. Она не успела решить, хочется ей знакомить Лизи со своими новыми друзьями или нет, как девушка помахала ей программкой и, взяв своего спутника за руку, направилась к их компании. Они, как-то не вдаваясь в подробности, представили своих знакомых, и Лизи, показывая глазами на Игоря, незаметно для остальных игриво захихикала и весело произнесла:

– Он просто душка, вы уже целовались?

– Конечно нет, я еще ничего не решила, – ответила Ева и еще раз оценивающе посмотрела на Игоря.

Когда девушки распрощались, и Ева вернулась к своим друзьям, думая о словах Лизи, она поймала на себе внимательный взгляд Юры, от которого почему-то почувствовала неловкость, а когда их взгляды встретились, то на Евином лице предательски вспыхнул румянец, и она силились найти этому объяснение, а Юра вдруг резко перевел взгляд на Лану и, потирая рукой подбородок, произнес с подчеркнутой вежливостью:

– Лана, у тебя красивое платье сегодня, зеленый тебе идет. Ева была в шоке, а как же ее платье, которое они с мамой вчера купили специально для этого выхода, и босоножки с

замшевыми ремешками, изящно обхватывающими ее тонкую щиколотку. Зато Лана была на седьмом небе от счастья, она заулыбалась, выставляя не только свои крупные зубы, но и часть розовых десен, и, расправляя обеими руками плохо заутюженные складки платья, ответила:

– Да, зеленый – мой любимый цвет.

Ева постаралась себя успокоить, думая, что ей совершенно не интересно мнение какого-то провинциального мальчишки. «Не понимаю, как он может нравиться Лане», – подумала она и, встряхнув своими каштановыми локонами, улыбнулась.

– Кажется, нам пора в зал, уже третий звонок, – на ходу бросила Ева и, взяв Игоря под руку, чем его приятно удивила, проследовала в зал. Пока они шли по проходу, Игорь вспомнил, что перед Евой сидел очень высокий мужчина и закрывал ей обзор и решил предложить поменяться местами, на что Ева, зная, как Лана хотела сидеть рядом с Юрой, ответила:

– Давай посадим туда Лану.

– Но перед ней же и так пустое кресло, вид лучше некуда, – недоумевая, пожав плечами, произнес Игорь. – Ладно, – сказала растерявшаяся Ева и оказалась в итоге в кресле между Игорем и Юрой. Она посмотрела на удивленную Лану и извиняясь развела руками. Лана разочарованно откинулась на спинку кресла. Смотреть спектакль ей совсем расхотелось. «Мое типичное невезение, – думала она, – Ну хотя бы смотреть на Юру мне никто не может запретить», – успокоила себя Лана и принялась изучать его профиль.

Черты его были жесткими: скулы, нос были будто очерчены грифельным карандашом, он сидел неподвижно, сосредоточенно глядя на сцену, Лана на расстоянии чувствовала его напряжение, руки были сильно сжаты в замок, так что даже побелели в некоторых местах, при этом он прикусил нижнюю губу, казалось, что еще немного и из нее пойдет кровь. Лана недоумевала, неужели его так разволновали события, происходящие на сцене, и решила тоже попытаться прочувствовать спектакль, но она откровенно скучала и через какое-то время даже задремала.

В это время Юру изучала еще одна пара глаз. Ева впервые оказалась к нему так близко, их руки на подлокотнике соприкоснулись, и она заметила, как мышцы на его мощной шее зашевелились от напряжения. «Неужели я ему так неприятна», – подумала Ева и прижала руку к своему телу. «Надо было сидеть на своем месте, вдруг теперь он подумает, что это я захотела сидеть с ним рядом, какой стыд», – корила себя Ева, нервно вращая браслет на своем тонком запястье. И почему вообще она о нем думает, есть ведь Паша, Игорь, которым она интересна, и еще этот тайный незнакомец, лучше подумать, кто он, чем расстраиваться из-за Юры, который едва смотрел на нее, а если и говорил ей что-то, то все непременно какие-то колкости.

И только Ева решила больше никогда о нем не думать, как произошло событие, которое себе можно представить только в кошмарном сне. Администратор остановил спектакль и объявил эвакуацию, а на табло для титров загорелись стрелочки с указанием выхода.

Все вдруг начали вставать со своих мест, начался хаос. Ева не успела еще сообразить, что происходит, как вдруг почувствовала, что Юра крепко взял ее за руку и повел, пробираясь через обезумевшую толпу, к одному из эвакуационных выходов. Как не пытались капельдинеры всех успокоить и организовать движение, страх застил людям глаза, они толкали друг друга, кричали. Обзор Еве закрывал высокий тучный мужчина с наголо выбритой головой, он пыхтел, нервно тер руками бока и оглядывался по сторонам, как будто искал кого-то, пройдя еще немного, девушка услышала детский плач, обернувшись, заметила молодую женщину, которая прижимала к себе девочку лет пяти, уговаривая ее ничего не бояться, сзади толпа напирала, и голоса испуганных и взволнованных людей слились в протяжный гул, и весь зрительный зал напоминал огромный пчелиный рой, в котором все двигались, но при этом оставались на месте.

Еве казалось, что сейчас она упадет и ее непременно затопчут, но Юра шел уверенно, рассекая мощным торсом толпу и мертвой хваткой сжимая Евину руку, через несколько мгновений они оказались на свободе, и, хотя на улице было тепло, Ева дрожала от шока, глаза были

наполнены слезами. Юра посмотрел на нее пронзительным долгим взглядом и, не произнося ни слова, резко прижал себе. Ева прислонилась лбом к его груди и закрыла глаза, на секунду все вокруг перестало существовать, от него пахло кедром, мятой и немного лимоном, дрожать она перестала, но рук Юра так и не разжал, пока она не услышала за спиной взволнованный голос Игоря:

– Ева, Юра, слава богу, я думал, мы вас потеряли!

Юра молниеносно отпустил Еву и даже сделал шаг в сторону от нее. Встревоженная, она тут же решила позвонить маме, и вскоре Натали уже подъехала к театру и предложила подвезти остальных ребят, но они приняли решение вызвать себе такси, чтобы ее не утруждать.

Вечером, поужинав, молодые люди не расходились, а продолжали сидеть за обеденным столом, каждый занимаясь своим делом. Лана помогала Вере Федоровне убирать посуду, Игорь сидел в кресле и читал новости в своем телефоне, а Юра медленно прохаживался по комнате. Так как эта комната служила не только гостиной, но еще и спальней, то пространство между диваном и столом было разграничено книжным стеллажом. На полках стояла разного рода литература, здесь были несколько полных собраний сочинений английских классиков, какие-то книги из серии «Классика и современник», детская энциклопедия в коричневом переплете, толковый словарь Ожегова, можно было разглядеть затертые переплеты современных детективов, медицинский справочник, нотные тетради и все это перемежалось какими-то статуэтками и сувенирами, сбоку даже нашел для себя место маленький кактус. Юра смотрел на все это многообразие и пытался разобраться, какие же интересы у домочадцев, но, так и не сумев понять, подошел поближе и взял книгу, которую, на его взгляд, кто-то недавно читал, она не была пыльной в отличие от других и стояла глубже всех. Это был Диккенс, «Лавка древностей» – любимый роман его мамы, эта мысль, словно тупая пила, прошла по сердцу Юры, он задумался, вспоминая нежный мамин голос, которым она на ночь читала ему вместо сказок приключенческие романы Жюль Верна, и закрыл глаза, чтобы оживить в памяти мамнины черты, так он делал, когда был младше, лежа в кровати, и, когда чувствовал, что по щекам уже покатались слезы, укрывался с головой одеялом и засыпал, представляя, что она сидит рядом в кресле.

Звук фаянсовых чашек, которые одна в другую складывала Вера Федоровна, вернул Юру в реальный мир, и он наконец открыл книгу, пробежался глазами по содержанию, пролистнув несколько страниц, хотел найти свой любимый момент в романе, но тут из книги что-то выпало, посмотрев на пол, юноша увидел, что это паспорт.

– Ой, чей-то загранник, – сказал Юра и нагнулся, чтобы поднять, но его опередила Лана.

– Это мой, – почти прокричала она и, прижав паспорт к груди с красным лицом, уставилась на маму. Вера Федоровна, напротив, сделалась бледная, как мел, и еле двигаясь, вышла из комнаты.

– У тебя есть загранпаспорт, а говорила, не путешествуешь, дай посмотреть фотку, – беззаботно попросил Игорь.

– Нечего тут смотреть, я плохо выхожу на фотографиях, – все еще с волнением в голосе проговорила Лана и положила паспорт в свою сумочку, плотно закрыв молнию. Вскоре парни отправились укладываться спать, а Лана прошла на кухню к маме. Когда два так похожих друг на друга человека оказались лицом к лицу в мрачной комнате, казалось, что боль, стыд и гнев, который они испытывали, был такой силы, что этой энергии хватило бы для ядерного взрыва.

– Это то, о чем я думаю, это паспорт Евы, тот, который она недавно искала? – наконец произнесла Вера Федоровна, голос ее так сильно дрожал, что сложно было разобрать слова.

– Мама, прости, прости меня, я не знаю, что на меня нашло, просто было так обидно, это же я мечтала поехать в Париж, а все достается ей, и красота, и успех, и путешествия, а у меня

теперь даже отца нет, – громко рыдая, сказала Лана, потом подошла к матери, взяла ее за руки и попыталась прижаться к ней, но женщина отдернула свои руки и прошла к окну.

– Я понимаю, тебе сейчас очень тяжело, но опуститься до воровства – это уж слишком, ты немедленно позвонишь Еве и отдашь паспорт, – твердым голосом произнесла женщина, не поворачиваясь к дочери. Она не могла поверить, что все это происходит на самом деле, что ее умная, всегда такая честная, презиравшая несправедливость и обман дочь, сейчас стоит за ее спиной и просит прощение за воровство, которое повлекло за собой определенные последствия, тщательно продуманные Ланой, как настоящее преступление.

– Нет, мамочка, я не могу этого сделать, Ева меня не простит, а Юра, он же будет меня презирать, мне будет очень стыдно, давай я выброшу этот злополучный паспорт, пожалуйста, никто не узнает, и этого больше никогда не повторится, честно слово.

В комнате опять воцарилась тишина, Вера Федоровна села на стул и, не моргая, смотрела на капли воды, которые монотонно капали в раковину, образуя большое ржавое пятно, а Лана стояла у двери и тщательно вытирала капли, которые одна за другой скатывались по ее щекам. Какое-то время они молчали, потом женщина встала и, тяжело дыша от давящей боли в груди, пристально посмотрела Лане в глаза и со словами: «Ты меня глубоко разочаровала!» – вышла из комнаты.

Пока в доме Ланы разворачивалась драма, Ева с мамой подъезжали к своему дому, и Натали, беспокоясь, что Ева расстроена тем, что не поедет с классом в Париж из-за утерянного паспорта, решила предложить ей альтернативный вариант:

– Давай папа из рейса придет, и мы обязательно полетим в этот прекрасный город, сядем на самолет и через три с половиной часа мы уже в Париже, а хочешь, поедем на поезде, будем мирно покачиваться в вагоне и разглядывать в окно ухоженные европейские пригороды и наслаждаться видами великолепных Альп, которые в любое время выглядят ожившими иллюстрациями к сказкам.

Ева слушала маму спокойно, она хоть и была рада, что Натали уже планирует их предстоящую поездку, но мысли ее то и дело возвращались в театр, который она только что покинула, но девушка думала не о спектакле, она вспоминала, как Юра хвалил Ланино платье, как он доедал мороженое до самой последней капельки, так что прозрачная вазочка казалась совсем чистой, с какой заботой он остановил Игоря, когда тот пытался перебежать дорогу на красный свет, но больше всего то, с каким трепетом он прижал ее к своей груди, взволнованную, растерянную, напуганную. Не понимая своих противоречивых чувств к этому парню, Ева повернулась к маме и, сложив руки на груди, произнесла:

– Мам, представляешь, этот Юра ведет себя очень странно, то как будто специально хочет меня уколоть, то пытается защитить.

Наталья Сергеевна заулыбалась, она-то думала, что ее дочь проводит время с этими молодыми людьми ради Игоря, который сегодня произвел на нее вполне благоприятное впечатление, но сейчас поняла, что Юра тоже в этих отношениях играет немаловажную роль.

– А что он такого делает, можешь мне рассказать, – поинтересовалась Натали, аккуратно пробираясь между припаркованными автомобилями, которые сильно затрудняли движение в их, казалось бы, таком просторном дворе. Но не успела Ева ответить, как дама резко затормозила и начала сдавать назад.

– Мама, что происходит, почему мы едем в обратном направлении, въезд в паркинг свободен, можем спокойно заехать.

Натали была человеком сдержанным, умеющим тщательно скрывать свои эмоции, по ее выражению лица было невозможно понять, что она чувствует, о чем думает и что переживает, единственное чувство, которое она позволяла продемонстрировать окружающим, это было восхищение и то для этого должен был быть весьма значительный повод. Но сейчас Ева

заметила, что мама на какую-то секунду заволновалась, но потом мгновенно вернула своему лицу маску полной отрешенности и совершенно спокойным голосом произнесла:

– Понимаешь, в нашем благотворительном фонде появился один высокопоставленный господин, некий Михаил Леонидович Замковский, его перевели к нам из Москвы, и он невесть что о себе воображает. Вчера предложил подвезти меня домой после заседания и по дороге делал столько комплиментов, я даже в какой-то момент подумала, что это выходит за рамки приличия. Но, покинув его машину, я благополучно забыла о нем, а сейчас этот Замковский стоит у нашей парадной с огромным букетом, и я предполагаю, что эти цветы для меня.

– Мама, так надо подойти и все ему высказать, что у тебя есть муж, и ты не намерена терпеть его ухаживания, – разволновалась Ева, которая, в отличие от Натали, была очень решительно настроена.

– Ева, милая, я обязательно с ним поговорю, только не хочу делать это в нашем дворе, на глазах у всех. Хочу сделать это деликатно, мы же все-таки взрослые люди и, вообще, я предпочитаю, чтобы все в моей жизни выглядело достойно, даже отказ.

– Хорошо, но что же мы будем делать, как мы попадем домой, – продолжала волноваться Ева.

– А знаешь, у меня есть предложение, поехали в гостиницу, ту, что на Миллионной, потом пойдем в ресторан, помнишь «Штакеншнейдер», люблю их кухню.

Ева тоже любила этот ресторан, приходя туда, можно было в полной мере ощутить себя гостем великого архитектора Андрея Ивановича Штакеншнейдера. В XIX веке в помещениях, где сейчас находился ресторан, архитектор собирал званые вечера, которые посещали И. К. Айвазовский, И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, А. П. Брюллов. И поэтому Ева, оказавшись здесь, полностью погружалась в окружающую ее атмосферу дворянского Петербурга, представляла себя в пышном платье с кринолинами и веером в руках, наблюдающей за Иваном Сергеевичем, который черкает в своей рукописи, снова и снова перечитывая «Отцы и дети».

Две красивые дамы вошли в ресторан, одна была еще совсем юная, но уже умевшая себя держать достойно, не забывая при этом слегка кокетничать, и вторая, выглядевшая очень молодо, и, хотя ей было уже сорок два года, она вполне могла сойти за старшую сестру сопровождавшей ее юной особы, но если посмотреть повнимательней, то по выражению ее спокойных, чуть уставших глаз можно было догадаться, что она не подруга и не сестра. Так что ни у кого в зале не было сомнений, что за небольшим столом в центре разместились мать и дочь. Они были полностью поглощены друг другом и, поедая салат из томатов, крабовой фаланги и яйца пашот, вели привычную для себя беседу. Ева рассказывала о том, как Юра сделал Лане комплимент и похвалил ее зеленое платье, и как только дело коснулось нарядов, Натали тут же достала из своей дамской сумочки ручку с золотым пером и прямо на белой бумажной салфетке начала рисовать модель придуманного ею платья для дочери и тут же гордо произнесла:

– Перед этим платьем точно никто не сможет устоять!

Ева, расплывшись в очаровательной улыбке, даже легонько захлопала в ладоши, демонстрируя свой восторг относительно увиденного. Она всегда носила только дизайнерскую одежду и, хотя имела возможность покупать себе наряды лучших модных домов мира, те модели, которые конструировала Натали, были у нее самыми любимыми. Натали тут же позвонила портнихе и, решив утром заехать в любимый магазин тканей на Маяковской, дамы вполне довольные собой, заказали десерт. Несмотря на то, что было уже поздно для десертов, мать и дочь решили, могут себе позволить такую роскошь, но новая тема разговора их так увлекла, что поставленные официантом на стол ягодный смузи и запеченное яблоко в карамели так и остались нетронутыми.

– Ева, я сегодня была в мастерской одного молодого художника и до этих пор нахожусь под впечатлением. Его работы так самобытны и пронизаны таким эстетизмом, что я не могла отвести от них глаз. В них нет кричащего буйства красок и нарочитого выпячивания негатив-

ных эмоций, но при этом не чувствовалось перифраза старых мастеров, этот юноша смог найти свой собственный почерк, и это достойно внимания.

– Как жаль, мама, что у нас нет собственной галереи, тогда скольким бы талантам стало проще жить, они бы выставляли свои работы у нас и так могли заявить о себе всему миру.

– А ты знаешь, отличная идея, думаю, нам стоит этим заняться, – гордясь зрелыми мыслями своей дочери, согласилась Натали.

– Я бы хотела, чтобы она была необычная.

– Да, в последнее время все эти галереи – лофты с кирпичными стенами и бетонными колоннами – набили оскомину, они все равно задают определенный тон выставкам, и, переступив порог такого заведения, ты уже настроен на определенный лад, а я хочу, чтобы наше пространство было как чистый холст, на котором можно создать любое настроение и передать только те чувства, которые задумал художник.

Мать и дочь еще долго сидели, представляя, как будет выглядеть их галерея, и какие ошеломительные мероприятия они будут в ней устраивать, так что, когда Ева положила голову на подушку, глаза ее слипались и уже не было сил даже прочитать сообщения от Лизи, Ани, Игоря и Ланы, но Ева упорно искала сообщение, которое могло прийти с загадочного номера, и нашла его, но, когда прочла, удивлению ее не было предела:

«Ева, я, кажется, знаю, где твой загранпаспорт, ты его не потеряла».

6. Просто знакомый или закадычный друг

Юра родился в живописном пригороде Великого Новгорода, в семье талантливого плотника и школьной учительницы. Дом их представлял собой идиллическую картину. Коттедж в нормандском стиле утопал в зелени сада. Нижний этаж был более массивным из рустованного камня, верхние этажи были выкрашены в белый цвет и украшены декоративными деревянными балками, напоминающими фахверк, но французские окна, дормеры на чердаке и крыша с широкими фронтонами, украшенная кованой решеткой и аккуратными шпилями, придавали дому особый сказочный вид.

Но если дом со сложными коваными деталями был делом рук отца Юры, то предметом особой гордости и плодом невероятного терпения и трудолюбия его матери был сад. В нем было множество укромных уголков, старые вязы, клены и скамейки, утопающие в розовых кустах. Дорожка из известняка вела от калитки до самого крыльца, с обеих ее сторон были устроены пышные цветники: здесь росли ирисы, флоксы, колокольчики и гортензии, а у самого дома раскидистые кусты сирени и чубушника. И над всем здесь царил женский дух.

Каждый день жизни их семьи был согрет материнской заботой, каждый уголок был облакан ее вниманием, и тем заметнее и значительнее была ее внезапная смерть. Потеряв эту женщину, их маленький мир сначала замер в оцепенении, а потом постепенно угас. Сначала завяли цветы, Юра перестал ходить в школу, почти ничего не ел, потом выросли сорняки на газоне, он перестал выходить на улицу, не общался с друзьями, а потом запустение дошло и до дома, потрескалась краска на крыльце, отец Юры начал пить, потекла крыша, были просрочены все заказы, закончилась еда, а он всепил, как будто пытался выпить весь океан печали, затопивший их семью, но проигрывал в этой схватке – захлебывался в своем горе и тащил на дно своего сына.

И не известно, чем бы эта история закончилась, если бы их дом не посетила классная руководительница Юры и не заявила, что отца могут лишить родительских прав, а сына определить в интернат. Юре на тот момент шел двенадцатый год, и он прекрасно понимал, что это не просто слова, и, по рассказам родителей, которые были сиротами, знал, как сложно жить в детском доме.

Визит учительницы заставил отца Юры встрепенуться и поклясться, что возьмет себя в руки, а Юра не пропустит ни одного школьного дня. К сожалению, отец не смог сдержать данного обещания, а Юра больше никогда не пропускал занятия в школе, даже если болел. Но жизнь его была очень сложной: отецпил, с работы его уволили, он практически не приносил денег в дом, и Юре приходилось самому доделывать редкие отцовские заказы по плотницкому делу. Весной вместо газона и клумб он засаживал огород рассадой, которую ему давала сердобольная соседка, а огурцы выращивал из семян в коробочках из-под сметаны прямо в гостиной на окнах. Из книг по садоводству, которые Юра брал в школьной библиотеке, он знал, что все росло бы лучше, если бы были удобрения и специальные лампы, но этого он себе позволить не мог.

Учился он плохо, так как попросту у него не хватало на это времени, но зато очень серьезно относился к тренировкам по тяжелой атлетике. Конечно, занятия были платными, но тренер, когда Юра прекратил появляться в спортивном клубе, встретил его на улице и сказал, что он может посещать их бесплатно, только никому об этом не говорить.

Так все эти заботы и занятия помогли Юре пережить горе, которое неожиданно свалилось на него в таком юном возрасте, вот что не давало ему нормально существовать, так это жалость, которую он испытывал к отцу. Как он его не упрасивал, увещевал, как не злился и ругался, ничего не помогало, отецпил ипил, очень постарел, опустил, ничем не интересо-

вался, плохо ел, исхудал, часто болел, потихоньку распродал вещи из дома, стал замкнутым и озлобленным.

В этом скейт-парке были оборудованы всевозможные поверхности для трюков и отведены места для новичков. Юра наблюдал, как катаются другие, потом попробовал сам, а примерно через час увидел, как какой-то мужчина обучает подростка, и прислушался: Время шло, Юра подрос, окреп морально и физически, но дружбу по-прежнему ни с кем не водил. Он стеснялся, что у него не было модных гаджетов, в компьютерные игры он не играл, у него не было ни телефона, ни странички в соцсетях, ни велосипеда, ни планшета.

После уроков Юра сразу направлялся домой, чтобы избежать лишних расспросов от сверстников. Была у него только одна вещь, которой он очень гордился – скейтборд. Юра нашел его сломанным возле спортклуба и спросил у тренера, может ли он его взять, если тот никому не нужен, и, получив одобрение, забрал скейт в отцовскую мастерскую, где целых пять дней не покладая рук приводил его в порядок: отремонтировал амортизатор, заменил подшипник, раскрасил и покрыл лаком деку и подклеил верхнее покрытие. Потом отвел два дня для полного высыхания и на выходных отправился в город в скейт-парк, чтобы испробовать своего нового и единственного друга.

– Покачайся с пятки на носок, попрыгай, попробуй поднять край доски и побалансируй на одной из осей, упали. Короче, как следует освойся, прежде чем переходить к трюкам, – объяснял мужчина.

Юра внимательно слушал и пробовал повторять все движения, которые показывал чужой учитель, потом каждый день оттачивал мастерство у себя на заднем дворе, где был небольшой деревянный настил. Юра приспособил для него старый кусок линолеума, чтобы выровнять поверхность, потом сам смастерил рампу, благо руки у него были умелые, особенно в плотницком деле, а в выходные дни ездил в город, где осваивал все новые и новые трюки, и к осени уже был асом в этом деле. Ребята с восторгом смотрели не только на его доску, но и на его мастерство.

Однажды Юра приехал в скейт-парк под вечер, утро выдалась тяжелым из-за отца, а покататься очень хотелось, и, когда он был на месте, солнце уже садилось, и скейтбордистов было совсем мало. Юноша прокатился пару раз и за самой высокой рампой услышал какую-то возню, потом угрозы и явные признаки драки, он отъехал, решив не вмешиваться, но через время, проезжая мимо, заметил, что группа ребят, три-четыре человека, бьют одного, пытаются что-то у него отнять. Юра был из тех, кто не выносит никакой несправедливости, и бросился на помощь пострадавшему. Так как он долгое время занимался спортом, причем тяжелой атлетикой, ему не составило никакого труда отбить потерпевшего и заставить обидчиков спасаться бегством.

– Спасибо, друг, ты меня так выручил, – сказал, стирая рукавом кровь с лица, парень, которого только что спас Юра.

– А что они от тебя хотели? – спросил Юра, подталкивая ногой валявшийся в стороне скейтборд.

– Да новенький мобильник хотели отобрать, а мне его только вчера родители подарили, уж очень не хотелось с ним расставаться, – несмотря на разбитое лицо, незнакомец говорил улыбаясь, явно демонстрируя легкий нрав.

– Понимаю, – отстраненно посмотрев в сторону, ответил Юра, встал одной ногой на скейт и покатился прочь.

Но спасенный не собирался так просто распрощаться со своим избавителем, ему очень хотелось выразить свою благодарность, и он покатился следом.

– Эй, подожди, я тебя здесь уже несколько раз видел, где ты так хорошо научился кататься? – слегка коснувшись Юриного рукава, спросил незнакомец.

– Сам, дома учусь, смотрю на других и стараюсь повторить, – неохотно буркнул себе под нос Юра.

– Вот здорово, я видел, как ты Beta Flip делал, можешь меня научить? – расплываясь в лучезарной улыбке, попросил парень. Юра опешил, настолько расслабленным казался его собеседник, такой простой и одновременно неожиданной была его просьба, и таким по-детски наивным было его открытое лицо, что отказать ему Юра не мог:

– Давай, тебя как зовут?

– Игорь.

– А меня Юра, вот смотри, прием представляет собой полный оборот доски, сделанный по двум осям...

Юра еще долго объяснял и показывал Игорю технику разных трюков, а когда совсем стемнело, Игорь сказал, что ему пора домой и попросил у Юры номер телефона, чтобы на следующей неделе встретиться и позаниматься.

– Извини, но я не могу тебе дать свой номер, – холодно ответил Юра и отстранился.

– Ты чего разозлился, я подумал, мы бы могли стать друзьями, – недоумевая проговорил Игорь и пожал плечами.

Юра, на секунду забывший о своей сложной жизни, будто опять стал беззаботным подростком, но простой вопрос Игоря внезапно вернул его в тяжелую реальность, где у него нет телефона, вообще ничего нет, а главное хобби – добывать себе еду, к горлу подступил комок злости, отчаяния.

– Мне пора, – нервно проронил он и быстро скрылся в темноте.

Игорь шел домой хмурый, его обычная веселость куда-то улетучилась, со стороны можно было подумать, что его огорчают синяк под глазом и разбитая губа, но он думал о парне, который отверг его дружбу, что было ново для вечного заводилы в школе и дворе, но не уязвленное самолюбие мучило Игоря, а неясная тревога за его нового знакомого, так внезапно появившегося и столь же внезапно исчезнувшего из его жизни. И не привыкший быстро сдаваться, юноша во что бы то ни стало решил еще раз встретиться с Юрой и все выяснить. Но это оказалось не так-то просто, у Юры долгое время не было возможности появиться в скейт-парке, а Игорь при первом удобном случае сразу спешил туда, в надежде встретить этого загадочного парня. И вот спустя месяц, когда энтузиазм Игоря почти сошел на нет, он заметил, как группа людей, то вскрикивая, то срываясь на аплодисменты, наблюдает за выступлением какого-то скейтбордиста-смельчака, выделявавшего смертельные трюки, каково же было его удивление, когда в этом скейтере в потертых джинсах и клетчатой рубашке Игорь узнал Юру.

– Привет, а тебе явно жизнь не дорога, – пристально смотря Юре в глаза, сказал Игорь, когда все разошлись. Под его взглядом Юра весь съежился, вспомнив свой трусливый побег в их прошлую встречу, и это малодушие было ему противно, поэтому, помедлив немного, он сказал:

– Слушай, я в прошлый раз побоялся тебе все честно сказать и просто сбежал, потом думал об этом, в общем, я не горжусь своим поступком.

– Побоялся сказать, что ты камикадзе, который делает сальто на рампе без шлема? – иронизируя, бросил Игорь.

– Нет, то, что у меня нет телефона, ну вообще гаджетов. Но я так живу, понимаешь, и ничего с этим не могу поделать, пока не стану сам зарабатывать, – нервно шевеля скулами, сказал Юра.

Игорь молчал, пауза, повисшая в воздухе, стала затягиваться, но он не знал, что ответить, конечно, Игорь не собирался смеяться или язвить, просто думал, как себя повести, чтобы не обидеть Юру. А тот в свою очередь смотрел широко открытыми глазами и ждал реакции, как приговора, лицо его начало краснеть, а на лбу выступили капельки пота. Юра уже несколько лет хранил молчание по поводу своего удручающего положения, он ни с кем не обсуждал, как

тяжело ему живется, не иметь телефона – это не самое страшное, гораздо хуже ложиться спать голодным, а проснувшись, не знать, что засунуть в туфлю, чтобы в дыру на подошве не просочилась вода, и где взять тетради, когда те, которые подарила первого сентября учительница, уже давно закончились, как накопить денег, чтобы уплатить за свет, чтобы в конце месяца его не отключили за неуплату. Он стоял, сжав кулаки от напряжения, и казалось, что сердце выскочит из груди, когда Игорь вдруг спокойно сказал:

– Ой, ерунда, у меня есть запасной, пойдем ко мне, я тебе дам.

– Нет, ты что, я не возьму, да и незачем он мне, платить-то мне за разговоры все равно нечем, – запротестовал Юра.

– Там что-нибудь придумаем, пошли, представляешь, моя кошка родила котят, – возвращаясь в свою привычную беззаботность, начал рассказывать Игорь, взял в одну руку свой скейт, а в другую скейт застывшего в изумлении Юры и направился в сторону дома, жестом увлекая вновь обретенного товарища следовать за ним. Юра постоял еще несколько секунд в оцепенении, потом увидел, как его старая доска и новый друг удаляются, и быстро пошагал следом.

У Игоря дома парней встретили улыбающиеся лица и запах свежей выпечки. Нелюдимый Юра почему-то сразу почувствовал невероятную близость с этими незнакомыми людьми. Отец Игоря был спокоен и добродушен, как часто бывают люди, которым все дается легко, мать Игоря производила впечатление женщины, которая так часто принимает гостей, что каждое ее движение, каждая фраза и улыбка были отработаны до мелочей и попадали точно в цель, не вызывая чувства наигранности, а наоборот, даря гостю ощущение особого отношения.

Юру провели в гостиную, Игорь тут же присел на пол рядом с большой бежевой лежанкой, в которой расположилась британская короткошерстная кошка Черри со своими котятами. Юре показалось, что это имя кошке не подходит, как не подходил этой семье и их глянцевого, словно с выставки или обложки, дом. Как будто прочитав его мысли, Игорь сказал, что имя на «ч» было условием клуба. И начал рассказывать о родословной кошки, о ее выставках и призах. А потом, будто вспомнил что-то, встал и потащил Юру в свою комнату, где из ящика такого же белоснежного и глянцевого, как и все вокруг, письменного стола извлек практически новенький смартфон и, благодушно улыбаясь, протянул его Юре. А тот не знал, как отблагодарить своего нового знакомого, он так разволновался, что почти не слушал, что говорил Игорь по поводу возможностей этого устройства, так что дома ему пришлось самому разбираться, как и что работает. Юре казалось, что все это сон или фильм, ведь если бы это было реальностью, он бы никогда не стал принимать чью-то помощь, ни есть у чужих людей, ни говорить о себе, но во сне... во сне-то все можно.

Он медленно вошел в комнату, где подали ужин, это была просторная столовая, Юра ступал осторожно по белому гляцевому полу, будто боялся, что от любого неловкого движения вся эта невиданная декорация рассыплется, и кто-то сверху грозно скажет: «Стоп – снято!» У стола на десять персон с черной мраморной столешницей в белых прожилках он остановился, замешкался и неуверенно опустился на кожаный стул, его взгляд приковала картина, она стояла на зеркальном прилавке и напоминала работу Пита Мондриана «Серое дерево», но Юре казалось, что это не дерево, а сеточка сосудов, в которых застыла кровь, как в его собственных жилах.

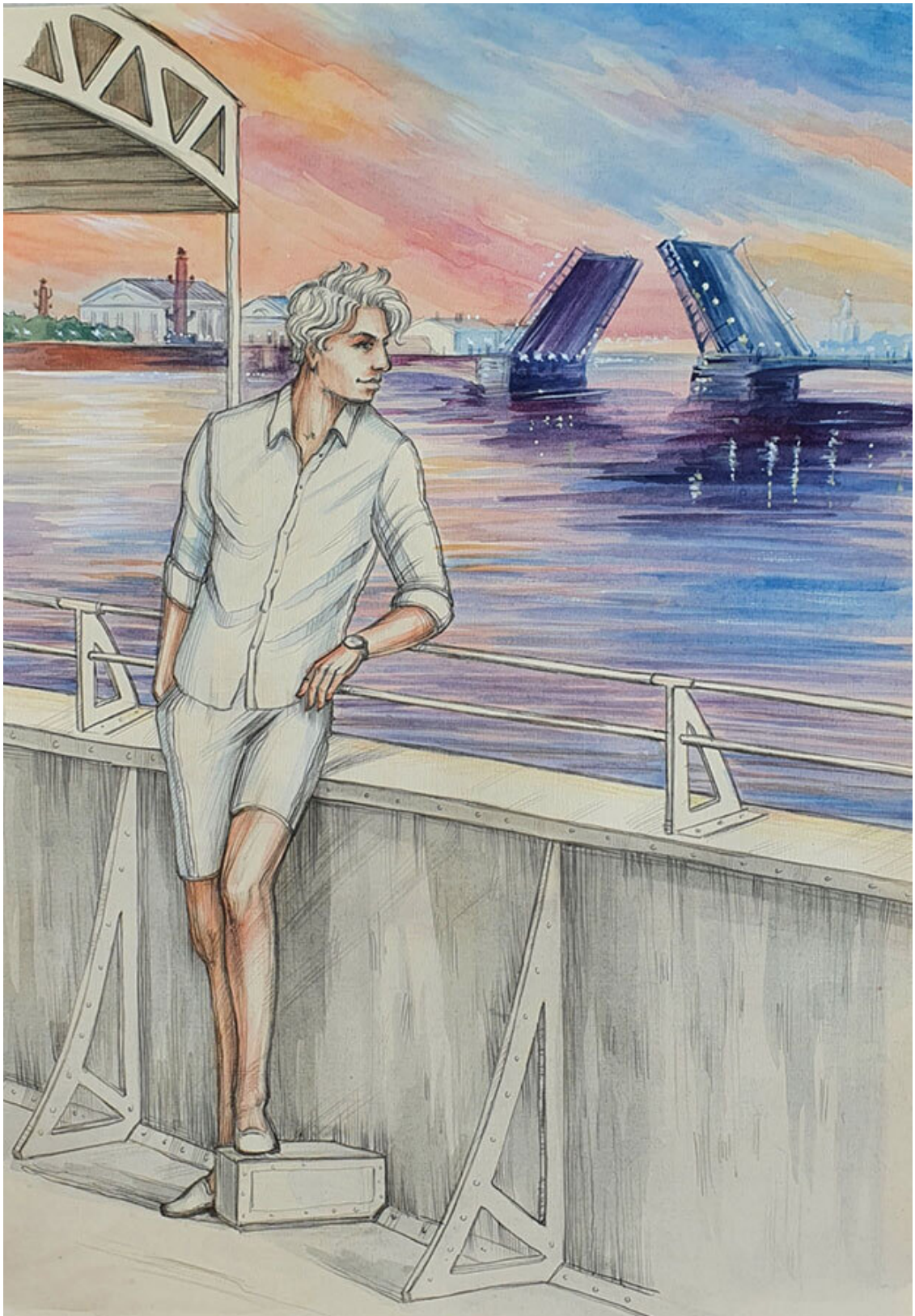
Наконец его окружили домочадцы, и все вокруг стало казаться уже не таким холодным и неуютным. Юра постепенно начал оттаивать, он съел с аппетитом теплый салат с ростбифом, сибаса с овощами, первый раз после смерти матери почувствовал себя в кругу семьи, ему казалось, что наступил Новый год или Рождество, или еще какой-то праздник. Но когда подошел черед десерта, и мама Игоря внесла торт со словами, что она будто предвидела, что будут гости, и испекла торт «Наполеон», тут Юра вспомнил про полуголодного, несчастного, сломленного

горем отца, и ему отчего-то стало очень стыдно за свою нечаянную радость, за смех, за сытый обед, и когда ему на тарелку положили большой кусок «Наполеона», он спросил:

– А можно я возьму этот кусочек с собой, а то я наелся, а попробовать ваш торт хочется?

– Конечно, конечно, – зашебетала мама Игоря и быстро нашла пластиковую коробочку, куда аккуратно упаковала лакомство.

Юра вышел на улицу страшно разгоряченным, все, что происходило после встречи с Игорем, его разволновало. Этот смартфон, который оттягивал нагрудный карман его рубашки, обильный ужин и, конечно, пластиковая коробочка с тортом, которую он торопился преподнести отцу. Как ему было досадно, что он не может ничего сделать для единственного родного человека, не может заставить его взять себя в руки и бросить пить, тем самым прекратить медленно себя убивать, а начать работать, как раньше, и тогда все в их жизни можно еще было бы поправить, вернуть самые простые семейные радости, заботу, поддержку, уют. И Юре стало отчаянно жаль себя, своего отца, и он был очень рад, что на улице разыгралась непогода, дул ветер, шел сильный дождь, и никто из прохожих, идущих ему навстречу, не мог догадаться, что его лицо мокрое не только от дождя.

7. Поцелуй

Ева давно ждала этого дня. Отчетный концерт, который устраивали в их танцевальном коллективе каждый год, в этот раз был особенным. Во-первых, ее перевели в старшую группу, что считалось большой ответственностью, а во-вторых, у Евы были сольные выходы в трех номерах. Последние несколько месяцев она провела в изнуряющих тренировках, пока все ее сверстники ходили в кино или по магазинам, она снова и снова оттачивала движения в танцевальном зале и даже попросила папу устроить маленькую балетную студию прямо в их квартире. Он сделал одну стену в кабинете Натали полностью зеркальной и прикрепил к ней балетный станок, чтобы Ева каждый день могла заниматься растяжкой. И вот, наконец, день, когда ее труды будут вознаграждены, настал. Поэтому пришла она заранее, может быть, даже слишком. Ребята еще не собрались, зато была тетя Валя, так звали довольно пожилую женщину-костюмера. Почему все звали ее тетей, никто не знал, может быть, потому что она была добродушной, вечно хлопочущей, по-матерински внимательной с каждым без исключения. Ева поздоровалась с ней и попросила костюмы первого отделения, но тетя Валя сидела, задумавшись, и не сразу отреагировала на просьбу. Ее худое лицо, покрытое глубокими морщинами, было печальным, а руки, лежавшие на коленях, слегка подрагивали.

– Тетя Валя, у вас все в порядке?

– Ах, Ева, я тебя не заметила, у меня все нормально, просто устала, нужно уже уходить на покой, но на кого же я оставлю все это хозяйство, как же вы без меня, – глубоко вздохнув, произнесла тетя Валя. – Ты сегодня что-то рано, волнуешься, наверное, первый раз со старшенькими, – она повернулась к рейлам с вешалками и начала разыскивать нужные костюмы. Ева смотрела ей в спину и видела, с каким трудом тете Вале удается дотянуться до верхних полок, как сложно перетаскивать отпариватель в другой угол костюмерной, как не слушаются ее атласные ленты, которые она пытается собрать в маленькую коробочку. Девушка размышляла, как же помочь этой милой женщине, которая за столько лет, проведенных в коллективе, стала ей близким человеком.

– Ева, как хорошо, что ты уже пришла, мне нужно тебе что-то сказать, – весело окликнул ее молодой человек, маня пальцем и заговорщически улыбаясь.

Это был ее новый партнер, Александр, он был старше Евы на два года, как и все в этой группе. Она так волновалась, что теперь танцует со взрослыми, и очень боялась их подвести, сделать что-то не так, ошибиться в танце.

– Дорогая моя партнерша, сегодня после концерта в гримерке мы будем отмечать начало лета, так как ты теперь часть нашей группы, мы решили пригласить тебя.

Ева была вне себя от радости. Но, сохранив невозмутимое лицо, ответила:

– Я подумаю, – и быстро зашла в раздевалку, ничем не выдавая своей радости, кроме блестящих от счастья и волнения глаз.

Она не знала, смогут ли на концерт попасть Игорь и Юра, потому что десять билетов, которые ей полагались, она раздала еще две недели назад, а в это время они были еще не знакомы. Зато среди приглашенных был Паша, он ходил на все ее концерты, дарил ей цветы, а потом вместе с ее мамой, Ланой, мамой Ланы и другими знакомыми шел в ресторан, и, по всей вероятности, представлял себя Евиным парнем. Ева несколько раз прокручивала в голове, что она скажет Паше, и как будет вести себя он, ей не хотелось, чтобы продолжалась эта неловкая ситуация, и она надеялась вернуть все в привычное русло. И как же Ева была раздосадована, когда с первыми звуками музыки выйдя на сцену, увидела в зрительном зале между мамой и Ланой пустое кресло, на котором должен был сидеть Паша. Ева не верила своим глазам, как такое могло произойти, может, он опаздывает, может, еще придет. Настроение было испорчено,

девушка кое-как дотанцевала до конца танец и, уже убегая за кулисы, наступила Саше на ногу, она извиняющимся взглядом посмотрела на партнера, но тот только ободряюще улыбнулся.

Обдумывать произошедшее не было времени, нужно было буквально за считанные минуты перевоплотиться в другой образ. На сей раз это было длинное платье в пол с открытой спиной, распущенные волосы и туфельки на маленьком каблучке, все это очень шло Еве. За кулисами был выстроен высокий подиум, который выходил на сцену, и по нему нужно было легкими танцевальными движениями двигаться вниз. Ева и Александр шли первой парой, они держались за руки и смотрели друг на друга, но неожиданно Ева от волнения забыла, что подиум делает резкий поворот, и шагнула вперед в пустоту. Саша не растерялся и крепко ухватил ее за руку, Еве удалось удержаться, и она после секундной заминки продолжила танец, но все как-то не клеилось, следовали ошибка за ошибкой. Тут партнер злобно сверкнул на нее глазами и еле слышно процедил:

– Соберись!

В антракте Ева не побежала, как обычно, к своим знакомым в зал, она холодной водой умывала лицо в туалете, чтобы никто не заметил ее слез, а потом по новой накладывала грим и долго терла канифолью подошву туфель, чтобы они не скользили и не подвели ее или, скорее, она не подвела всех остальных.

Второе отделение прошло без эксцессов, Саша о произошедшем не вспоминал, но Ева так старалась и так выделяла все движения, что стерла одну косточку ноги об другую, отчего на белых колготках образовалось красное кровавое пятнышко, которое Ева, к счастью, заметила уже только, когда все вышли на поклон. Зрительный зал аплодировал, многим начали преподносить цветы, но только не Еве.

– Ах, Пашка, куда же ты подевался, – с грустью в глазах думала Ева, глядя на пустое кресло во втором ряду, потом взгляд ее скользнул вглубь зрительного зала, и она заметила, что между рядов пробирается Игорь с большим букетом красных роз. Ева, конечно, отдавала предпочтение более миниатюрным и нежным цветам, но этому букету она была рада как никогда. Игорь поднялся на сцену и, улыбаясь, быстро проговорил:

– Мы смогли найти места только на балконе и оттуда путь не близкий, извини, там и Юрка где-то замешкался, – но договорить ему не удалось, занавес начал опускаться, и Ева радостная упорхнула за кулисы. Стоял жуткий гул, все громко обсуждали концерт, переодевались, сдавали костюмы, собирались на вечеринку, и только Ева молча стояла в сторонке со своим костюмом в руках и думала почему-то о Юре, о том, что не успел ей сказать о нем Игорь, а может, Юра тоже хотел ей подарить цветы, и еще много других мыслей роилось у нее в голове, как вдруг она заметила тетю Валю, которая устало опустилась на табурет возле ящика с концертной обувью. Проходя мимо, Саша слегка дотронулся до Евиной руки, подмигнул и сказал:

– Ты была молодцом, пойдем, мы уже все собрались!

Ева уже сделала несколько шагов по направлению к гримерке, как вдруг резко развернулась и, подходя к тете Вале, решительно заявила:

– А давайте я вам помогу разобрать костюмы!

В то время, когда Ева развешивала платья и складывала танцевальные туфли, скорый поезд уносил Пашу все дальше и дальше от Петербурга. Он сидел в мягком вагоне напротив своей бабушки Марии Степановны и печальным взглядом смотрел на быстро пробегающие маленькие деревянные домики с красными крышами, на бескрайние лесные массивы и широкие полноводные реки, через которые были перекинуты мощные мосты с проложенными рельсами. Паша смотрел на все эти необъятные просторы, но думал совсем о другом. Он представлял себе, как Ева вышла на сцену, как она увидела пустое кресло возле Ланы, и как она огорчена, что он не пришел на ее концерт. Паше очень хотелось, чтобы для Евы это было настоящей трагедией, чтобы она кинулась к телефону, начала набирать его номер и просить

прийти поддержать ее. Он представлял, как сейчас на его телефоне высветится вызов «Ева», а он возьмет трубку и скажет, что уже далеко от города, и, может быть, они больше никогда не увидят друг друга, и она расплатится и откажется выступать. Но Павел за все долгие годы их знакомства так и не усвоил одной истины, врожденное чувство собственного достоинства было главной чертой Евы, и ни за что на свете она не стала бы звонить ему первой, а в такой ситуации, когда он проигнорировал ее приглашение, она не только не стала бы ему звонить, но даже не ответила бы на его звонок. Его мысли прервал стук в дверь, это был проводник, худощавый мужчина лет пятидесяти в синей форме, он хотел пропылесосить и без того идеально чистую красную ковровую дорожку купе.

– Пашенька, давай сходим в вагон-ресторан, – сказала Мария Степановна. Но Паша не хотел есть, единственным его желанием было, чтобы, наконец, позвонила Ева, он не мог никуда идти, как в вагоне-ресторане он расскажет Еве при всех, что он ее покинул.

– Ба, я не хочу, иди сама, – сказал Паша, не отрывая взгляд от телефона.

– Ладно, давай попросим проводника принести нам чай, у меня есть шоколадка, – открывая сумочку, ответила Мария Степановна.

Время шло, звонка все не было, Паша не находил себе места. Потом он решил позвонить Лане, узнать, как обстоят дела, но тут же отказался от этой затеи, она все сразу расскажет Еве, а это нарушит его планы. Паша встал, тяжело вздохнул, откинул спинку синего диванчика, она плавно опустилась на сиденье и открылась уже полностью заправленная постельным бельем мягкая полка.

– Ой, Паша, как же здорово теперь оборудовано все в поезде, а мы зачем-то стремимся самолетами летать, раньше все было просто, сам себе стелешь матрас, который лежит на третьей полке, потом заправляешь постельное белье. А сейчас не только третьей, а даже второй полки нет, и кондиционер огромный, мне даже холодно стало, – бабушка еще что-то говорила и говорила, но Паша уже не слушал, он лег, не раздеваясь, укрылся с головой одеялом и не знал, как ему вести себя дальше. Мысль о том, что он будет жить с бабушкой так далеко от привычного ему большого города, вдали от друзей, от его школы, вдруг стала пугающей. Как он мог пойти на такой шаг, как мог надеяться, что Ева помчится за ним на край света, умоляя вернуться. Она даже, наверное, не заметила, что его нет на концерте. Он метался из стороны в сторону, сел за стол и снова ложился, выходил из купе и ходил по коридору вагона, он был взбешен и напуган, ему казалось, что поезд стремительно несет его прямо в бездну. Паша не знал, что ему теперь делать, он корил себя, что так бездумно поддался порыву, болезненной фантазии, решил изменить свою жизнь, поддавшись чувствам. Вконец измучив себя, юноша прислонился разгоряченным лбом к прохладному стеклу окна, он открыл глаза и понял, что все исчезло – и дома, и деревья, и мосты, и озера, осталась только темнота на улице и в его душе.

Ева была обескуражена, сложно сказать, чего в ней сейчас было больше – уязвленного самолюбия или тревоги, ведь зная Пашину склонность все драматизировать, он мог наделать глупостей, но Ева убеждала себя, что все это запланированная, хорошо продуманная акция, и что развязка еще впереди. Но всеобщее внимание, прикованное к ней, и беззаботность юности не давали полностью погрузиться в тревожные мысли.

Как было уже заведено после концерта, все небольшое общество отправилось в ресторан, где их уже ждал столик с панорамным видом на Исаакиевский собор. Интерьер ресторана создавал ощущение теплоты и уюта за счет природных материалов, здесь натуральность и естественность соседствовала с нежностью фарфоровых ангелочков и романтикой черно-белых фотографий. Повсюду были развешаны гирлянды с маленькими огоньками теплого света, а большие барные стойки перемежались с низкими столиками и бархатными стульчиками, уютно устроившимися на фоне панорамах окон.

Всех приглашенных быстро разместили за круглым столом, на котором уже стояли стеклянные бокалы цвета тиффани, приборы на льняных салфетках и букет нежных мелких хризантем в керамической вазе в цвет бокалов. Вскоре стол заполнился разнообразными закусками. Были здесь и сочная говядина пастроми, и аппетитная салями с трюфелем, всевозможные сыры-горгонзола, Грана Подано, камамбер, арахис в специях Тандури и сицилийские оливки. После того как все немного подкрепились и расслабились, Лана прошептала на ухо Еве, что им нужно поговорить. Девочки извинились перед всеми и вышли из-за стола, но пошептаться было негде, зал был заполнен до отказа влюбленными парочками, мило воркующими друг с другом, молодыми родителями с детьми, небольшими компаниями питерской интеллигенции и, конечно, иностранцами. Лана потащила Еву за руку к выходу и громко сказала на ходу:

– Ева, пошли на улицу, мне нужно тебе рассказать кое-что.

Ева чувствовала себя уставшей после такого напряженного дня и поэтому без сопротивления последовала за подружкой. Они вышли на улицу, и свежий вечерний ветерок окутал их своей прохладой. Девочки отошли на пару шагов и устроились прямо под мемориальной доской, на которой было написано: «Здесь 28 декабря 1925 года трагически оборвалась жизнь поэта Сергея Есенина». Ева как-то нервно повела плечами и с печальной усмешкой произнесла:

– Хорошо в черемуховой вьюге
Думать так, что эта жизнь – стезя.
Пусть обманут легкие подружки,
Пусть изменяют легкие друзья.

– Да, у Есенина есть строки на все случаи жизни, – протяжно ответила Лана. – Но я не думаю, что Пашина дружба – обман, это, скорее, мелодрама.

– Надеюсь, что не трагедия, – подхватила Ева, и они рассмеялись.

– Так что ты хотела мне рассказать? – желая поскорее забыть о неприятном происшествии, спросила Ева.

– Ой, Ева, мне Игорь сегодня такое сказал, конечно, по секрету, так что ты меня не выдай, пожалуйста, – и Лана начала свой рассказ, – Игорь со своим папой по какой-то причине, этого я не знаю, помогают Юре устроиться в колледж отраслевых технологий, представляешь, этот колледж находится у нас здесь в Питере. А я же начала влюбляться в Юру, но думала, из этого ничего не выйдет, он уедет к себе в Новгород, а я останусь страдать, а теперь все отлично складывается, он будет здесь учиться, и мы сможем встречаться.

– Класс, тебе повезло, – как-то вяло ответила Ева.

– Да, конечно, повезло, только вот Юра не очень проявляет свои чувства ко мне, наверное, волнуется перед поступлением, может, ты мне посоветуешь, что сделать, чтобы его как-то расшевелить, а то вдруг я ему не нравлюсь.

– Мне кажется, он очень скрытный и не привык выставлять свои эмоции напоказ, думаю, тебе нужно как-то себя проявить, чтобы он выдал свои чувства.

– Как же я это сделаю? – оживившись, спросила Лана.

– Ну придумай что-нибудь, – беря подружку под руку, сказала Ева, увлекая Лану вернуться к собравшимся.

Когда девушки снова появились за столом, все бурно обсуждали, как молниеносноотреагировал партнер Евы и не дал ей упасть с высокого подиума, Натали, слушая эти рассуждения, прикладывала руки к груди, как будто помогала своей душе удержаться в нужном месте, рисуя страшную картину возможного происшествия. Время за беседой пролетело незаметно, и на

город уже начали опускаться сумерки. Игорь со свойственной ему театральностью откинулся на спинку стула и произнес:

– У нас назрел план побега с предупреждением.

– Что, прости? – приподняв одну бровь, переспросила Ева.

– Ну как же, по-моему, все предельно ясно, побег с предупреждением, – не унимался Игорь, – мы с вами сбегает, предварительно всех предупредив, и романтично, и социальные приличия соблюдены, – веселился он.

Отказать ему было невозможно, и, благословенная одобрительной улыбкой Натали, неугомонная четверка, разгоряченная и взволнованная, выпорхнула на улицу. От резкого порыва ветра Ева поежилась, Игорь, заметив это, осторожно, словно боясь прикоснуться к ее обнаженным плечам, накинул на нее свой пиджак.

Было решено отправиться на прогулку на катере под разводными мостами. Ребята, весело болтая, направились к набережной, когда они проходили мимо памятника Петру Первому, то не удержались и сделали несколько фотографий, Игорь, как всегда, всех смешил, пытаясь повторить позу Петра, потом решил попробовать себя в роли коня и просил Юру забраться на его спину, девочки смеялись до слез, и прекрасные белые петербургские ночи были такими же чистыми, как и их юные сердца.

Чтобы попасть на кораблик, нужно было пройти по узенькому деревянному мостику, переброшенному от борта к причалу. Пока Лана, покачиваясь и картинно ругая эту затею, шла по мостику, Игорь уже представлял себе, как подаст Еве руку, как нежно сожмет ее маленькие пальчики, как вдруг из ниоткуда появился улыбчивый коренастый матрос и уже протянул Еве загорелые мускулистые руки. Она шагнула ему навстречу уверенно, морские прогулки она обожала, а Игорь лишь недовольно фыркнул. Ева взбежала на верхнюю палубу, увлекая всех за собой, – панорама, которая открылась друзьям, потрясала. В воде дрожали и переливались отражения сотен огней на набережной. Река была темной и полноводной и играючи покачивала на волнах, словно стаю чаек, десятки белых катеров. Мимо проплывали стройные фасады дворцов, мощные пролеты мостов, будто влекомые неведомой силой, взмывали в небеса, казалось, все в этом городе было создано, чтобы поражать воображение. На нижней палубе заиграли джаз, ведомые звуками музыки и ароматами свежесваренного кофе, друзья спустились вниз и устроились за столиком у окна. В свете красных ламп медленно кружились несколько пар, тягучие звуки саксофона наполнили помещение, пробуждая у всех в груди неясное волнение. Только Юра казался погруженным в себя и все время набирал что-то в телефоне. Поддавшись порыву не столько порочному, сколько провокационному, Ева вдруг сказала:

– Говорят, если поцеловать кого-то под разводящимся Дворцовым мостом, ваша любовь будет длиться вечно.

Не успела она договорить, как Лана быстро придвинулась к Юре и как-то неловко поцеловала его прямо в губы. Юра от неожиданности резко отдернул свое лицо, Игорь в изумлении вытаращил глаза, а Ева в эту же секунду получила сообщение от своего таинственного незнакомца со следующим текстом:

«Милая Ева, ты мне очень нравишься, с первой нашей встречи я постоянно думаю о тебе, но Игорь – мой лучший друг, и я не хочу стоять у него на пути, но и держать это в себе у меня больше нет сил. Юра».

8. Утренние гости

Когда закончилась морская прогулка, ребят на берегу ждала Натали в своем красном кабриолете – единственной вычурной вещи, которую она себе позволила. Дама, естественно, предложила подвезти ребят.

– Садитесь побыстрее, нам с Евой нужно успеть до 2:45 вернуться на Дворцовый мост, – помогая всем разместиться, сказала Натали.

– У вас ничего не получится, Дворцовый уже развели, мы только что под ним проезжали, – полушутя возразил Игорь.

– В 2:50 его сведут на 20 минут, и мы должны успеть проскочить на другой берег.

– Ничего себе, а я думал их сводят только утром, – удивился Игорь.

Его слова повисли в воздухе без ответа, ехали молча, события последнего получаса не располагали к общению, каждый думал о своем.

Ева была рада, что она сидит на переднем сиденье и ей не нужно смотреть в глаза своим друзьям. Она почему-то чувствовала себя виноватой перед Ланой, хотя ничего не делала для того, чтобы нравиться Юре. И с ним Ева не перемолвилась даже словечком, потому что появилось какое-то смущение, которое мешало вести себя так, как раньше. Да и с Игорем она не могла говорить, боясь, что как-то выдаст тайну, которая так неожиданно появилась у них с Юрой.

Лана думала о том нелепом поступке, который она совершила на глазах у всех. Ей было ужасно стыдно, так как Юра не ответил ей взаимностью, а, наоборот, отпрянул, как от прокаженной. Если бы можно было повернуть время вспять, она ни за что не стала бы его целовать. Сейчас она была рада, что он сидит с другой стороны от Игоря, и им не нужно соприкоснуться друг с другом даже рукавами. Но если отбросить все сомнения, то целовать его было приятно, губы были теплыми, мягкими, сердце так колотилось, состояние было похоже, наверное, на прыжок с парашютом, только намного приятнее. По сути, это был Ланин первый поцелуй в жизни и такой безответный.

Юра последние лет пять редко сталкивался с сердечным и чутким отношением к себе, и вот, приехав в Питер, ему стало казаться, что все наконец изменилось, поэтому он очень ценил тех людей, которые сейчас находились с ним в одной машине, и сомневался в правильности своего поведения на морской прогулке по отношению к каждому из них. Он переживал, что Ева будет избегать встречи с ним, потому что после того, как она получила сообщение с признанием, то ни разу не взглянула в его сторону. Его терзала мысль, что он совершил предательский поступок по отношению к Игорю, зная, что он тоже влюблен в Еву, у Юры болела душа даже за Лану, которой он так бесцеремонно продемонстрировал свое нежелание целоваться. А еще он испытывал тревогу за то, что рассекретил свой номер телефона. Теперь Ева может напрямую спросить про паспорт, а ведь это была просто догадка, что его взяла Лана, всего лишь его предположение. Но об этом ему стоило беспокоиться в последнюю очередь. Новость о том, что Юра и есть тайный незнакомец, так обескуражила Еву, что о паспорте она совсем забыла.

Иронический склад ума Игоря не давал ему возможности заикнуться на каких-либо проблемах, и на все события, которые происходили вокруг него, он старался смотреть с улыбкой, а так как ему не нужно было анализировать и бичевать себя за каждый свой поступок, как делал Юра, то у него хватало времени пофантазировать, и поэтому сейчас он ехал и мечтал, как Ева пригласит его в гости, и они останутся одни в ее комнате, и у него будет возможность поцеловать ее, но не так, как сегодня целовались Лана и Юра. Юра, по мнению Игоря, был какой-то испуганный, не мог даже отреагировать нормально, а Лана-то какая молодец, не струсилась и показала свои чувства. Такие мысли блуждали в голове у Игоря до самого Ланиного дома.

Когда машина остановилась, и ребята попрощались и закрыли за собой дверцы авто, Ева с облегчением выдохнула и, повернувшись к Натали, сказала:

– Слава богу, что этот день наконец закончился.

Ева решила посоветоваться с Натали и рассказала ей подробности последних нескольких часов. Натали слушала и молчала и только, когда Ева уже лежала в постели, позволила себе дать дочери совет:

– Ева, солнышко мое, ты все слишком близко принимаешь к сердцу. Тебе ничего не нужно отвечать Юре, ведь он у тебя ничего не спрашивал, ты ни в чем не виновата перед Игорем, ведь у тебя нет перед ним никаких обязательств, а Лана смышленная девочка, она, наверное, уже сделала нужные выводы. Ну а что касается Паши, то он еще даст о себе знать. Все люди, которые появляются в нашей жизни, появляются не случайно, они нам для чего-то посланы. Пройдет время, и ты узнаешь, для чего на твоём жизненном пути встретились Юра и Игорь, а сейчас спи. Время расставит все по своим местам.

Утром Еву разбудил шум голосов в гостиной, она надела тапочки с перышками и в белой шелковой пижаме с распущенными каштановыми волосами появилась перед собеседниками.

Комната была залита солнечным светом, в воздухе витал запах свежесрезанных лилий вперемешку с запахом черного кофе, а за столом неизменно роскошная сидела Натали, ее золотистые волосы были убраны в высокий пучок, шелковая туника цвета персиковой пудры оттеняла аристократическую бледность лица, она кивала своему собеседнику светски учтиво, но во всей ее позе, скупающем взгляде и снисходительной улыбке читались пресыщенность, скепсис и даже жалость к незваному гостю. Перед ней же, слегка покачиваясь на стуле, в светлом льняном костюме, белой рубашке и лоферах цвета верблюжьей шерсти на босых загорелых ногах, что-то безостановочно говоря, сидел Игорь. Он подносил маленькую фарфоровую кружечку из любимого сервиза Натали «Музы летнего сада» к своим губам, будто очерченным упругой линией, и, не успев отпить из нее, снова говорил. Увидев Еву, он откинул упавшую на глаза челку оттенка спелой ржи и расплылся в соблазнительной улыбке.

– Доброе утро, Ева, в этом утреннем туалете ты похожа на Весну Боттичелли, – театрально произнес Игорь.

– Игорь, что ты здесь делаешь, и, да будет тебе известно, она слишком рано умерла, – садясь в мягкое кресло, произнесла Ева.

– Кто? – не понял Игорь.

– Ну Симонетта Веспуччи – прототип Венеры Боттичелли, не хотела бы повторить ее участь, – игриво улыбаясь, ответила Ева.

На что Натали сказала: «Зато ее любили лучшие мужчины Флоренции», – и задумчиво вышла из-за стола.

– Так все же, что ты здесь делаешь в такую рань?

– Ну, во-первых, это уже не рань, сейчас около одиннадцати, а, во-вторых, Юру приняли в колледж и в час нужно заселиться в общежитие, а потом будем праздновать. Вот мы и решили, как без тебя, кто поможет создать уют в комнате общаги, представляешь, как грустно выглядят эти однотипные клетушки, мы же не можем бросить своего друга там одного, – весело тараторил Игорь.

– Здорово, дизайн моя слабость, – оживилась Ева, – только тебе придется подождать, пока я позавтракаю и соберусь.

– Я готов ждать тебя вечно, – продолжал шутить юноша.

Натали поставила еще один комплект посуды для дочери и налила ей чай. Ева, забыв про желание завтракать, начала бегать из комнаты в комнату, собирая вещи, которые могли понадобиться для создания уюта в новом Юрином жилище. Через десять минут на белом диване гостиной уже лежали небольшие голубые вельветовые подушечки, белый с синими полосками плед из шерсти меринуса, настенный барометр, большой подсвечник в виде маячного фонаря.

На лампу с белым абажуром Ева надела карту, ловко сделав несколько надрезов по кругу и закрепив ее клеем, она взяла еще бежевую плетеную циновку и сверху водрузила красивый парусник ручной работы. Минуту подумав, Ева засомневалась, но потом зашла в маленькую угловую комнату, которая служила мастерской для всех домочадцев, и вынесла морской пейзаж в импрессионистической манере, сочные пастозные ультрамариновые мазки которого выгодно контрастировали с лаконичной белой рамой, даря настроение радости и торжества природы.

– Мам, можно я возьму эту картину? – спохватилась Ева.

– Конечно, – спокойно ответила Натали, – ведь ее тебе подарили, так что можешь ей распоряжаться по своему усмотрению.

– Все, готово, я сделаю комнату в морском стиле, только, мам, мне нужны шторы, подходящие по фактуре и цвету, у тебя есть такая ткань?

– Ева, поешь, голодная ты никуда не пойдешь, – строгим тоном сказала Натали.

– Нет, я быстренько в душ, а поем перед выходом.

Примерно через полчаса, когда Ева вышла уже при полном параде к столу, ее удивлению не было предела. Количество гостей значительно увеличилось. Вокруг Игоря, любезно с ним беседуя, сидели Анна и Лизи, они даже не заметили, как Ева вошла.

– Лизи, а почему ты Лизи, а не Лиза? – веселился Игорь.

– А мне так больше нравится, а кто же не захочет сделать мне приятное, вот все и зовут Лизи, – возмутительно кокетничала ему в ответ Лизи.

– Девчонки, вы уже вернулись, – Ева начала обнимать подружек, – молодцы, что пришли, я рада вас видеть, только у нас мало времени.

Но девушки не обратили на слова Евы особого внимания, их взгляды были прикованы к Игорю. Это льстило Еве и одновременно раздражало, ей хотелось, чтобы ее поклонник вызывал интерес, но делить его она ни с кем не собиралась.

– Мы с Игорем торопимся, – пристально посмотрев на него, сказала Ева, но, подумав, что ведет себя не очень гостеприимно, добавила, – хотя парочку историй о поездке, я думаю, послушать успеем.

– Ты же собиралась позавтракать, – сказал Игорь.

– Нет, – отодвигая от себя приборы, ответила Ева, – тогда это затянется, а нас ждет Юра. – И переводя взгляд на девочек, с любопытством спросила:

– Ну что, Париж оправдал ваши ожидания?

– Мои – более чем, – мечтательно отозвалась Анна, – я получила именно то, что хотела: атмосферу поэтическую, возвышенную, одухотворенную.

– Я тоже получила, что хотела, – шоппинг в галерее Лафайет, я купила такое платье, ты умрешь от зависти, – закатывая от удовольствия глаза, добавила Лизи.

– А как же круассаны, почему я не слышу историй про круассаны, – всплескивая руками, шутил Игорь.

– Ты прав, с этого стоило начинать, – улыбаясь, закивала Анна, – они были настолько великолепны, хрустящие, воздушные, мы ели их постоянно, так что, думаю, вместе с впечатлениями привезли и по пару килограммов.

– Говори за себя, – запротестовала Лизи, немного покраснев, – моей фигуре никакие круассаны не помеха.

Потом она игриво откинула свои пушистые волосы назад и хотела еще что-то сказать Игорю, как вдруг резко повернулась к Еве и, открыв широко свои голубые глаза, выпалила:

– Ох, Ева, мы же совсем забыли отдать тебе сувенир из Сен-Шапель, который ты просила. Лизи достала из кожаной сумочки в форме бочонка маленькую коробочку и протянула ее подруге.

Ева с нескрываемым оживлением открыла ее, извлекла прекраснейшее пресс-папье в виде кусочка витража великолепного цвета ультрамарин с золотой флер-де-лис в центре.

– Он потрясающий, спасибо! – сказала Ева, поднося стекло к свету, отчего краски стали еще ярче и приобрели какое-то магическое свечение. Ева хотела спросить еще про Мулен Руж, но при Игоре решила этого не делать, пригласив девочек прийти еще завтра, собрала все приготовленные вещи в большую дорожную сумку и отправилась с Игорем в общежитие к Юре, голодная, но воодушевленная.

Ева со всей этой суетой забыла спросить у Игоря про Лану, и когда у ворот колледжа она увидела только Юру, то очень удивилась.

– А где же Лана? – приглаживая растрепавшиеся от быстрой ходьбы локоны, произнесла девушка.

– Она после вчерашнего сделалась больной, – многозначительно произнес Игорь и посмотрел в сторону друга.

– Думаю, ей просто захотелось выспаться, мы же вчера легли около трех часов ночи, – заступился за нее Юра. Он был не из тех, кто легко говорит о личном, тем более вчерашний конфуз вовсе выбил его из колеи. Ночью он не сомкнул глаз, вина, стыд, сомнения разом навалились на него, заставляя сердце учащенно биться.

Ева начала волноваться, она даже не позвонила Лане, не узнала, как та пережила случившееся, но страх, что нужно будет рассказывать про признание Юры, остановил ее от немедленного телефонного звонка подруге.

Творчество всегда отвлекало Еву от неприятных мыслей, и она решила с усердием заняться делом. Все трое прошли в небольшую, но уютную комнату, которая предназначалась Юре и еще одному его сокурснику. Кто это будет, было неизвестно, так как Юра прибыл одним из первых. Ева заявила, что это даже хорошо, так они смогут оформить комнату, как захотят, а потом сосед будет только рад той красоте, которая получится. И работа закипела. Ева взяла руководство в свои руки, заставила мальчиков двигать мебель, вешать шторы, вкручивать лампочки, сама при этом оформила стол и прикроватную тумбочку и начала заправлять кровать. Парни к этому времени справились со всеми заданиями и уселись на пол, наблюдая, как Ева своими нежными руками разглаживает складочки покрывала и красиво пристраивает декоративные подушки.

– Что вы улыбаетесь? – посмотрев на ребят, спросила Ева.

– Что бы ты ни делала, это всегда так грациозно, – завороченно произнес Игорь, а Юра опустил глаза в пол.

– Все, готово, – водружая парусник на верхнюю полку книжного стеллажа, произнесла Ева и, сев в единственное кресло, оценивающим взглядом обвела комнату.

– Ну как, тебе нравится? – смело посмотрев хозяину жилища прямо в глаза, спросила Ева.

Юра поднялся, подошел к подруге, взял за руку и вдруг поднес ее к своим губам и нежно поцеловал.

– Да, очень нравится, для меня еще никто не делал такой красоты, спасибо, – произнес он, не выпуская ее руку из своей.

Игорь просто онемел от увиденного, он смотрел на эту сцену и не мог понять, что происходит между этими людьми? Что вообще здесь происходит, но Ева быстро опомнилась.

– А меня так еще никто не благодарил, – высвобождая свою руку, ответила она, кокетливо склонив голову набок, и весело засмеялась.

– Ева, ты же еще не ела, – спохватился Игорь, пытаясь как можно быстрее остаться с ней наедине.

– Еще раз вам обоим большое спасибо, – поблагодарил Юра, но, не успев закончить, услышал звук закрывшейся двери.

Он подошел к своей идеально заправленной кровати, постоял в оцепенении несколько минут, обдумывая произошедшее, а потом повалился на нее, зарыв лицо в подушки, которые так пахли Евиными духами, и вдруг нащупал под подушкой что-то твердое. Он удивился и достал коробочку, в которой лежали пресс-папье и записка, написанная аккуратным женским почерком:

«Надеюсь, что эта милая вещица, такого же цвета, как птица счастья, станет символом начала новой главы в твоей жизни, но помни, как и всякая птица, счастье не терпит оков. Ева».

Он трепетно сжал кусочек синего стекла в своей мощной руке. Она была права, то, что он сейчас испытывал всем своим существом, неизвестное или давно забытое чувство, это чувство было ничем иным, как счастьем, простым человеческим счастьем.

9. Сизифов труд

Паша у бабушки скучал, как никогда, отсутствие друзей или хотя бы знакомых делало его жизнь безрадостной. Он все дни напролет сидел дома, играл в компьютерные игры, смотрел фильмы, пару раз в неделю помогал бабушке сходить за продуктами и нес тяжелые сумки. Так однообразно проходили его летние каникулы.

Иногда к Марии Степановне заходил старый знакомый, пожилой мужчина лет шестидесяти пяти, высокий, астеничный, с приятными чертами лица, хаотично покрытыми тоненькими седыми волосами, и очень добрыми, выцветшими от долгих лет жизни голубыми глазами.

– Маша, ты бы нашла занятие своему мальцу, что он мается у тебя без толку, – увещевал он Марию Степановну.

– У него каникулы, пусть отдохнет, успеет еще поработаться, где, как ни у меня, побездельничать, – заступалась бабушка.

Но однажды бабушкин знакомый рассказал, что его сын Григорий организывает очередную экспедицию и может взять Пашу с собой. Бабушка даже села от неожиданности.

– Батюшки, да как тебе в голову пришло такое предложить, там же босяки местные собираются, те, которые на учете в милиции состоят, и ты хочешь, чтобы я Павла с ними отпустила невесть куда? – разгорячилась Мария Степановна.

– Ну ничего страшного, что подростки трудные, это своего рода школа жизни, да и Григорий же с ними будет, Паш, ты как, согласен? – отворачиваясь от стола и весело подмигивая Паше, спросил пожилой мужчина.

– Конечно согласен, – без тени сомнения ответил юноша.

– Вот и договорились, я знал, что ты согласишься, и припас для тебя список вещей, которые можно взять с собой, выезд завтра в шесть утра, и запомни, вернуться можно будет только со всеми вместе и взять с собой только то, что написано в этом списке, – и он протянул Павлу небольшой вырванный из школьной тетради клочок бумаги.

У Паши сердце забилося чаще, появился какой-то прилив сил, поездка с незнакомцами в неизвестное место сулила море приключений, он пошел в кладовку, достал большой отцовский рюкзак, затем отправился в свою комнату, сел за стол и развернул листок, врученный ему бабушкиным знакомым. Но на листке он увидел всего несколько строчек:

1. Теплые носки и сменная пара обуви.
2. Куртка.
3. Карманный фонарик.

И все, в конце еще было указано, что мобильный телефон, планшет, наушники брать категорически запрещено. «Ничего себе, как же мы выживем с таким набором необходимого», – удивился Паша, но долго на прочитанном он не мог заикливаться, потому что когда брал рюкзак, то заметил в кладовой старую папину гитару. Когда-то он учился на ней играть, это была полуакустическая гитара Орфей Джипсон, окрас ее «пожар в джунглях» уже изрядно потерялся, но все равно еще очень радовал глаз. Паша достал инструмент, обтер его фланелевой салфеткой и провел рукой по струнам. Они все были целы, а у самого начала грифа он заметил, что за струны была заложена небольшая черная пластиковая пластина треугольной формы со сглаженными углами, это был медиатор. На Пашу нахлынула волна воспоминаний. Он перебирал в своей памяти, как отец играл на этой гитаре на пляже у костра, когда они всей семьей ездили отдыхать на море, как он учил его кататься на велосипеде и рассказывал смешные истории перед сном вместо сказок. Паша вытащил медиатор и взял несколько аккордов, хотел запеть любимую песню отца, но от волнения горло перехватило, не давая произнести ни звука, тут вошла Мария Степановна и, не замечая волнения внука, начала отговаривать его от поездки:

– Знаешь что, мой дорогой внук, эта затея мне не по душе, может, ты куда не поедешь?

– Отчего же, я уже даже собрался, – с иронией в голосе, показывая свой скудный скарб, отозвался Паша.

– Да они же там могут тебя обидеть, даже поколотить, – сказала Мария Степановна, проходя глубже в комнату.

– А, может, я хочу, чтобы меня, наконец, кто-то поколотил, – тяжело вздыхая, пробормотал Паша и протянул бабушке старую, но такую дорогую, до боли знакомую гитару. – Можно я возьму ее с собой?

– Возьми, милый, думаю, в этом нет ничего плохого, – бабушка под села к Паше на диван, обняла, потрепала по непослушным волосам. – Если решил ехать, значит, поезжай, я не стану больше тебя отговаривать, и, если уже собрал вещи, ложись спать, ты помнишь, автобус придет ровно в шесть, а Григорий такой человек, ждать не будет ни секунды.

– Ба, а какой он, этот Григорий, если я про ребят ничего не знаю, расскажи мне хоть про него.

Бабушка подошла к комоду, из верхнего ящика достала сундучок для швейных принадлежностей, обтянутый тканью в мелкий цветок.

– Вот, возьми ниточки с иголкой, я всегда их собой беру, – извлекая маленькую катушку черных ниток и вколотую в нее тоненькую иголочку, засуетилась бабушка. – А что касается Григория, так он учитель в шестой школе, преподает географию, детей у него нет, так он с трудными подростками возится. Каждый год летом они едут куда-нибудь, в поход, пещеры посещают или разыскивают братские могилы солдат, погибших во Второй мировой. А чтобы тебе понятней было, какой он, так охарактеризовать могу его только одним словом – кремень.

Утро наступило неожиданно быстро, Паша, стоя у двери серого микроавтобуса, с большим трудом пытался ее открыть. Потом кто-то внутри потянул ручку двери в сторону, и она плавно скользнула вдоль салона автомобиля.

– Молодец, не опоздал, – бодро приветствовал его Григорий. – А это еще что? – указывая на гитару, удивленно спросил учитель. Но не успел Паша объяснить наличие необозначенного в списке предмета, как услышал протяжный возглас Григория:

– Аркашин Орфей, эх, дружище Джипсон, – он взял из рук Паши инструмент и, сказав водителю «трогай», перевернул гитару, на задней стороне ее корпуса начал внимательно разглядывать росписи и инициалы всех, кто в те давние времена был причастен к событиям, которые разворачивались вокруг этого инструмента. Позднее Паша узнал, что Григорий был другом и одноклассником его отца, и пригласил он его с собой, в этот поход для того, чтобы как-то помочь сыну погибшего товарища разобраться в «сложной жизненной ситуации».

А Паша тем временем пытался рассмотреть сидящих в автобусе. Ребят было девять, большая часть из них спали, примостившись поудобнее, некоторые, приоткрыв глаза, равнодушно посматривали на вошедшего. Пройдя по салону, Паша остановился у свободного кресла и попытался снять с него сумку сидящего у окна соседа, но тот опередил его, резко схватив ее и не проронив ни слова, поставил сумку себе на колени.

– Привет, я Павел, – протягивая ему руку, поздоровался Паша. Но парень ему не пожал руки, а только еле внятно буркнул:

– Витек, – потом закрыл глаза и притворился спящим.

Паша тоже попытался поспать, но сон как рукой сняло, обстановка показалась ему очень тревожной. На улице и в салоне было еще темно, в проходе между сиденьями можно было разглядеть одну одноместную палатку и большой полный рюкзак. Пашу весьма удивили эти два предмета, во-первых, почему палатка такая маленькая, во-вторых, зачем кто-то взял с собой столько вещей, если в списке было только три пункта. «Неужели мы будем спать под открытым небом, а может, нас заставят строить себе шалаши», – будоражил он свое воображение. Беспокойные мысли одна страшнее другой рождались у него в голове. Ребята оказались все

крупнее и старше, лица были неприветливые, а Григорий сидел безучастно, погруженный в свои воспоминания, и не обращал внимания на вновь прибывшего.

Через полчаса начало рассветать, и в окно можно было разглядеть холмы и невысокие меловые горы, покрытые выгоревшей на солнце травой, зелеными кустарниками и редкими низкорослыми соснами, места были пустынные – ни построек, ни машин, и только изредка встречались одинокие путники. Наконец, автобус остановился, все вышли на воздух и стали осматриваться. Дорога заканчивалась на берегу прекрасного озера с каменистым берегом у подножья отвесной скалы, в ней были вырублены неглубокие ступеньки, которые извилистой лентой тянулись куда-то ввысь. Когда все пожитки лежали у ног путешественников, а автобус скрылся за холмами, заговорил Григорий:

– Ну что, пацаны, ввожу вас в курс дела. Сейчас мы поднимемся по этим ступеням на вершину к пещерному храму, недалеко от него, в толще меловой горы, находится мужской монастырь, но нас будут интересовать пещеры, которые расположены за ним, там в годы войны укрывались партизаны, завтра с проводником будем туда спускаться.

– А где мы будем жить, палатки вы нам не разрешили брать с собой, в монастыре что ли? – перебил Григория высокий блондин с длинными волосами, собранными в хвост.

– Нет, возле храма есть небольшой дом для паломников, вы там и поселитесь. Ну что, вперед, господа! – Григорий повернулся лицом к лестнице и первым начал подъем по полустертым ступеням.

Подниматься было сложно, ступеней всего было пятьсот пятьдесят, и они серпантинном проходили между больших валунов, зарослей можжевельника и лохматых елей. На полпути находилась небольшая смотровая площадка, на которой можно было немного передохнуть. Когда Паша добрался до этого места, у него не было сил даже обернуться и посмотреть, какая красота расстилается за его спиной. Рюкзак значительно потяжелел после того, как были распределены между всеми провизия и оборудование, а у него еще был довесок, ценный и при этом неудобный груз – гитара. Но зато, когда все поднялись наверх, перед их взором возникла сказочная красота. Чуть поодаль, у подножья мелового холма возвышался вход в пещерный храм. Он представлял из себя две пирамиды разной величины, сделанные руками матери-природы. На вершины пирамидок были водружены небольшие золоченые главки с крестами, а между ними свешивался ажурный подвесной мост с крышей, на котором была устроена колокольня. Фронтальные части входа были украшены мозаичными иконами Святого Георгия. Неподалеку от храма вырисовывался одноэтажный деревянный барак, он и был местом пристанища собравшихся путешественников. Внутри все выглядело предельно аскетично: кровати, застеленные плотными серыми простынями, поверх которых у каждого лежало скрученное шерстяное одеяло и небольшая подушка, набитая морской тиной, у окна стоял деревянный стол, на котором было несколько фаянсовых глубоких тарелок и горка перевернутых кружек, прикрытых полосатым льняным полотенцем. И везде царила идеальная чистота.

Ребята, устроившись, высыпали на улицу. Все окружавшее их пространство напоминало фантастический сон, совершенно безлюдная территория с необычными строениями, вырубленными в скалах, живописный ландшафт и повисшая тишина настораживали. Держались вместе, говорили тихо и оглядывались по сторонам. Вскоре появился Григорий и бодрым сильным голосом скомандовал:

– Сейчас разобьем лагерь, назначим дежурных поваров и осмотрим окрестности.

Парни принялись за дело. Поставили маленькую палатку для Григория, он хотел жить отдельно, чтобы дать подросткам возможность свободно общаться со сверстниками без боязни быть услышанными учителем. Потом они смастерили кострище для приготовления еды, достали котелок и провиант, вокруг костра по кругу положили старые бревна, чтобы можно было всем вместе разместиться и поговорить, возле палатки разложили каски, жилеты и другое оборудование для спуска в пещеры. Когда со всеми делами было покончено, Григорий,

собрал всех, сказал, что, пока дежурные будут готовить еду, остальные могут прогуляться и посмотреть местные достопримечательности, а когда колокола начнут в пять часов звонить к вечерней службе, все должны вернуться и собраться у костра. И самое главное, он надеялся, что никто не взял с собой ничего запрещенного, ни сигарет, ни алкоголя.

– Я привез вас сюда, чтобы вы побыли вдали от цивилизации без интернета и телевидения, отдохнули от фальшивых кумиров из соцсетей и попытались разобраться в себе, заглянули в свою душу и построили планы на будущее. А после ужина здесь возле костра, кто захочет, может поделиться своими мыслями.

И когда ребята уже начали потихоньку покидать место собрания, Григорий еще раз обратился к окружающим:

– Да, и еще, мне не хотелось об этом говорить, но все же напомним, так как среди нас есть новички, кто нарушит правило – будет наказан.

Паша хотел поскорее остаться один, он побрел за монастырские стены в надежде встретить хоть одного послушника или монаха, вообще хоть одного живого человека, но тут вдруг он осознал, что кроме гитары прихватил еще один запрещенный предмет, это был смартфон. У него аж ноги подкосились, в ушах так и звучали слова Григория: «Кто нарушит правило, тот будет наказан». Интересно, какое наказание может придумать этот жесткий мужчина, да еще здесь вдали от всего мира. Паша начал судорожно думать, куда спрятать это устройство, когда вспомнил, что бабушка положила ему маленькую катушку ниток и иголку, и в его голове сразу созрел план. Он внимательно осмотрелся, все ребята разошлись в разные стороны, кто парочками, кто в одиночку, у костра два парня наполняли котел рисовой крупой, а Григорий делал зарисовки карандашом в большом блокноте, сидя на гладком камне лицом к храму.

Паша тихонько пробрался в дом, подошел к своей кровати, схватил подушку и, разорвав ее по шву, быстро засунул туда смартфон и наскоро зашил ее черными нитками, которые так заботливо положила ему Мария Степановна в наружный карман рюкзака. Почувствовав огромное облегчение, вытирая капельки пота со лба, Павел, никем не замеченный, вышел на улицу и быстро пошел к краю обрыва. Он смотрел на прекрасное темно-синее озеро, ветер обдувал его бледное лицо, сердцебиение начало постепенно приходить в привычный ритм, как вдруг сбоку послышалось шуршание, и вниз посыпались камни. Павел резко повернул голову – вцепившись в остатки какого-то сухого куста, над обрывом повис парнишка, который ехал рядом с ним в автобусе и назвал себя Витьком. Паша со словами: «Что же ты молчишь, дурень», – молниеносно кинулся ему на помощь, звать кого-то было уже поздно, у Вити руки судорожно дрожали и, казалось, он в любую секунду может сорваться вниз. Паша лег на край обрыва, но дотянуться до парня все равно не мог. Он огляделся в поисках чего-нибудь подходящего, но, кроме его гитары, рядом ничего не оказалось. Он схватил ее крепко обеими руками и протянул гриф Вите, тот уцепился за него что было сил, глотая песок, который сыпался на его лицо, лихорадочно болтая ногами, все же выбрался наверх. Не прошло и минуты, как мальчишки, тяжело дыша, сидели друг напротив друга у примятого можжевельника. Паша думал, что Витек его сейчас будет благодарить, пожмет руку, и у него появится новый друг в этом недружелюбном лагере, но он ошибся.

– Расскажешь кому-то – прибью, – посмотрев исподлобья на Пашу, пригрозил парнишка и, прихрамывая, поковылял к костру.

«Не зря бабушка говорила, что они здесь какие-то странные», – подумал спасатель, сидя на самом краю обрыва, свесив ноги вниз.

За ужином у костра все немного разговорились, но рассказывать о своих мечтах почти никто не хотел, ребята отшучивались или просто молчали. Потом Григорий взял Пашину гитару и спел несколько песен советских рок-музыкантов, но и это не помогло, все продолжали сидеть, замкнувшись в себе и просто смотреть на огонь.

– Знаете, какие чувства самые честные? – вдруг неожиданно сказал Григорий. – Страх, жадность, зависть, обида, боль. Научитесь честно признаваться в них, и тогда вы найдете путь к себе. Знаете, в чем моя боль, что я больше никогда не увижу моего лучшего друга Аркашу, а боюсь я того, что, как и он, умру молодым, и у меня никогда не будет детей, а завидую я тем, кто постоянно открывает для себя новые места на этой безгранично красивой планете. И что смешно, признав это, я стал только сильнее, потому что так смог найти свой путь и стать тем, кем являюсь сейчас.

– Ну, оставляю вас наедине со своими мыслями, господа, – вставая, добавил Григорий, – мне уже пора спать, возраст, знаете ли.

И уходя, потрепал Пашу по плечу. Казалось, что ничего особенного не произошло, но Паша никогда после смерти отца не чувствовал себя так близко к нему и к самому себе.

А на утро все рассыпалось прахом. Паша открыл глаза и увидел у своей кровати Григория, который смотрел на него разочарованным взглядом.

– Павел, скажи, пожалуйста, почему у тебя зашита подушка черными нитками, ты там что-то прячешь?

Паша какое-то время молчал, потом отвел взгляд в сторону и тихо произнес:

– Я зашил там свой смартфон.

– А, это мы уже проходили, значит, тебе предстоит сегодня строить каменную изгородь. Внизу у озера будешь брать камни, носить наверх и укладывать вокруг нашего лагеря по намеченной линии.

– Тащить камни по пятистам ступеням, да это же Сизифов труд, – возмутился Паша.

– Ничего подобного, в древнегреческой мифологии Сизиф после смерти был приговорен богами катить на гору в Тартаре тяжелый камень, который, едва достигнув вершины, раз за разом скатывался вниз. Мы здесь не боги, а простые смертные, у нас есть правила, и мы просим их уважать! – резко высказался Григорий и вышел.

Проснувшиеся ребята молча наблюдали за происходящим, потом кто-то из дальнего угла произнес:

– Ничего, я в прошлом году тоже строил изгородь, только из бревен, выжил.

Спустя полчаса Паша, тяжело дыша и проклиная свое решение поехать в это странное путешествие, тащил уже пятый камень, считая вырубленные в скале ступени. Было тяжело и обидно, ведь он ни разу не воспользовался своим смартфоном, но разве его кто-нибудь спросил. Через час тяжелого труда злость прошла, потом прошла и обида, и Павел, машинально поднимая камни, думал о маме, о Еве, о школе и пришел к выводу, что его спонтанное решение всех оставить было неверным. Еще пару недель побудет у бабушки и вернется в свой родной Петербург.

В очередной раз добравшись до смотровой площадки, Паша заметил Витьку, который, пытаясь ему помочь, тоже тянул камень. На вопрос, зачем он это делает, Витек состроил кривую гримасу и буркнул:

– Очевидно же, познал себя.

10. Крокодил

Утро было пасмурным и не предвещало ничего хорошего, дождь упрямо барабанил по стеклу, будто кто-то нервно постукивал по столу пальцами.

Лана проснулась с надеждой, что тот злосчастный поцелуй на морской прогулке ей приснился. Она терла глаза, трясла головой, но, когда окончательно удостоверилась, что все это было наяву, решила остаться в кровати, сославшись на плохое самочувствие. Зная, что сегодня Юра переезжает в общежитие, она надеялась, что он уйдет, и они больше никогда не увидятся. Лана слышала, как мальчики тархтели посудой во время завтрака, как собирали вещи, стараясь поменьше шуметь, говорили шепотом, чтобы ее не потревожить. Спустя примерно час хлопнула входная дверь, и все затихло. Девушка лежала под одеялом, раздумывая, встать или остаться в постели до прихода мамы, но невыносимый голод, которому она совсем не могла сопротивляться, заставил ее подняться и отправиться на кухню. В толстом махровом халате и тапочках на босу ногу она прошла к небольшому старенькому холодильнику, достала сначала докторскую колбасу, Столичный хлеб, а потом, немного подумав, еще разыскала банку с маринованными огурцами. «И почему я вчера в ресторане ничего не ела, там было столько деликатесов», – думала девушка, делая себе толстый бутерброд. Налив холодного чая и взяв тарелку с едой, Лана уселась на диван у телевизора и начала размышлять: «Как грустно сидеть одной дома в летние каникулы, когда все отдыхают на море или путешествуют, или хотя бы гуляют со своими друзьями. Странно, почему Ева не едет в свой загородный дом в Крыму, она уже много лет берет меня с собой, надо будет ей напомнить, потому что моя мама все равно не сможет меня куда-нибудь отправить».

Потом Лана села за компьютер почитать новости в соцсетях, но, увидев фотографии, на которых ее знакомые греются на солнышке на золотых пляжах или у бассейна с лазурной водой, которыми были заполнены все страницы, совсем расстроилась и вновь забралась в кровать. Укрывшись с головой тонким одеялом, она уже собиралась расплакаться, но не смогла. Лана лежала и жалела себя, перечисляя в уме жизненные невзгоды, но затем мысли унесли ее далеко в фантазийные миры, которые Лана годами выстраивала в своей голове, сидя на уроках или лежа в кровати в темной комнате по ночам. Теперь же, поселив в своих грезах Юру, она придавалась мечтам с особым удовольствием. Сегодня Лана рисовала в своем воображении, как они вместе с Юрой отправились в серфинг-школу на Бали. Она представляла себе виллу, на первом этаже которой был маленький садик и бассейн, Лана воображала, как Юра разрезает для нее спелые манго по утрам, а потом они отправляются медитировать на рисовые поля, так думая, как они вдвоем садятся в позу лотоса, и утреннее солнце ласкает их кожу, она забылась неглубоким сном.

В четыре часа вернулся Игорь и, увидев сестру все еще в кровати, решил, что она на самом деле больна.

– Систер, ты чего это еще не встала, может, нужны лекарства. Я могу в аптеку сбежать.

– Нет, я не больна, просто несчастна! – театрально положив руку на лоб, произнесла Лана и бросила маленькую подушечку во взволнованного брата. Он задорно рассмеялся и, сев у ног сестры, произнес:

– Ну и отлично, ты шутишь, а то я уже собрался за врачом бежать, – по его заботливому тону можно легко было догадаться, что он знает Лану с пеленок, и хоть они были двоюродные, но все-таки брат и сестра.

– За врачом бежать не нужно, расскажи мне лучше, как вы там Юру устроили? – улыбаясь, отозвалась Лана.

– Отлично, Ева притащила кучу дизайнерских штучек и устроила всю комнату в морском стиле. Мы там полдня провозились, мебель двигали, вешали шторы, приколачивали картины, в итоге клево вышло, тебе нужно будет на это посмотреть.

Лана села и, выпучив глаза, воскликнула:

– Посмотреть? Да чтобы посмотреть на дизайн, надо сначала посмотреть в глаза Юре!

– Ты что, о вчерашнем поцелуе переживаешь? – удивился Игорь.

Лана, покраснев, опустила глаза и тяжело вздохнула.

– Так, забей, сегодня, когда Ева спросила, где ты, и я ей ответил в шуточной форме, что ты, так сказать, приболела, Юра сразу вступился за тебя.

Лана от удивления прыгнула на пол и босая побежала к графину с водой.

– Правда, он за меня заступился? Расскажи, пожалуйста, что именно он сказал, – отпивая большими глотками воду, очень волнуясь, тараторила Лана.

– Ну он сказал, что-то типа, она вчера поздно легла спать и не выспалась, поэтому должна отдохнуть, в общем, я не помню точно, – растягивая слова, дурачился Игорь.

– Нужно срочно звонить Еве, – ища телефон, сказала Лана и начала переворачивать все вокруг себя, порылась под подушками, подняла, а потом и потрусила одеяло, заглянула под кровать, но ничего там не обнаружив, исследовала разложенный диван, прикрытый потертым покрывалом, и, когда она уже начала шарить рукой в ящике прикроватной тумбочки, Игорь, продолжая помогать сестре в поисках, сказал:

– Зачем же ей звонить, если вы уже через два часа встретитесь. Так что лучше причешись, оденься, ну и что вы там девчонки обычно делаете, и поедem к Еве, мы сегодня решили отпраздновать Юрино новоселье, я в принципе за тобой приехал.

Лана была несказанно счастлива, она, как птичка, порхала по комнате, пытаясь привести себя в порядок, но так как обычно для этого почти не прикладывала никаких усилий, то сборы заняли не больше пятнадцати минут. Отыскав расческу, девушка кое-как пригребла невымытые волосы и старым, плохо отточенным карандашом неровно подвела брови, потому что плохо видела, а очков не носила, но прежде, чем застегнуть свои единственные босоножки темно-сиреневого цвета, она вдруг села и, пристально посмотрев на брата, спросила:

– Ты думаешь, он в меня влюблен? – на что Игорь утвердительно кивнул головой.

Юра стоял у парадной Евы уже минут двадцать, он ждал Игоря и Лану, чтобы вместе подняться в квартиру. Ему, конечно, хотелось попасть туда одному и побыть с Евой наедине, но страх перед перспективой откровенного разговора, во время которого она могла отвергнуть его любовь или, что еще страшнее, посмеяться над ним, останавливал юношу. Зато у него было время поразмышлять. Юра прислонился спиной к прохладной гранитной стене и думал о своем поступлении, об общежитии, об отце, но какая бы мысль не проносилась в его голове, все сводилось к Еве. Как она отнесется к тому, что он остается в городе, что она думает о его будущей профессии, сможет ли он когда-нибудь познакомить ее со своим отцом, как хорошо она оформила его комнату, и все время Ева, Ева, Ева. Он не мог себе представить, как за такой короткий промежуток времени она стала таким близким и таким важным для него человеком. Как заполнила все его существо – воздух в легких, мысли в голове, слова, застывшие на губах, – все было о Еве. Но чей-то знакомый голос прервал его мысли:

– Завтра перед визитом обязательно мне позвони, главное, чтобы Ева ничего не узнала, – с этими словами из парадной, держа какого-то незнакомого мужчину под руку, вышла Натали, она, не заметив Юры, прошла мимо и с помощью незнакомца села в черный автомобиль, мужчина сел за руль, и они на небольшой скорости выехали из двора. Юноша не знал, что и подумать. Что здесь завтра должно такое произойти, чего не должна знать Ева, и кто этот мужчина, уж точно не ее папа, он возвращается из рейса только через месяц. Первая мысль, которая пришла юноше на ум, это то, что нужно рассказать обо всем Еве, но тут же его начали одолевать

сомнения, стоит ли ему вмешиваться в чужую семейную жизнь, но представить себе, что кто-то хочет обмануть его драгоценную Еву, он не мог. Но долго мучиться проблемами выбора ему не пришлось, так как через минуту перед ним предстали Игорь и Лана. От Юриного прямого взгляда Лана вспыхнула и отвела глаза, засуетилась и сделала вид, что что-то ищет в сумке. Только увидев ее растерянность, Юра вспомнил о том злосчастном поцелуе. Мало того, что ему нравилась та же девушка, что и Игорю, так еще он умудрился обидеть его сестру – это последнее, чего он хотел. Из благодарности за то, что семья Игоря для него делала, но больше потому, что они практически заменили ему семью, Юра всегда старался быть для Игоря приятным, а может быть, даже удобным другом, а тут конфуз за конфузом, и как выправить ситуацию, Юра пока не знал. А лифт тем временем уже поднял их на двадцать пятый этаж, и Игорь бодро позвонил в дверь.

Ева встречала гостей в белом приталенном платье с открытой спиной, на его поясе были пришиты две красные кисточки, которые, как искорки, воспламенялись при каждом ее движении, волосы были уложены в легкие локоны, длинные подкрашенные ресницы и немного блеска на губах делали ее неотразимой, парни не могли отвести глаз и смотрели на нее как замороженные.

Юра принес небольшой букет розовых гортензий с короткими ножками, перевязанными атласной лентой. Ева была в восторге и, ставя букет в шаровидную прозрачную вазу, невольно улыбнулась.

– Мои любимые цветы, да еще без упаковки, все, как я люблю, как ты догадался, это Лана тебя проконсультировала? – сказала Ева, но, посмотрев на Лану, осеклась, поняв, что говорить этого не стоило, она тут же начала расхваливать бежевого пушистого медведя, которого принес ей в подарок Игорь, но обстановка все еще оставалась напряженной. Лана с презрением смотрела на букет, который теперь стоял у нее перед глазами на низком журнальном столике с изогнутыми ножками. И Ева, чтобы исправить положение, решила незамедлительно позвать всех за стол, который уже давно был искусно накрыт, маня гостей своим великолепием. Натали любила повторять высказывание Гете «Бог в мелочах, а дьявол в крайностях», и, глядя на то, как накрыт стол, было понятно, что для Евы мелочей не существовало. Белая льняная скатерть была накрахмалена и выглажена, по центру расположились три низкие хрустальные вазочки в один ряд с благоухающими синими гиацинтами, для каждой персоны были приготовлены три белые фарфоровые тарелки с золотым узором по краю, снизу подстановочная, на ней закусочная и сверху салатная, а по числу приборов, которые располагались по обе стороны от тарелок, можно было понять, что смен блюд будет, как минимум, четыре. На тарелках лежали белоснежные салфетки, продетые в ажурные позолоченные кольца. Немного правее над тарелками возвышались по три хрустальных бокала, в одном из которых был уже готов трехслойный коктейль с маленькой засахаренной вишенкой.

– Прошу всех за стол, – скомандовала Ева, и ребята начали медленно рассаживаться. Юра сразу заволновался, что не знает, как пользоваться таким количеством приборов, да что там приборы, он не знал, что делать с тарелками, куда класть салфетку, но потом взял себя в руки и решил повторять за Ланой. Он предполагал, что она много раз бывала на званых обедах в этой семье и уж точно выучила, какой вилкой что едят. Лана же его взгляды расценила как проявление к ней интереса и в смешанных чувствах стыда и восторга беспрестанно хихикала. Мама Игоря тоже любила красиво накрывать на стол, но, конечно, они не пользовались таким обилием посуды, и поэтому он выбрал другую тактику, он все свои пробелы в знании этикета переводил в шутку, весело спрашивая: «А для чего это?» или «А чем это едят?» – в результате первые минуты общего напряжения миновали, обстановка стала вновь беззаботной и легкой, приправленная ноткой любовного нетерпения, как шепоткой кайенского перца приготовленный Евой хумус.

После ужина Ева повела своих друзей в малую гостиную, где она часто принимала подруг, здесь они устраивали разные игры, мерили всевозможные наряды, которые моделировала или привозила с показов Натали, строили коварные планы по прогулу занятий и организации грандиозных вечеринок. Отвечая своему предназначению, комната была создана в одном из самых уютных стилей – прованс. Два мягких белоснежных дивана с бледно-лиловыми подушками, стоящие друг напротив друга, так и приглашали устроиться в них поудобнее и посплетничать, за деревянной ширмой, казалось, притаились чьи-то секреты, а длинные кашпо с лавандой, стоящие ровными рядами у большого окна, наполняли комнату волшебным расслабляющим ароматом. Ева поставила на большой пуф, стоящий между диванами, поднос с зефиром и ягодным суфле, потом подошла к двум ажурным кованым клеткам, в которых вместо птиц располагались толстые свечи, зажгла их, затем разожгла биокамин и выключила основной свет, погружая комнату в приятный полумрак.

– Ну что, давайте играть в «крокодила», – предложила Ева и на всякий случай решила объяснить правила. – Загадывается слово и один из игроков должен показать загаданное без слов лишь только жестами, мимикой или позами. Время будет ограничено – две минуты, а так как нас мало, то слово будем брать из журнала. Первое существительное на загаданной странице.

– А если не успел за две минуты объяснить, что тогда? – усаживаясь поудобнее, с интересом спросил Игорь.

– Ну, если не успел, тогда... – задумчиво начала Ева.

– Если не успел, тогда выполняешь желание! – придумав интересное наказание, выпалила Лана. Ребятам понравились условия игры, и она началась.

Первым игроком был Игорь, он с помощью очень забавной пантомимы пытался объяснить несложное слово «радио». Он, комично пристраивая на голове руки, имитировал антенну, потом изображал певцов и чтецов, затем вращал у себя на теле невидимую ручку настройки, потом снова антенна, опять пел и надувал щеки, все смеялись, и только на последних секундах Лана догадалась, что это радио. Следующим вышел Юра, так как он был застенчивым человеком, ему гораздо сложнее было раскрепоститься, он боялся на виду у всех быть смешным. И объяснить нелегкое слово «глобализация» он так и не смог. По истечении времени компания начала придумывать желание, которое он должен был исполнить в наказание. Было много различных вариантов, как вдруг Игорь вскочил на ноги и заявил:

– Я придумал, ты должен поцеловать Лану, и не просто в лобик, а в губы и не на виду у всех, а вот за этой ширмой, – и Игорь показал на белую полупрозрачную ширму с изображением ботанических копий цветов, которая стояла в углу комнаты. Все замерли. Лана, заливаясь краской, внимательно смотрела прямо в глаза Юре, Ева страшно разозлилась на Игоря, как он мог такое предложить. «Юра не станет с ней целоваться, он же вчера написал, что ему нравлюсь я, а сегодня целовал мне руку», – эти мысли пролетели в Евиной голове с молниеносной скоростью, и она испытующе посмотрела на Юру.

Но Юра чувствовал, что накануне очень обидел Лану, когда отстранился на глазах у всех от ее порыва выразить свои чувства, и сейчас снова унижить ее не мог. Он встал, подошел к Лане и, посмотрев на ее взволнованное лицо, спокойно сказал:

– Пошли.

Лана, смущаясь, немного наклонившись вперед, проследовала за ним. За эти несколько шагов пути она испытала целый букет эмоций, сначала кровь отлила от головы и, сделавшись белой, как мел, девушка почувствовала головокружение, какое часто с ней случалось в минуты сильного волнения, но, оказавшись за ширмой, она ощутила, как теплая волна счастья разливается по ее телу, и, предвкушая предстоящее событие, закрыла глаза, подставляя свое лицо для поцелуя. Игорь со смехом наблюдал за силуэтами, которые вырисовывались на фоне полупрозрачной ширмы, а Ева отвернулась и смотрела в окно, нервно перебирая кисточки своего

пояса. Юра спокойно, без всяких чувств дотронулся своими сухими губами до слегка приоткрытого маленького ротика Ланы и, не говоря ни слова, быстро вернулся к остальным.

– Ева, теперь твоя очередь, – не дожидаясь появления Ланы, скомандовал Игорь.

Ева без настроения, с натянутой улыбкой начала показывать слово «театр».

Ребята выкрикивали свои предположения:

– Маска, клоун, артист, занавес, – но никто не смог за этот короткий промежуток времени произнести нужное слово, и Ева стояла и ждала приговора. Но не успел еще никто ничего произнести, как Юра настойчиво заявил:

– У меня есть желание, мне нужно с тобой поговорить, и не здесь, а наедине.

Ева была очень зла на него за то, что произошло несколько минут назад, она выпрямилась, надменно посмотрела в сторону Юры и сухо произнесла:

– Говори здесь, мне нечего скрывать от своих друзей.

– Нет, ты не понимаешь, это не связано ни с кем из присутствующих здесь, это не моя тайна, я просто должен тебя предупредить.

Юра говорил и в его голосе чувствовалось такое не свойственное ему волнение, что все начали уговаривать Еву выслушать его. Даже Лана, теперь уверенная, что Юра в нее влюблен, советовала Еве все выяснить. Ева скользнула совершенно холодным взглядом в сторону парня, который так неожиданно потерял самообладание, и, тяжело вздохнув, манерно вышла из комнаты, юноша последовал за ней.

Ева стояла молча, скрестив руки на груди, вся ее поза и выражение лица давали Юре понять, как она недовольна, как ей было неприятно то, что произошло сейчас в малой гостиной. Юра не стал оправдываться, он думал, что у него еще будет время поступками доказать свою любовь Еве, и что она успокоится и поймет, что он не мог еще раз обидеть безответно влюбленную в него сестру друга. Ева же в свою очередь считала, оправдания его поступку нет, и это их последняя встреча.

– Ева, я сегодня встретил твою маму у парадной, с мужчиной, – но не успел Юра закончить фразу, как Ева его резко оборвала.

– Ты что собираешься обвинить в чем-то мою маму?

– Нет, что ты, просто они обсуждали какое-то важное событие, которое должно произойти завтра утром, и твоя мама сказала, что ты ни в коем случае не должна об этом узнать, вот я и заволновался, – вытирая капельки пота со лба, как-то не очень внятно произнес Юра.

– Если мама считает, что мне не нужно этого знать, значит, так и должно быть, я ей доверяю больше, чем себе, и уж тем более тебе, так что я не хочу это обсуждать, – четко произнося каждое слово, высказалась Ева и, повернувшись к двери, стремительно вернулась к ребятам.

11. Провисание холста

Предложение Евы остаться у нее на ночь Лану не удивило, они с семи лет устраивали пижамные вечеринки, сначала просто играли в куклы, потом начали строить куклам дома, через пару лет шить им одежду, а по прошествии еще какого-то времени уже выбирали в глянце-вых журналах одежду для себя, готовили изысканные коктейли и смотрели фильмы модных режиссеров. Вот и сейчас, проведив Юру и Игоря, девочки пошли в комнату Евы и решили пересмотреть в очередной раз любимый сериал про вампиров, но, оставшись наедине с Евой, Лана не удержалась и осмелилась задать вопрос, который мучил ее последние полчаса:

– Ева, а что тебе такое важное хотел сообщить Юра, если это, конечно, не секрет, а то что-то не могу понять, нравлюсь я ему или нет.

Ева была настолько погружена в возникшую проблему, да и мысль о том, должна ли она что-то объяснять Лане относительно Юры или это их личное дело, не располагала к откровенному разговору, и она, решив умолчать о том, что Юра признался ей в своих чувствах, рассказала только о загадке, которая ее сейчас волновала:

– Лана, я же для этого и попросила тебя остаться. Понимаешь, Юра сказал мне, что видел мою маму у парадной с каким-то мужчиной, якобы между ними произошел сговор, о котором я не должна ничего узнать. Юре я, конечно, сказала, что меня это не интересует, но с тех пор я все время думаю, что хочет скрыть от меня мама. Мы с ней всегда всем делимся, на нее это не похоже.

– Твоя мама с незнакомым мужчиной? – удивленно переспросила Лана.

– Да это вовсе не мужчина, это ее бедолага брат. Он вчера появился перед вашим приходом, оставил в гардеробной какие-то свои вещи, а потом вызвался отвезти Натали в джазовое кафе, где она встречалась со школьной подругой, они вместе вышли из квартиры, вот тогда-то их и заметил Юра.

– Да, странная история, зачем им от тебя что-то скрывать, – задумчиво произнесла Лана, потом взяла с туалетного столика щетку и начала приглаживать свои непослушные волосы.

– Может, пока Натали еще не пришла, сбегает в гардеробную и посмотрим, что он принес?

Девушки, возбужденно смеясь, помчались в большую гардеробную, которая находилась между гостевой и родительской спальнями. Это была просторная комната без окна, вдоль стен на штангах аккуратно висели вещи, внизу были устроены выдвижные ящички и полки, одну стену обустроили под обувь и сумочки, она состояла из ячеек с подсветкой, в каждой из которой располагалась пара обуви и подходящая сумка. Напротив входа возвышалось огромное зеркало в раме цвета античного золота, а в центре стоял большой овальный пуф, обтянутый бежевым мебельным флокком со стяжкой капитоне. У двери находились коробки с елочными и детскими игрушками, а за ними в чехлах притаились картины, которые планировалось повесить в только что выстроенном загородном доме.

Лана села на пуф, а Ева пошла вдоль полок, внимательно присматриваясь к висевшим вещам.

– Вот этот костюм не папин и рубашка. – Ева остановилась возле синего костюма из шерсти, кое-где покрытого катышками, и, держа его за рукав, взволновано посмотрела на Лану.

– Да, во всем этом, правда, кроется какая-то тайна, – ответила Лана и встала, чтобы повнимательней разглядеть костюм. Она вспомнила вечно озабоченного, многодетного мужчину, который некоторыми чертами лица был похож на Натали, она иногда встречала его у Евы дома, он много и быстро ел, рассказывал про какие-то нереальные достижения своих детей, о трудностях на работе и о том, что ему всегда не везет.

Девочки еще какое-то время посидели в гардеробной, смотря на вещи, принесенные дядей Евы, но так и не найдя ответов, отправились смотреть фильм. Просмотр был беспокойным, они все время прислушивались, не вернулась ли Натали, и периодически останавливали сериал, высказывая предположения, зачем нужен этот костюм и почему что-то нужно скрывать от Евы. Натали долго не возвращалась и подружки не заметили, как уснули. Утром Еву разбудил звук закрывающейся входной двери. Она тут же вскочила и побежала к входу в надежде увидеть маму, там никого не обнаружив, ринулась в родительскую спальню, но и там Натали не было, и девушка с растерянным видом вернулась к себе. Лана, еле открыв глаза, спросила:

– Кто пришел?

– Думаю, это кто-то вышел, – недоумевая, ответила Ева. – Странно, и мамы нет, вдруг что-то случилось.

– Когда я ночью вставала в туалет, Натали была дома, она сидела в гостиной в своем любимом кресле и листала какую-то толстую книгу, – уже совсем проснувшись, начала рассказывать Лана.

– Тебе нужно было меня разбудить, я бы все у нее расспросила.

– Что бы ты расспросила, если она считает, что тебе это не нужно знать, – Лана встала и, надев шелковый халат подружки, пошла готовить чай.

Когда девушки с сонным видом сели за стол и собирались доесть вчерашний торт, в дверь кто-то позвонил. Они испуганно посмотрели друг на друга.

– Кто это в такую рань? – шепотом произнесла Ева.

– Я пойду посмотрю в глазок, – ответила Лана и, бесшумно двигаясь, подошла к входной двери, Ева последовала за ней со словами:

– Может, не будем смотреть, давай тихонько посидим в моей комнате, и этот человек уйдет.

– Мы тогда не узнаем, кто приходил, – не унималась Лана и, привстав на носки, заглянула в глазок. – Это твой дядя, открывать?

– Дядя Рома? – вытаращив глаза, спросила Ева, потом быстро подошла к двери, повернула защелку замка. На пороге стоял молодой мужчина в синей рубашке поло и потертых джинсах, карманы которых были до отказа набиты всевозможными вещами: ключами от машины, бумажником с документами, конфетами. На голове, прикрывая несвежую стрижку, возвышалась кепка с обтрепанными краями козырька. Когда он зашел в квартиру, и его осветил солнечный свет, пробивающийся из окна, было заметно, как он похож на свою младшую сестру. Тот же аристократически удлиненный овал лица, те же голубые, только слегка выцветшие глаза и манера говорить, спокойно и немного свысока смотря на своего собеседника, давали возможность безошибочно сказать, что это брат Натали.

– Дядя, что происходит, где мама? – взволнованно выпалила Ева.

– А ее что нет дома? – удивился мужчина. – Я не знаю, где она, Ева, я спешу, мне нужно переодеться, вчера я тут у вас костюм оставил, – проходя в сторону гардеробной, на ходу сказал дядя Рома.

Девушки, переглянувшись, уселись на диван и стали ждать, что же будет дальше. Ева решила, что его нужно как-нибудь задержать, если она предложит дяде выпить чаю, то у нее будет хоть маленькая возможность узнать что-нибудь об их с мамой затее. Зная, что он любил поесть, девочки начали быстро выставлять на стол все самые лучшие припасы из холодильника, красиво раскладывая их на тарелки и вазочки, и вот, когда Лана водрузила на стол парящий заварной чайник, появился их гость весь при параде. Он был в костюме, голубой рубашке и синем галстуке в голубую полоску и в руках держал черный чехол прямоугольной формы.

– Дядя, садись с нами завтракать, у нас есть твой любимый мильфей, – дружелюбно улыбаясь, пригласила его к столу Ева. Рома с любопытством осмотрел содержимое стола, колеблясь постоял, что-то обдумывая, потом глубоко вздохнул и, направляясь к выходу, произнес:

– Ах, девчонки, в любой другой день я бы, конечно, не отказался отвесть ваших угощений, но сегодня не могу, я же говорил, что спешу, – и он начал обувать совершенно не подходящие к костюму полуспортивные туфли со стоптанными каблуками, и, когда уже завязывал второй шнурок, Ева обратила внимание на чехол.

– А что у тебя здесь? – спросила она и потянула к себе знакомый черный чехол на молнии с двумя ручками сверху. В таких чехлах хранились картины, которые приобретались на аукционах, и те, которые достались Натали по наследству и которыми так дорожила их семья. Большая часть картин была развешена в многочисленных комнатах квартиры, а остальные зачехлили от попадания света и пыли.

– Здесь Поленов, – запинаясь, ответил Рома и потянул чехол на себя, но Ева крепко ухватилась за ручки и не выпускала их из рук.

– И куда это ты его несешь? – уже взволнованно спросила девушка, и перед ее глазами сразу возник прекрасный летний пейзаж Поленова с ветхой русской избой. Ева так любила его рассматривать и придумывать разные события, которые могли разворачиваться на этом зеленом лугу, обрамленном раскидистыми березами.

– Натали собирается отдать картину на оценку для аукциона, а у нее провис холст, вот она и попросила меня отнести картину в багетную мастерскую, чтобы ее перетянули на новый подрамник, – ответил мужчина, не глядя на свою племянницу, потом высвободил из ее рук чехол и, слегка покрасневшись, попрощался и быстро вышел, захлопнув за собой дверь.

Ева и Лана сели за накрытый стол, от волнения и суеты у них разыгрался аппетит. Они пили чай с мильфеем, от которого отказался их непрошенный гость, и размышляли по поводу произошедшего, и чем больше они перебирали события, тем сильнее появлялась уверенность в том, что все-таки нужно позвонить Натали. Не успели они осуществить свои намерения, как у Евы зазвонил телефон. Это звонила мама:

– Ева, сейчас должен прийти дядя Рома, ты попроси его дождаться меня, пусть он ничего не предпринимает, я скоро буду дома.

– Мапочка, он уже приходил и забрал Поленова, – ответила Ева, но вместо ответа услышала прерывистые гудки телефона.

После звонка продолжать завтрак девушки уже не могли. Ева решила, что дядя выглядел так, как будто был не до конца честен с ней. Девушки снова отправились в гардеробную, начали открывать чехлы оставшихся картин, чтобы выяснить только ли Поленов исчез из их коллекции. Они уселись на пушистый ковер и начали расставлять расчехленные картины у стены. Через минут пять-шесть перед их взором явился небольшой вернисаж. Настоящей жемчужиной коллекции была картина, написанная темперой на доске, с изображением одного из библейских сюжетов. Домочадцы о ней говорили обычно вполголоса с налетом таинственности, что она, скорей всего, принадлежит к падуанской школе итальянского возрождения, но отдать ее специалистам для уточнения не спешили, так как боялись развенчать эту всеми любимую семейную легенду. Еще здесь были архитектурные пейзажи XIX века в массивных рамах, женский портрет неизвестного художника, три небольшие гравюры и картины, написанные в импрессионистической манере. Но девушкам не удалось вдоволь налюбоваться увиденным, их потревожил еще один телефонный звонок. Звонила бабуля. Она спросила, готовы ли они к ее встрече, потом какие подарки привезти, и когда уже хотела заканчивать разговор, вспомнила, что неплохо бы осведомиться, а все ли у них хорошо, на что Ева ответила:

– Да, все нормально, вот дядя только что приходил, у них тоже все хорошо, он даже в костюме нарядился, представляешь?

– Дядя приходил так рано, да еще и в костюме, и ты говоришь, что у вас все хорошо, а ну дай мне маму, – взволновано зачастила бабушка.

– А мамы нет дома.

– Мамы нет дома в восемь утра, да что это у вас там происходит?

– Бабуля, ты не волнуйся, просто мама хочет отдать нашего Поленова на оценку, а у него провис холст, вот она и попросила дядю отнести картину в багетную мастерскую и перетянуть на новый подрамник.

Бабушка, услышав слова внучки, совсем разгорячилась:

– Что это ты такое говоришь, мама не могла дать Роме такое поручение! Она, да и он тоже прекрасно знают, что провисание такого холста никто не посмеет исправлять перетяжкой на новый подрамник! – почти прокричала бабушка и бросила трубку.

Не успели девочки опомниться, как в дверном проеме гардеробной появилась Натали в полосатом брючном костюме, бесшумно вошедшая в квартиру, она стояла и молчала, как заколдованная смотрела на прекрасные картины, думая о чем-то своем. Ева, заметив мать, резко вскочила с пола и кинулась к ней, с надеждой, наконец, разобраться в событиях такого раннего и вместе с тем таинственного утра.

– Как хорошо, что ты пришла, мы тебя потеряли. Бабушка звонила, она тоже тебя ищет, и еще бабуля сказала, что ты не могла дядю просить перетянуть холст, – Натали не дала Еве закончить, она попросила Ланин телефон:

– Ромик не берет трубку, может, просто не хочет мне отвечать, а я должна его предупредить, – сказала Натали, набирая номер Романа на Ланином телефоне. И тут они услышали сигнал звонка в комнате, в которой находились, переглянувшись, девушки начали искать источник звука и обнаружили его в кармане рубашки поло, висевшей на вешалке.

– В этой рубашке пришел дядя Рома, – доставая телефон из кармана, сказала Лана. – Он, наверное, забыл его, поэтому и не отвечал.

– Какое странное стечение обстоятельств, – задумчиво произнесла Натали и, увлекая девочек за собой, прошла в гостиную.

– Мама, может, ты, наконец, расскажешь нам, что все это значит, почему ты что-то скрываешь, и дядя сказал неправду, – нетерпеливо проговорила Ева, следуя за Натали.

– Да, дорогая, я только сделаю пару глотков кофе и все расскажу.

Натали подошла к кофе-машине, вложила в нее капсулу, затем выбрала красивую маленькую кофейную кружечку и нажала кнопку. Аппарат загудел, немного пофыркал, и через секунду в кружку потекла ароматная струйка темного кофе.

– У дяди случилась беда, вот мне и пришлось ему помочь. Его сын связался с настоящими бандитами, самое страшное, что здесь замешаны наркотики, и поэтому Ромик побоялся идти в полицию. А эти люди требуют большую сумму денег. Я не могла взять деньги из банка, сумма большая, а это наши общие деньги, папа их зарабатывает по полгода не сходя на берег. Когда я сказала Роме, что не смогу дать ему столько денег, он начал умолять, сказал, что Андрюшку могут искалечить, и я предложила продать картину Поленова, она у нас нигде не выставлялась, была дорогой, но он должен был сам найти покупателя. И на сегодняшнее утро была назначена сделка. Но этой ночью, листая каталог немецкой живописи, я вдруг обнаружила точно такую картину, как у нас, только на месте русской избы там была изображена мельница. Я испугалась и позвонила Петру Ивановичу, чтобы он срочно сделал радиоизотопный анализ. Сегодня утром, срезав на уголке слой краски, я отвезла его на анализ, и там были обнаружены радиоизотопные элементы, это, скорее всего, означает, что наша работа сделана после начала ядерной эры, а Поленов умер в 1927 году.

– Постой, ничего не понимаю, ты думаешь это подделка? – перебила маму Ева.

– Я думаю, что это хорошая работа немецкого художника была дописана, мельницу закрасили, а на ее месте написали русскую избу и выдали за утерянную картину Поленова.

– И что теперь будет? – взволновано спросила Лана.

– Я боюсь, что проблемы теперь будут не только у твоего двоюродного брата, но и у твоего дяди. Он пытается продать подделку! А телефон его в нашей гардеробной.

– Мама, нужно туда ехать и остановить сделку, где проходит передача картины?

– Ева, если бы я знала, то давно уже была бы там.

Не успела Натали закончить фразу, как в дверь снова позвонили. Лана стремглав кинулась открывать и, не смотря в глазок, распахнула дверь. На пороге, как и час назад, стоял Роман. Он выглядел растерянным и опустошенным, а в глазах поблескивали застывшие слезы. Обняв сестру, он опустился в кресло со словами:

– Натали, дорогая, прости меня, они выхватили картину из рук, когда я доставал ее из машины, представляешь, наверное, эти покупатели не собирались платить деньги, просто хотели, чтобы я ее привез в безлюдное место. Я знаю, как тебе дороги эти картины, прости, – произнеся эту сумбурную речь, Рома отвернулся и спрятал лицо в полах пиджака.

– Братец, это неплохая новость, ты сейчас это поймешь. Да и с Андрюшкой все будет хорошо, его мой муж собирается к себе забрать, там отсидится, да и в море точно перевоспитается.

Рома с волнением выслушал рассказ Натали про поддельную картину, потом с большим удовольствием план перевоспитания его старшего сына и уже был готов идти домой, как Ева задала ему последний вопрос:

– Дядя, скажи, пожалуйста, а зачем ты придумал про провисание холста?

– Ну что ж, моя драгоценная племянница, тебе нужно больше заниматься искусствоведением. И тогда тебя никто не сможет обвести вокруг пальца. В оценке картины важен не только холст, но и подрамник, и капельки клея, и каждый гвоздик, потому что, если гвозди старые и нет следов перетяжки полотна, значит, гораздо больше шансов, что это оригинал.

12. Бойтесь своих желаний

На Петербург опустилась теплая летняя ночь, так как это город не обычный, а город белых ночей, то проведенное здесь время с конца мая до середины июля поистине восхитительно. Это пора фестивалей, концертов, парадов и народных гуляний, в это время город отмечает свой день рождения и праздник «Алые паруса».

Игорь и Юра распрощались у метро как-то сухо, и впервые за годы их дружбы каждый был рад остаться один. Юра чувствовал, что между ними зарождается что-то похожее на соперничество, это была еще не стена, а лишь совсем невесомая тонкая преграда, почти прозрачная, как калька, и через нее он все еще видел своего близкого друга, но силуэт начинал расплываться, и Юра боялся, что пройдет еще немного времени, и за этим барьером он обнаружит своего врага.

Игорь тоже почувствовал, что их отношения изменились, раньше они говорили обо всем, а теперь у них появилась запретная тема – Ева, и эта тема была единственной, которая их сейчас волновала, поэтому всю дорогу до метро они молчали. Оставшись один, Игорь вздохнул с облегчением, он огляделся вокруг и понял, что сегодня его другом будет этот Город, который, казалось, отразил в себе всю бурю противоречивых эмоций, бушевавших в его юной душе: счастье, страх, восторг и ожидание.

На улице было светло, хотя была ночь и солнца не было видно, то там, то тут в небе, пытаясь подражать небесным светилам, появлялись вспышки фейерверков, на набережных яркими огоньками отражались в темной воде уличные фонари, придавая еще большую нарядность и без того парадно разодетому в пышную зелень и стройную архитектуру городу. Улицы были заполнены улыбающимися прохожими, погруженными в романтическое настроение северной столицы, и хоть часы показывали половину первого ночи, спать совсем не хотелось.

Юноша медленно шел среди этого великолепия и с грустью думал, что через несколько дней ему придется покинуть этот с детства любимый город, и еще сложнее было принять, что ему предстоит расстаться с так быстро очаровавшей его девушкой. Ева запала ему в душу и завладела его пылким сердцем. Игорь удивлялся, как Еве удавалось сочетать в себе столько разных качеств одновременно, она была нежна, грациозна, со всеми приветлива и при этом неприступна, всегда уверенно заявляла свою точку зрения, но никогда не впадала в конфронтацию, и при всей ее хрупкости, легкости и веселости в ней чувствовался нестигаемый характер, который его восхищал. Когда Юра попросил поговорить с ней наедине, Игорь чуть не задохнулся от нахлынувшей ревности. А потом друг не поделился с ним подробностями их с Евой разговора, и Игорь начал ревновать еще больше. «Ах, если бы я мог еще хоть месяц побыть здесь и разобраться во всем», – думал он, садясь в подъехавшее такси. Но остаться не мог, отец уже несколько раз звонил и просил поскорее вернуться домой и помочь с семейным бизнесом. Юноша знал, что особой помощи от него отец не ожидает, а просто постепенно хочет ввести в курс дел, так как рассчитывает, что сын, закончив престижный вуз в Англии, со временем возглавит их компанию. Но сам юноша не особенно к этому стремился, он любил готовить разные сложные блюда и еще с детства, помогая маме на кухне, мечтал стать знаменитым ресторатором и получить, как минимум, пару Мишленовских звезд.

Когда Игорь добрался до квартиры своей двоюродной сестры, то очень пожалел, что она осталась ночевать у Евы, потому что пришлось долго возиться с входной дверью, край которой был испещрен замочными скважинами, и так как ключ входил во многие отверстия и даже несколько раз проворачивался, Игорю пришлось перепробовать несколько разных вариантов, прежде чем он попал в квартиру. В коридоре было темно и тихо, пахло сыростью и старыми вещами, пока Игорь пытался нащупать кнопку выключателя, у его ног появился Бадди, он явно был рад вошедшему, терся о ногу и тыкал мокрым носом в ладонку.

– Привет, пес, ты, как всегда, на посту? – шепотом поприветствовал его юноша, на что тот, виляя хвостом, скрылся в конце длинного коридора. Игорь разулся, почувствовал прохладу свежeweымытого пола и, не надевая тапочек, прошел в комнату. Мама Ланы гостила у подруги и перед его глазами предстала комната в том же виде, в каком они с Ланой оставили ее пять часов назад. Дверцы платяного шкафа и тумбочки были распахнуты, на диване лежали несколько неглаженных платьев, на кровати еще какие-то вещи. Обеденный стол был заставлен немытой посудой, а на письменном столе возле компьютера стояла тарелка с недоеденным бутербродом с засохшей докторской колбасой. Игорь подумал, что завтра нужно встать пораньше и к приходу его тети хоть немного прибраться, и он, не раздеваясь, лег на диван, но уснуть ему не удалось. Ворочаясь с бока на бок, Игорь все думал, что сделать такое, чтобы Ева была в восторге и после его отъезда каждый день вспоминала о нем. Спустя час в его голове созрел, как ему казалось, грандиозный план: написать под Евиными окнами огромными буквами на тротуаре «Ева, я люблю тебя. Игорь». Потом, немного подумав, он решил не писать имя своей возлюбленной, так как оно редкое и все сразу догадаются, кто был причиной этого бесчинства. Было решено оставить только «Люблю тебя. Игорь».

– Но нет, так Ева не поймет, что это послание для нее, – еле слышно произнес юноша, прохаживаясь по комнате, но потом улыбнулся сам себе и добавил уже в полный голос, – в любом случае это нужно написать до рассвета.

Идея оказалась вполне осуществимой, так как на этой неделе домочадцами была куплена белая краска, чтобы продолжить ремонт в общем коридоре, ей собирались обновить все двери и поэтому на кухне у свободной стены стояли три большие банки с краской. Игорь был вдохновлен предстоящим приключением, он только жалел, что нельзя позвать Юру, ему очень хотелось, чтобы друг был поражен его находчивостью и смекалкой не меньше, чем Ева. Надев черную футболку и позаимствовав у тети Веры перчатки, в которых она ухаживала за комнатными растениями, Игорь подошел к банкам с краской, но вот незадача – кистей рядом не оказалось. Он начал обследовать все возможные места на кухне и в коридоре в поисках этого важного орудия труда, но тщетно. Потом он проверил тумбочки и ящички в комнате Ланы, кистей нигде не было. И когда, уже почти совсем потеряв надежду осуществить задуманное, Игорь присел на диван, то вспомнил, что в субботу мастер, стоя на стремянке, ремонтировал деревянную раму окна в ванной, а затем закрасил половину стекла белой краской и забыл свою кисть на шкафчике с голубой стеклянной дверцей, который висел почти под самым потолком над раковиной. Игорь с надеждой, что кисть осталась лежать на том же месте, помчался в ванную.

Ванная комната была просторной, покрашенное окно, которое натолкнуло Игоря на мысль о кисти, находилось напротив входной двери. Справа у стены стояла глубокая чугунная ванна с растрескавшейся эмалью, дальше располагалась кое-как приделанная к стене старая керамическая раковина и вот над ней, высоко под потолком, висел маленький ящичек с голубой дверцей, на верху которого виднелась та самая вещь, без которой влюбленный не мог осуществить свой план. Игорь сразу понял, что просто дотянуться до нее не получится, так как в этом доме высота потолков достигала четырех метров, нужно было что-то подставить, а стремянку, по-видимому, мастер забрал с собой. Игорь огляделся и заметил старый желтый табурет с облупившейся краской, высокие массивные ножки которого покрылись трещинами и сколами, а в центре сиденья было вырезано отверстие для удобства его перемещения. Юноша, не долго думая, подтащил табурет к раковине и забрался наверх, но высоты табурета все равно не хватило, и он, поднявшись на носки, потянулся, опираясь на ящик, крепления которого не выдержали и начали отрываться, Игорь от неожиданности сделал шаг назад, став на край табурета, тот наклонился и все: шкафчик, Игорь и табурет с пронзительным грохотом повалились на пол, по пути сбивая раковину, которая сначала повисла на одном штыре, но потом

что-то заскрежетало, и она с грохотом, быстро, как удар молота, упала прямо на ноги парня, пригвоздив его к полу.

Несколько минут пострадавший лежал на кафельном полу, оглушенный ударом. Когда, придя в себя, он открыл глаза, то увидел части разломанного табурета, валявшиеся на полу, осколки стеклянной дверцы голубого шкафчика и огромную раковину у себя на ногах, а рядом у самого лица лежала большая высохшая кисть – предмет его желаний. С большим трудом свалив с себя раковину, он попытался встать, но не смог, острая боль не давала даже пошевелить ногами. Игорь поставил руки на пол и начал пытаться как-то подтащить себя к выходу и тут же сильно разрезал ладонь острым осколком стекла. Боль обиды за нелепое падение и физическая боль в ногах затуманивали разум, совершенно растерянный и обессиленный юноша лежал на полу, сжимая правую руку в кулак, пытаясь остановить кровь. Неожиданно он почувствовал, что на него кто-то смотрит, повернув голову к выходу, заметил Бадди, который стоял в проеме приоткрытой двери, мигая своими черными глазами. Через несколько секунд пес скрылся за дверью и появился снова спустя пару минут уже в сопровождении соседки, той самой грозы закрытых окон, которую Лана и Ева называли Грымзой, но Игорь сейчас был рад появлению даже самого неприятного человека на земле.

– Что случилось? – заходя спросила Грымза и начала быстро убирать стекла и остатки табурета с тела Игоря.

– Я хотел кисть достать и вот свалился, – извиняясь, пробормотал пострадавший и попросил чем-нибудь замотать порезанную ладонь.

– А что с ногами, встать можешь?

– Нет, несколько раз пробовал, сильно больно, не могу.

– Думаю, нужна скорая, у тебя есть телефон?

– Да, конечно, в комнате возле дивана где-то, вы можете принести?

Игорь немного оживился, так как появилась надежда на спасение, рука была перевязана посудным полотенцем сомнительной чистоты, стекла убраны и скоро должны были приехать врачи, которые окажут нужную помощь. Через время вошла соседка и сказала, что скорую помощь вызвала, но они приедут через минут сорок, так как много неотложных вызовов, и придется подождать.

– Тебя нужно перенести на диван в комнату, нельзя здесь на холодном кафеле лежать столько времени, но я тебя поднять не смогу, – сказала пожилая женщина, прижав руки к груди, и задумалась. – А знаешь, я читала в книге про санитарок, что они во время войны выносили раненых с поля боя на своих плащ-палатках, такого плаща у меня, конечно, нет, но оттащить тебя на покрывале я смогу.

– Подождите... Не знаю, как к вам обращаться, а можно мне воды? – приподнявшись на локти, попросил Игорь.

– Называй меня Алексеевной, меня так все зовут.

Алексеевна была высокой женщиной, но очень худой, и поэтому ей стоило большого труда перетащить на покрывале Игоря в комнату, а там он уже кое-как, уцепившись руками за подлокотник и с помощью Алексеевны, вскарабкался на диван. Время шло, врачи не ехали, боль становилась все сильнее и сильнее, Игорь стонал и сжимал в руках край покрывала, которое двумя длинными языками свисало с дивана на ковер.

– Знаешь, сынок, я тебе дам болеутоляющую таблетку, у меня есть шипучая, она быстро поможет, – сказала женщина и вопросительно посмотрела на больного.

– Я готов выпить что угодно, только бы перестало болеть, – ответил Игорь и, сильно стиснув зубы, замер в ожидании помощи.

Алексеевна принесла таблетку и стакан с водой, поставила стул поближе к дивану, села и опустила лекарство в воду. Таблетка начала шипеть и вращаться на поверхности воды, выпуская мелкие белые пузырьки в разные стороны, а две пары глаз с пристальным вниманием сле-

дили за ее движением. И когда она совсем растворилась, юноша большими глотками, запрокинув назад голову, выпил лекарство и, собрав последние силы, беспокойно уставился на Алексеевну.

– Милый, так дело не пойдет, тебе нужно отвлечься, тогда ты не заметишь, как боль начнет утихать, – начала женщина, – я тебе расскажу про своего сына. Он у меня уже взрослый, зовут его, как тебя, тоже Игорь. Живет он в Москве, с детками, должность занимает высокую, архитектор, красивые дома проектирует, достаток во всем. Сам красивый, а жена, может, не красавица, но зато заботливая, смотрит за ним хорошо и за детишками, все сытые и ухоженные.

Игорь внимательно смотрел на сидящую напротив него пожилую женщину, такую худенькую, с седыми волосами, убранными в хвост, в выцветшем халате, надетом на длинную ночную рубашку с заштопанным краем, и вспоминал, как она много дней подряд греет себе один и тот же постный суп на общей кухне, как, возвращаясь из продуктового магазина, приносит полупустой пакет. И с большим разочарованием думал о ее сыне, который, живя в полном достатке, забыл про свою родную мать.

Ева, проводив Лану домой, собралась почитать что-нибудь, чтобы отвлечься от перипетий с картинами и родственниками, думая о странных поступках своего дяди, прошла в кабинет отца, в котором располагалась небольшая библиотека. Она прошла вдоль полок с книгами, и ее взгляд упал на томик Шекспира, девушка вспомнила детскую забаву – открывать книгу на произвольной странице, чтобы строки стиха предсказали будущее или ответили на вопрос, она на секунду весело зажмурилась и, распахнув синхронно книгу и глаза, прочла вслух:

– Увы, любовь моя, подобно лихорадке,
Стремится лишь к тому, что губительно в припадке.

Озадаченная этим предзнаменованием, не успела она расположиться в мягком кожаном кресле, как ей пришло смс от Игоря. «Ева, я в больнице, в травматологии, если хочешь, можешь меня навестить».

Спустя два часа Ева быстро шла по больничному коридору, сначала она пошла в одну сторону, но, не найдя нужную палату, быстро побежала обратно. Она нервничала, суетилась, в итоге споткнулась об одну из старых кафельных плиток на полу, бумажный пакет с фруктами в ее руках дрогнул и из него выпала корзиночка с голубикой, и по всему широкому белому коридору разлетелись десятки крупных черных ягод. Чувствуя себя преступником на месте преступления, Ева в растерянности замерла на секунду и начала судорожно дрожащими руками собирать ягоды, мысленно ругая себя, что не взяла пакет с ручками, надеясь, что никто не появится в коридоре и не увидит ее неловкость.

Наконец, она справилась с волнением и нашла нужную палату, рядом с которой стояла небольшая кушетка, и Ева опустилась на нее, чтобы перевести дух и, натянув на лицо ободряющую улыбку, вошла в палату, но по ее большим испуганным глазам Игорь сразу понял, что его вид Еву сильно встревожил. Он показался ей очень бледным и осунувшимся, озорные огоньки в его глазах погасли и под ними залегли серые тени. Ева не могла себе представить, что кто-то может так измениться за одну ночь. Неизменным было лишь то, с какой пронзительной нежностью Игорь смотрел на нее.

– Спасибо, что пришла, я так тебя ждал, все время думал о тебе, – произнес юноша, и тут голос его дрогнул, он повернул лицо к стене, чтобы Ева не заметила появившиеся в глазах предательские слезинки.

Игорь за последние восемь часов перетерпел невыносимую боль до приезда скорой помощи, потом с ним долго возились врачи, чтобы собрать правильно кости, зашивали рану на ладони, и все это время он был совершенно один, без родных и близких – это было для него

впервые. Он был избалован не только судьбой, никогда прежде не приносящей ему столь сильных страданий, но и близкими, всегда оберегавшими его от любых невзгод и лишений. При незнакомцах он силился выглядеть мужественно, но, когда увидел Еву, расслабился и не смог совладать с эмоциями, и ей даже показалось, что сейчас Игорь искал в ней какую-то материнскую заботу. А она, увидев его страдание, тоже почувствовала комочек, подступивший к горлу, и, подойдя к кровати, на которой он лежал, провела нежно рукой по его мягким золотистым волосам. Еве захотелось обнять Игоря, будто заграждая собой от всех бед, но, смутившись, она только нежно взяла его за руку и, заглушив в себе волнение, попыталась пошутить:

– Если бы я знала, что такое случится, никогда бы тебя не отпустила домой, остался бы на нашу пижамную вечеринку, у меня и пижама запасная осталась, розовая с кружевными оборочками, – улыбаясь, произнесла Ева и огляделась вокруг.

Игорь лежал один в просторной светлой палате, в окружении хорошей мебели и множества медицинских приборов. На огромном окне вместо штор висели наглухо закрытые вертикальные жалюзи, которые очень хотелось раздвинуть, чтобы впустить в комнату воздух и солнечный свет. Девушка, незамедлительно сделав это, почувствовала облегчение, ей показалось, что даже Игорю стало легче дышать.

– У тебя здесь очень мило, – присаживаясь на край кровати, произнесла Ева, внимательно рассматривая белые гипсовые сооружения на ногах друга.

– Утром выглядело все удручающе, потом папа отправил деньги, и меня перевели в эту палату, надеюсь, я не проведу здесь все оставшиеся каникулы, – по-прежнему грустным голосом произнес юноша.

– Лана сказала, что тебя Грымза спасла, – все еще не теряя надежду утешить своего друга, продолжала шутить Ева.

– Не называй ее так, врач сказал, что, если бы не она, я мог бы умереть от болевого шока, у меня сложные переломы. Знаешь, у Алексеевны, так ее зовут, есть сын, он живет в Москве, но как-то забыл про нее. Я, когда смогу ходить, поеду туда и найду его, в знак благодарности за все, что она для меня сделала, – горячо проговорил Игорь, и его голубые глаза сделались неестественно синими. Ева понимала, что прошедшая ночь оставила глубокий след в душе ее друга, но ей так хотелось вернуть его в привычное состояние веселости и беззаботности, что она, решила изменить тему разговора.

– Смотри, что у меня есть, – сказала девушка и достала из своей модной сумочки ручку. – Если у тебя есть гипс, значит, его нужно расписать, – и начала рисовать веселые рожицы на его гипсовых повязках. У Игоря немного поднялось настроение, и он сказал:

– Раз уж по воле несчастливого случая мы остались наедине, я хочу использовать это время, чтобы узнать тебя получше. Давай я буду задавать вопросы о твоих предпочтениях, а ты выберешь ответ и запишешь его на гипсе, так я точно не забуду, что ты любишь.

– Безумная идея, впрочем, как и всегда, – улыбалась Ева, радуясь, что Игорь хоть немного оживился.

– Так, что бы такое спросить, – потирая подбородок и откидываясь на подушки, размышлял Игорь, но потом смеющимися глазами посмотрел на девушку и добавил, – только честно отвечай.

– Естественно, – закивала Ева, принимая правила.

– Ну давай начнем с простого, – будто забыв о своем переломе и подскакивая на кровати, он спросил:

– Утро или ночь?

– Утро, бесспорно, ночи и темноту я вообще не люблю, поэтому, наверное, и живу в Питере, ведь это, пожалуй, единственный город на Земле, где ты можешь найти и белые ночи, и Рембрандта.

И она вывела красивым почерком на гипсе слово «утро».

– Хорошо, – улыбался Игорь, довольный, что она приняла его игру, – следующий вопрос: холод или жара?

– Ну тут однозначно – холод!

– Холод? – переспросил удивленный Игорь.

– Ну естественно, – ответила Ева. – Я и сама горячая штучка, так что на жаре не далеко и до ядерного взрыва.

И она записала «холод».

– Ну вот, чем дальше, тем удивительней, – покачал головой Игорь, – ну поехали, Диккенс или Достоевский?

– Да ты что такое спрашиваешь? Это практически богохульство, – Ева хохотала, откидывая назад пряди пышных волос, которые мешали ей писать. Ну ладно, пусть будет Сомерсет Моэм, потому что между Диккенсом и Достоевским я выбирать не могу.

И она записала «Моэм».

– Ну ты хитрюга, в этом же и смысл игры, ну ладно, прошу тебя, но только один раз! – И Игорь шутливо погрозил ей пальцем.

– Теперь не отвертись, придется выбирать! – И он продекламировал:

– Коротко и счастливо или долго и нудно?

– Боже, Игорь, где ты берешь эти вопросы? – картинно прикладывая ладонь ко лбу, заохала Ева.

– Ну вот тебе получай!

И она вывела аккуратно на его гипсе «долго и нудно!» и поставила восклицательный знак!

– Не хочу я умирать молодой, пусть даже и счастливой, и ты, я думаю, после сегодняшнего падения со мной согласишься.

Игорь в ответ лишь тяжело вздохнул, но совсем по другой причине, он прокручивал в голове самый главный вопрос, ради которого вообще затеял всю эту игру, но все не решался его задать. И вот, когда места на гипсе уже совсем не осталось, разве что на самой ступне, он замолчал на секунду, перестал смеяться и поднял на Еву такие серьезные, полные надежды глаза, что она даже испугалась, и спросил: «Я или Юра?»

Такого поворота Ева никак не могла ожидать, она застыла как вкопанная с ручкой в руках, ошарашенная такой прямоотой. Помедлив немного, облизнула пересохшие губы и, не выражая никаких эмоций, что-то спокойно написала на его ступне.

Когда она подняла на него глаза, он смотрел в сторону, как будто боялся, что на ее лице увидит ответ на мучавший его вопрос, снова стало заметно, как тяжело ему дается его нынешнее состояние. Он устало откинулся на высоко поставленные подушки и, все также глядя в сторону, тихо произнес:

– Ева, знаешь, как я не хотел ехать домой, я мечтал остаться в Питере с тобой, и вот теперь я здесь, но какой ценой.

Девушка сочувствующе вздохнула, и, понизив голос, ответила:

– Это прямо как у Булгакова: «Будьте осторожны со своими желаниями – они имеют свойство сбываться», так все и вышло.

Потом она опустила на стул у его кровати, сжала красивые длинные пальцы Игоря между двумя своими маленькими ладошками и нежно сказала:

– Я посижу здесь с тобой, а ты поспи. Ночь у тебя выдалась трудная.

Игорь сначала запротестовал, но она была права, не прошло и минуты, как он уже спал крепким сном, одоленный болью, усталостью и лекарствами. Ева сидела и смотрела в окно, не зная, что ей делать, гадала, сколько проспит больной, и пыталась придумать, как ему помочь. Через какое-то время в палату вошла Вера Федоровна вместе с Ланой, Игорь даже не пошевелился.

– Как он тут? – встревоженно спросила Ланина мама.

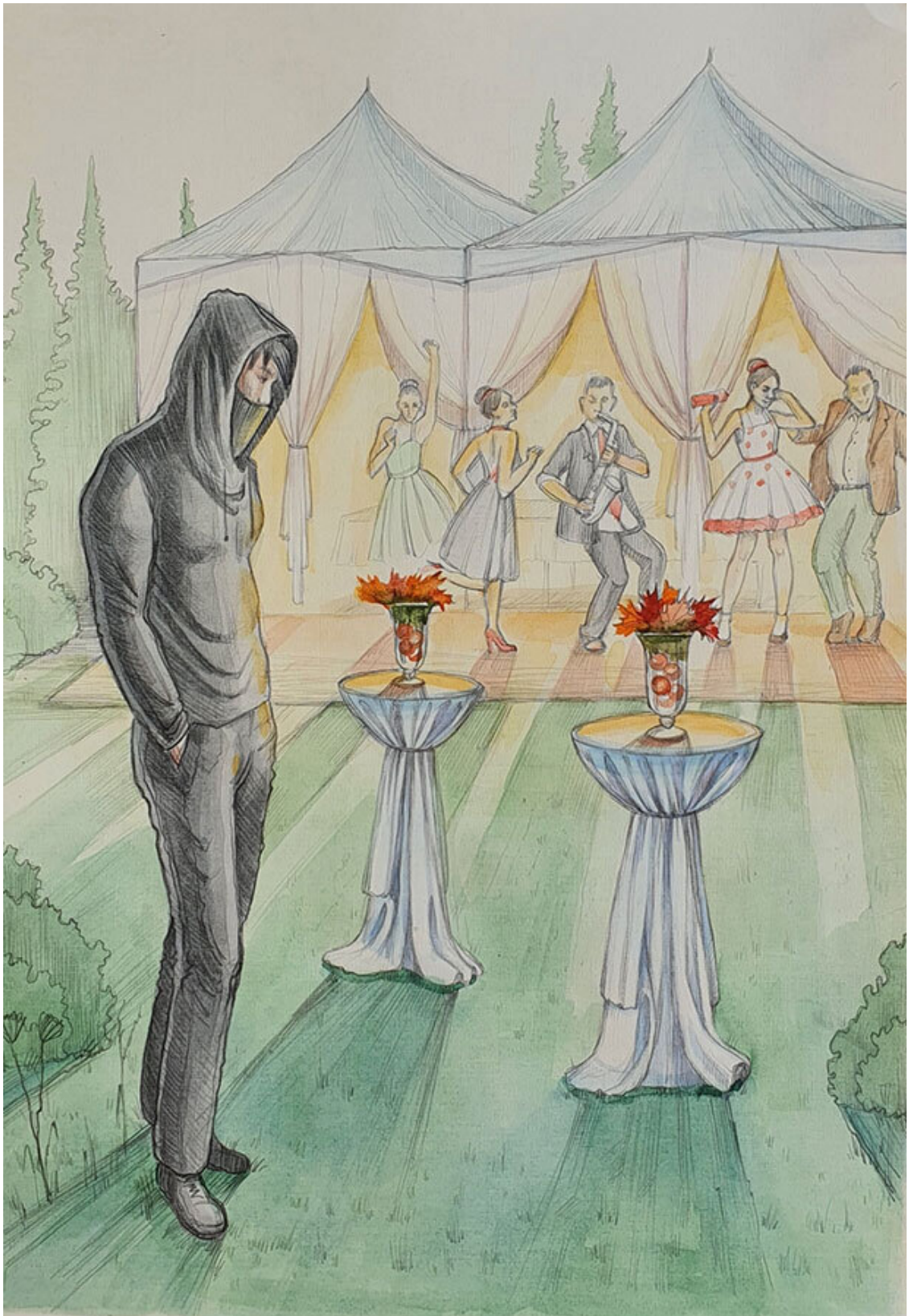
– Вот уснул, думаю, ему дали лекарство, и он ничего не чувствует.

– А что он рассказывал, как все произошло? – не унималась тучная женщина, доставая из своей сумки апельсины.

– Говорит, что его спасла Алексеевна, и что когда он выздоровеет, то поедет в Москву искать ее сына, – вставая с единственного стула, ответила Ева, уступая место у постели больного его тете.

– Да нет у нее никакого сына, погиб, когда ему было десять лет, она была на работе, а он варил себе пельмени и забыл про них, вода выбежала, потушила огонь, а газ продолжал выходить, он им и отравился. С тех пор Алексеевна не в себе, все ходит и окна открывает, чтобы никто не угорел от газа. Когда это случилась, она в больницу попала, врачи старались вернуть ей рассудок, но бедная женщина так и не смогла принять реальность, для нее сын жив, только живет где-то далеко.

Воцарилась тишина, история чужого горя, будто эхо, разнеслась по палате и, ударившись о стены, рассыпалась на сотни маленьких осколков чьей-то сломанной жизни, по пути зацепив сердце каждого, кто был в этой комнате.

13. Пари

Лето пролетело быстро, как взмах птичьего крыла, оставляя лишь солоноватое морское послевкусие, обжигающие поцелуи солнца на коже и привкус мороженого на губах. Ева была из тех, кто меряет жизнь учебными годами, поэтому лето было для нее, скорее, финалом, и она с нетерпением и трепетом ждала начала нового школьного этапа, от которого всегда ожидала чего-то большего, чем ей дал прошлый год. Почти все лето она с семьей провела на озере Комо, периодически выбираясь в Милан за покупками. Натали не выносила суеты, поэтому, представляя себе толпы уставших, нервных мамочек в отделах канцелярских товаров и школьной формы, вздрагивала и покупала все заранее. Так же она поступала и перед днями рождениями и Новым годом, поэтому ее никогда нельзя было застать врасплох, поймать с горой пакетов или растрепанными волосами, у нее всегда наперед было заготовлено нужное платье, шампанское и речь.

Поэтому Ева пришла в торгово-развлекательный центр не за покупками, а для того, чтобы встретиться со своими школьными подругами. Анна и Лизи уже набрали кучу нужных и не очень вещей и ожидали Еву за небольшим столиком в миленьком кафе на втором этаже комплекса.

– О, мои дорогие, как я рада вас видеть! – воскликнула Ева, обнимая и целуя поднявшихся ей навстречу заметно повзрослевших за лето подруг. Девушки искренне были рады встрече и, усевшись на диванчик, начали делиться последними новостями, потом вскользь, не раскрывая всех тайн, обсудили покупки и перешли к главной теме сегодняшней встречи – вечеринке по поводу начала учебного года, которую каждый сентябрь устраивала у себя Ева.

– Девчонки, мы достроили загородный дом, и в этом году вечеринка будет в Комарово. Я уже заказала кейтеринг, накроем столы прямо на лужайке под шатрами, и для танцевальной площадки место превосходное есть, – радостно объявила Ева. – Правда, родители разрешили пригласить только тридцать пять человек, говорят, что большее количество будет неуправляемым.

– Ну и ничего, раньше мы собирались в гораздо меньшем составе, а тут столько народу, думаю, будет круто! – обрадовалась Лизи. – А какая тематика вечеринки, ты уже придумала?

– Да, у меня есть идея, хочется что-то такое джазовое, например в стиле «Стиляг», пригласим джаз-бэнд, ну и, как всегда, строгий дресс-код: парни наденут брюки-дудочки, элегантные пиджаки с широкими плечами, узкие галстуки – «селечки», завязывающиеся на микроскопический узел, и волосы уложат блестящим гелем. А девушки будут в ярких платьях, с расклешенными пышными юбках, маленьких перчатках, с изумительными укладками и в туфельках на каблукках, – воображала Ева.

– Ура, будем танцевать буги-вуги, рок-н-ролл, – возбужденно воскликнула Анна и начала пританцовывать, сидя за столом.

– Я взяла с собой пригласительные, сейчас обсудим, кого позовем на наш праздник, и подпишем, чтобы уже завтра раздать, у ребят будет целых пять дней на подготовку, – сказала Ева, доставая из сумки пачку двойных глянцевых открыток. На их титульной стороне лазерной резкой был вырезан кленовый лист с цифрами, который держался в пределах открытки только на своем черенке.

– А зачем на этих кленовых листиках цифры, и почему они все разные? – внимательно разглядывая пригласительный, спросила Анна и пошевелила листок, на котором была написана цифра десять.

Ева взяла открытку и оторвала от нее кленовый листок с цифрой, приложив его к своей груди, сказала:

– Вечеринка будет у нас ретро, и мы устроим еще и ретропочту. Каждый оторвет от своего пригласительного листок и приклеит его к груди, тем самым присвоив себе какой-то номер, а почтальон, еще не знаю, кто им будет, должен разносить письма, которые мы будем друг другу писать.

– Но мы же можем написать друг другу смс, – удивилась Лизи.

– Когда ты получаешь смс, ты знаешь, кто их тебе прислал, а здесь полная анонимность, да еще тебя стимулируют написать кому-нибудь, появляется интрига, азарт. Наши мамы и бабушки так развлекались, думаю, нам тоже стоит попробовать, – увлеченно рассказывала Ева, отпивая из чашечки кофе маленькими глотками.

– Мне идея нравится, а что еще будет? – не унималась Анна.

– Вкусная еда, коктейли, огромный торт, музыка, танцы, кое-какие артисты и, как всегда, грандиозный фейерверк, – поднимая руки над головой, радостно перечисляла Ева.

На столик, за которым сидели девочки, уже начали поглядывать окружающие, и они, похихикав, стали говорить потише, но полностью возбуждение погасить не удалось.

– Теперь давайте подберем достойные кандидатуры, – манерно произнесла Лизи, – Аня, пиши, прежде всего трое нас, потом Антон, Алексей, – и девочки начали перечислять всех друзей из своего и параллельного класса.

– А Марка с Мышкиным традиционно нет? – не поднимая головы от записей, спросила Анна.

– Еще не хватало, мы и раньше-то их никогда не звали, а после того, как на последнем звонке Марк назвал меня мажоркой, я точно не хочу его видеть, ну а Мышкин без него не пойдет, так что пусть сидят дома, – брезгливо ответила Ева, и в ее памяти возник тот неприятный момент, когда она столкнулась с Марком на лестнице, и он вместо извинений сверкнул глазами и назвал ее словом, которое она не выносила.

Вдруг Лизи воодушевилась и, пристально посмотрев на Еву, произнесла:

– А давай пригласим твоего друга, Адониса, которого мы встретили у тебя дома летом, он мне так понравился.

– Игоря что ли? Так он в Новгороде живет, не думаю, что сможет приехать, – ответила Ева грустным голосом, вспомнив их маленькое летнее приключение, когда они с Ланой, Юрой и Игорем беззаботно гуляли по городу, а потом эта больница, она опустила глаза и начала медленно мешать сахар в своей чашке кофе.

– Все, девчонки, список уже почти готов, вот вам пригласительные, подпишите и будем завтра в школе раздавать, а мне пора бежать, – скомандовала Ева и уже начала вставать из-за стола, но Лизи ее остановила.

– Подождите, подождите, если Адониса не будет, давайте хоть пригласим новенького из «Б» класса, а то с кем же я буду зажигать, – возмутилась Лизи.

– Что ты, Лизи, этот Замковский не в твоём вкусе, ты любишь стройных и темненьких, а у него плечи в сажень и к тому же волосы русые, таких Ева любит, – вмешалась Анна, складывая все пригласительные в свою папку. – Я их вечером подпишу, мне тоже нужно домой, мама просила с детьми посидеть.

– Замковский? – задумчиво произнесла Ева, – значит, у новенького фамилия Замковский, где-то я ее уже слышала, – пытаясь вспомнить, сказала девушка, но так и не смогла восстановить в своей памяти момент, при котором звучала эта фамилия, она оставила эту затею и, мило улыбнувшись, добавила, – раз он произвел на вас приятное впечатление, разрешаю его пригласить.

Утром в понедельник в старших классах школы царил переполох, все хотели попасть на самую модную вечеринку года и заполучить пригласительный билет было вопросом престижа. Те, кто уже был счастливым обладателем пригласительного, бурно обсуждали тематику и дресс-

код, а те, кто не удостоился такой чести, либо демонстративно высказывали недовольство или придумывали, как туда попасть. Такой тайный план проникновения на Евину дачу в Комарово составлял и Марк вместе со своим верным другом Мышкиным.

– Ты точно хочешь попасть на этот праздник жизни? – удивленно поднимая брови, произнес Мышкин, подозрительно глядя на Марка.

– Я больше тебе скажу, я не только хочу туда попасть, я хочу отомстить этой зазнавшейся особе, за все годы, когда я был унижен ее неприглашением на этот сомнительный праздник «Начало года», и так как это последний случай, когда можно за все расквитаться, в следующем сентябре мы уже не будем находиться в этой ненавистной школе, то я намерен решительно и бесповоротно! – Марк стал лицом к другу и торжественно добавил, положив руку на плечо низенького товарища: «Мышкин, месть или мы совсем ни на что не способны!»

Тем временем, когда Марк со своим другом готовили план мести, Ева продумывала каждую деталь своего наряда для последнего осеннего бала. Они провели в школе всего несколько дней последнего учебного года, но уже казалось, что все вокруг испытывали стресс. Предстоящие выпускные экзамены, выбор вуза, весь воздух вокруг ее друзей словно стал упругим или наэлектризованным, как будто они стояли, как Илья Муромец, перед путеводным камнем, но Ева их волнений не разделяла. Она была уверена, что просто выберет самый дорогой вуз или самый модный факультет, и это будет залогом ее успеха. Так размышляя, она примеряла платье, которое привезла из Милана в надежде очаровать своих друзей на предстоящем празднике. Платье было облегающим и вызывающе коротким, серебряного цвета, все усыпано пайетками и бисером, обольстительное, торжественное, оно манило своим сиянием, а стройные загорелые ноги выглядели бесконечно длинными в лазурно-синих замшевых туфельках на каблуке и идеально сочетались с бархатной лентой-чокером того же цвета на грациозной шее девушки. Но Ева понимала, что не сможет в этом предстать перед своими друзьями, так как сама придумала тему вечеринки и установила строгий дресс-код. Поэтому, сняв с вешалки персиковую юбку-пачку из фатина, начала думать, с чем можно ее скомбинировать, чтобы выглядеть как стильная девушка пятидесятих годов прошлого века.

Наконец, наступила долгожданная суббота, Ева обходила оформленные для праздника места. Аллея, которая шла от входа, была украшена большими вазонами с белыми гортезиями, с правой стороны установили огромный бежевый шатер, под которым уютно устроились шесть круглых столиков, накрытых белыми скатертями, изысканно сервированными лучшей кейтеринговой компанией города. В центре столов на высоких подсвечниках возвышались букеты из осенних цветов и листьев в прекрасной оранжево-красной гамме, на тарелках сидели золотые птички, которые в клювах держали таблички для рассадки гостей, еще на столах стояли прозрачные сосуды на маленьких позолоченных ножках, в которых находился великолепный осенний декор: красные гранаты, яркий физалис и бусины шиповника, перемежающиеся с раскрывшимися шишками и оранжевыми атласными лентами. Между столами на тонких белых стойках, как будто выросшие из земли, расположились корзины с аппетитными фруктами. Весь танцпол был засыпан кленовыми листьями, выкрашенными золотой краской, а по его периметру было развешено огромное количество электрических гирлянд с теплым желтым светом. Между шатром и танцплощадкой устанавливали аппаратуру и настраивали свои инструменты музыканты джазового коллектива, среди столиков были видны снующие официанты в белых рубашках, черных жилетах и бабочках в цвет осени, несколько человек выгружали привезенные фейерверки, на веранде репетировали приглашенные артисты, а у входа занял свое место саксофонист, готовый к встрече гостей.

Ева огляделась и осталась очень довольна проделанной работой, все выглядело парадно и стильно, и люди, окружавшие ее, были настоящими профессионалами, которые должны были сделать этот вечер незабываемым. И она не могла себе даже представить, что среди окружа-

ющих ее специалистов есть два человека с совсем другими намерениями. Это были Марк и Саша Мышкин, они прибыли на вечеринку инкогнито, вместе с музыкантами, и под видом носильщиков оборудования проникли на территорию, а охранники в элегантных синих костюмах и голубых рубашках с маленькими рациями в руках ничего не заподозрили. И теперь, когда ребятам удалось смешаться с обслуживающим персоналом, они, надев капюшоны и кепки, спокойно смогли приступить к плану срыва вечеринки, конечно, не всей, а только ее самой торжественной части.

Марк быстро прошел к фейерверку, и, когда Саша дал команду, что на него никто не смотрит, достал перочинный ножик и сделал несколько надрезов в корпусе фейерверка, сначала одного, потом второго и через несколько минут испортил целостность третьего. Но это было только началом, если бы он так все оставил, то фейерверк бы все равно сработал, но выстреливать стал бы в разные стороны, что было очень опасно, он мог в кого-то попасть или спровоцировать пожар, этого в планах у Марка не было. Он всего лишь хотел увидеть разочарование на вечно довольном лице Евы, а для этого было достаточно просто хорошенько залить поврежденные корпуса водой. И это парни тоже продумали, принесли с собой вместе с проводами для джаз-бэнда скрученную новую упаковку зеленого тонкого шланга, который Саша за домом прикрепил к крану, находившемуся у самого края гаража, мальчишкам осталось только дожидаться суеты во время прибытия гостей, тогда они собирались включить воду и залить дыры, сделанные в корпусе фейерверка, чтобы как следует промочить картонные пыжи и пиротехнические элементы, находящиеся внутри.

Начали прибывать гости, и хоть это были знакомые и в какой-то степени даже близкие люди, Ева слегка волновалась, на лице ее играл еле заметный румянец, в груди ощущались громкие частые удары сердца. Были зажжены все фонари и гирлянды, саксофонист заиграл джазовые мелодии, на дорожку пустили клубы красного театрального дыма.

Первыми прибыли ребята из «А» класса, они заказывали для себя специальный микроавтобус, потом подоспели несколько человек, приехавших на электричке, а затем начали подъезжать шикарные автомобили, на которых родители привозили своих быстро повзрослевших детей. Вся территория перед роскошным домом наполнилась веселыми голосами и яркими красками нарядов, парни щеголяли в пестрых пиджаках и батниках с большими воротниками, а лакированные туфли также блестели, как намазанные гелем и начесанные чубы. Девочки были восхитительны в своих ярких платьях в горох или усыпанных цветами с тоненькими, подчеркнутыми лентами талиями и с пышными юбками солнце-клеш. А на груди у каждого были приклеены кленовые листочки с номерами для почты.

Последним прибыл черный внедорожник, в котором сидели три парня, одним из них был Дмитрий Замковский, тот самый новенький, которого так сильно хотела видеть на вечеринке Лизи. Он небрежно вышел из машины, всем своим видом пытаясь показать, что мог бы вполне обойтись и без этого праздника, а два других парня, сидящих в авто, быстро умчались в неизвестном направлении.

Ева, рассаживая гостей, оценивающе посмотрела на новенького.

– Да, Лизи была права, он действительно хорош, эти русые кудри и подкаченный торс просто восхитительны, – прошептала она Анне и кивнула в сторону Димы.

– Я знала, что тебе он понравится.

Заиграла музыка, и официанты начали заносить холодные закуски.

Ева за стол не садилась, ей все время нужно было координировать работу всех служб, через минут пятнадцать после начала праздника к ней подошла Лизи со словами:

– Знаешь, мы тут на веранде за диваном нашли несколько бутылок вина и еще чего-то, что будем делать?

– Я родителям обещала, что алкоголя не будет ни в коем случае, – взволнованно ответила Ева. – Вот ключи от бойлерной, постарайся незаметно туда все спрятать и закрыть на ключ.

Ева протянула Лизи связку и попросила Аню ей помочь.

– Ничего, мы скоро узнаем, кто это сделал, как только увидим мечущегося в поисках пропавшей выпивки подростка, – весело бросила на ходу Аня.

А в это время на большом экране, висевшем напротив входа в шатер, начали одна за другой появляться фотографии с предыдущих вечеринок, вызывая ностальгические воспоминания у собравшихся. Здесь были фото семилетних феечек и волшебников с первого их праздника, и ковбои-пятиклашки, слегка повзрослевшие супермены, и прекрасные снимки с прошлогодней вечеринки в стиле «Великий Гэтсби». Ребята смеялись, аплодировали, вспоминали курьезные истории, которые случались в их детстве, и были очень благодарны Еве за этот экскурс в прошлое. Она то и дело получала письма от друзей со словами благодарности или с комплиментами, а иногда даже с признаниями, а одна из записок удивила Еву, в ней было написано: «С нетерпением жду фейерверка! М.» «И кто этот М.?» – подумала она, ничье имя из приглашенных на эту букву не начиналось. Она недоуменно пожала плечами и тут же забыла про эту записку. Лизи тоже только успевала складывать принесенные почтальоном записочки в потайной карман своего платья, и только Анне никто не написал ни одного письма.

– Знаешь, мне так жаль, что Ане никто не пишет, – поворачиваясь к Лизи, сказала Ева.

– А давай мы ей напишем что-нибудь хорошее, пусть порадует, – быстро придумала выход Лизи.

– Это будет какой-то обман, мы введем ее в заблуждение, – заволновалась Ева.

– Да все нормально, – ответила Лизи, уже начав писать подруге лестную записочку.

Через минут десять к ним подошла сияющая Аня со словами:

– Девчонки, мне Сережа написал, я так счастлива, вот смотрите, – и протянула подругам записку, только что написанную Лизой.

– Почему ты думаешь, что это Сережка, она же без подписи, – улыбаясь, спросила Лизи.

– Конечно, это он, я с ним вместе хожу в театральный кружок, иногда мы болтаем после занятий.

Ева, глубоко вздохнув, произнесла:

– Может, тебе это вообще девочка написала, просто хотела сделать комплимент твоему прекрасному наряду, – потом, не смотря Анне в глаза, прошла к пиротехникам и попросила начать подготовку к салюту. Все это время Ева поглядывала на Дмитрия, ей очень хотелось заметить хоть один знак внимания в свою сторону, и вот, когда заиграла музыка для медленного танца, он вдруг направился прямо к ней, тут Еву кто-то взял за плечо, это был молодой мужчина со встревоженным выражением лица.

– Можно вас на минутку, – сказал мужчина и показал рукой в сторону лужайки.

Ева неохотно последовала за ним, ей было очень жаль, что не удалось потанцевать с Дмитрием, она надеялась поближе с ним познакомиться и расположить его к себе. Пройдя несколько шагов, мужчина остановился и объяснил Еве, что они не смогут устроить обещанный фейерверк, потому что кто-то повредил все три пиротехнических корпуса, залив их водой. Девушка от удивления потеряла дар речи, это же самая впечатляющая часть вечера, как же так, кто мог совершить такой скверный поступок. Ева, безгранично расстроенная, быстро помчалась в дом и, поднявшись на второй этаж, вошла в спальню Натали.

– Мам, кто-то испортил фейерверк, а его так все ждут, что же теперь делать? – со слезами на глазах начала Ева.

Натали, немного подумав, улыбнулась дочери и сказала, вставая из-за стола:

– Не волнуйся, милая, я на наш с папой юбилей купила китайские бумажные фонарики, они в шкафу на первом этаже, можете их зажечь и пустить в небо, загадав желания, думаю, это будет не менее романтично.

Ева радостная подошла к маме и обняла ее.

– Что бы я без тебя делала, хорошо, что ты решила побыть здесь во время вечеринки, – сказала она, снова возвращая улыбку на свое прекрасное лицо, и выпорхнула из комнаты.

Вернувшись к гостям с коробкой, Ева объявила, что, так как это их последняя осенняя вечеринка, вместо салюта будут запущены в небо китайские фонарики. В ответ услышав радостные возгласы и аплодисменты, девушка выдохнула и достала первый фонарик из упаковки, придерживая руками за металлический ободок конструкции, легонько потрясла его, фонарик полностью расправился и наполнился воздухом. Затем Ева подожгла маленький брикет и, подняв фонарик над головой на вытянутых руках, отпустила его ввысь, ребята последовали ее примеру, и через несколько минут в темном небе загорелось множество розоватых светлячков. Зрелище это было настолько чарующим, что юноши и девушки стояли обнявшись, подняв головы, следили за загадочными огоньками Востока, уплывающими в небо северной столицы. Настроение у всех сделалось таким романтическим, что, рассевшись на кованные скамейки и пледы прямо на лужайке, ребята начали читать стихи, и, когда кто-то попросил Еву прочитать что-нибудь собственного сочинения, вдруг встал Дмитрий и громко сказал:

– Давайте я лучше прочту что-нибудь из Байрона в оригинале.

Это выглядело так не скромно, даже слегка вызывающе, что все зашумукались, но его это не остановило, он уверенно прочитал несколько строк на английском:

– Away with your fictions of flimsy romance;
Those tissues of falsehood which folly has wove!
Give me the mild beam of the soul-breathing glance,
Or the rapture which dwells on the first kiss of love.

Потом перевел взгляд на Еву и вдруг начал приближаться к ней своей мягкой хищной походкой и, неожиданно перейдя на русский, продолжил:

– Мне сладких обманов романа не надо,
Прочь вымысел! Тщетно души не волнуй!
И, подойдя к Еве почти вплотную, сказал:
– О, дайте мне луч упоенного взгляда...

А потом наклонил к ней свое лицо так, что она почувствовала его горячее дыхание на своих губах, и закончил:

– И первый стыдливый любви поцелуй!

На что Ева, ничуть не смутившись, глядя с вызовом ему прямо в глаза, сказала:

– Ты же обещал, что будет в оригинале.

А потом резко отвернулась от него и объявила:

– Сейчас будут вывозить праздничный торт, пойдёмте пить чай.

Когда все были заняты поеданием торта, Лизи рассказала, ей показалось, что она видела Марка, где-то возле гаража, и предложила пойти посмотреть.

– Откуда ему здесь взяться, думаю, тебе показалось из-за темноты, ты спокойно пей чай, я сама посмотрю.

Ева попросила музыкантов сыграть буги-вуги, под эту музыку планировалось устроить соревнование в танцах между девушками и парнями, а сама направилась к гаражу. Там, никого не обнаружив, она присела у фонтана и вдруг услышала неподалеку чьи-то голоса, присмотревшись, она заметила у аккуратно подстриженных кустов можжевельника обнимающуюся парочку, а ярко-зеленый пиджак, надетый на парня, был очень похож на пиджак Димы Замковского. Ева решила, что он уже нашел себе другое развлечение, и раздосадованная пошла к

гостям, но она ошиблась, это был не Дмитрий, потому что он шел ей навстречу с коктейлем в руках.

– Ева, а я тебя ищу, хочу поблагодарить за приглашение, классная получилась вечеринка, хотя у нас в Москве, конечно, все круче, но у тебя тоже ничего, – явно пытаюсь задеть девушку, с язвительной улыбкой на самодовольном лице высказался юноша.

И тут ее осенило. «В Москве!» – она вспомнила, где слышала эту фамилию Замковский – самонадеянный ухажер Натали, точно, как она сразу не догадалась, яблоко от яблоньки. Но дерзкий, заносчивый Дмитрий пробуждал в Еве противоречивые желания: унижить его и поцеловать его.

«Лучше бы он обнимался там с кем-то в зеленом пиджаке», – подумала Ева и, ужасно разозлившись то ли на него, то ли на себя, хотела ответить что-нибудь жесткое, как вдруг откуда ни возьмись появилась изумленная Лизи.

– Ева, пойдем скорее, их поймали, – выпалила она.

– Кого? – удивилась Ева, отходя в сторонку.

– Марка и Сашку, охранники задержали, это они фейерверки испортили, прикинь, даже и не отрицали, – запыхавшись, на ходу рассказывала Лизи. И, посмотрев с сожалением на Еву, вдруг добавила:

– Ну дела, и этот еще Димка, такой циничный, у них, видите ли, в Москве...

– Ты все слышала? – теряя терпение из-за всего случившегося, возбужденно спросила Ева. – Да если я захочу, он будет бегать за мной, как собачонка, – ускоряя шаг, выпалила Ева.

– И сколько тебе на это понадобится времени? – подливая масла в огонь, затараторила Лизи.

– Три недели, нет, я даже за две справлюсь, – не давая себе отчета в сказанном, повергая себя в коварную игру, ответила Ева.

– Значит, пари? – заявила Лизи.

– Пари! – решительно отозвалась Ева.

14. Галатея

Проснувшись утром после вечеринки, Ева была в смешанных чувствах, она потянулась в кровати, за открытым окном пели птицы, и был слышен нежный шепот деревьев и тихое жужжание соседской газонокосилки. Она нехотя встала с постели и босиком в пижаме вышла на балкон: на лужайке перед домом было тихо и чисто, и ничто уже не напоминало о вчерашнем празднике, кроме мысли о глупом пари. Вот бы эту неприятную ситуацию можно было бы также легко убрать, как шатры с газона, думала она, высовываясь дальше с балкона, чтобы посмотреть, не уехала ли Натали куда-нибудь с водителем, но, увидев машину на привычном месте, девушка решила отправиться в гости к Лане, чтобы как-то унять свои душевные терзания. Ева каждый год приглашала свою подругу на праздник осени, но Лана всегда отказывалась под разными предлогами, а в этом году, видимо, повзрослев, честно призналась, что не может прийти, потому что будет ревновать Еву к ее школьным подругам.

– Так как я с ними не встречалась, мне кажется, что ты дружишь и делишься своими тайнами только со мной, мы ведь знаем друг друга тысячу лет и даже в те минуты, когда ты до ужаса бесишь меня, я все равно тебя люблю и не собираюсь с кем-то делить. Так что лучше все мне расскажешь в воскресенье, покажешь фотки, и мы обсудим наряды гостей и читаем записочки, которые ты получишь, в чем я нисколько не сомневаюсь, целую гору, – так оправдывала свой отказ Лана, улыбаясь, глядя на свою подругу в преддверии праздника.

Но это было только частью правды, Лана мечтала попасть на этот праздник и вообще быть частью мира Евы, но Вера Федоровна не одобряла ее присутствия на подобного рода мероприятиях, считая, что это общество может ее только развратить или, что еще хуже, навязать ей ложные ценности. А в этом году, после истории с кражей паспорта, в которой Вера Федоровна, несомненно, усмотрела Евино дурное влияние, о вечеринке «Начало года» точно можно было забыть.

Ева старалась не приходиться к своей подруге одна, она делала обычно это вместе с самой Ланой или с другими ребятами, так как побаивалась ее парадной, потому что предвидеть, что тебя здесь ожидает, было невозможно. Вот и сегодня только она переступила порог подъезда, как сразу оказалась рядом с открытой дверью в темный подвал, из которого доносились нетрезвые мужские голоса, Ева быстро взбежала по лестнице на второй этаж. Лана жила в пятиэтажном доме без лифта, и, пробираясь по крутой замусоренной лестнице с облупившейся зеленой краской на стенах, девушка торопилась, чтобы как можно быстрее добраться до заветной двери, и не заметила, как оказалась лицом к лицу с двумя курившими на четвертом этаже парнями бомжеватого вида с задурманенным взором.

– Куда торопишься, красотка? – посмеиваясь, спросил стоящий ближе молодой мужчина и ухватил Еву за талию. Девушка, что было сил толкнула его в грудь и, вырвавшись, побежала вверх, услышав вдогонку грубый смех вперемешку с бранными словами. Не успела она преодолеть пару последних ступенек, как дверь нужной ей квартиры открылась, и на пороге появилась улыбающаяся Лана.

– Ой, я прямо почувствовала, что это ты, представляешь, это наши биополя стремятся к друг другу, – весело сказала Лана, жестом приглашая подругу войти.

– Ты же знаешь, это псевдонаучная теория, – запыхавшись, ответила Ева, проходя и обнимая подругу. – Чтобы к тебе попасть, нужно просто какой-то квест пройти, меня на четвертом так напугали два парня.

– Да они безобидные, просто шутят, – пытаюсь не акцентировать внимание на ужасах своих будней, отмахнулась Лана.

– Ну не знаю, я к такому не привыкла, обратно одна не пойду, будешь меня провожать, – ставя на стол коробки с пирожными из Британской пекарни, аккуратно перевязанные тонкими

красными атласными ленточками, сказала Ева, уже предвкушая свою обратную дорогу. Но не успела она попросить блюдо или тарелку, чтобы выложить сладости, как Лана уже забрала одну из коробок. Она открыла ее и прямо руками взяла фисташковый эклер, тут же откусила от него добрую половину и улеглась на разложенный диван.

– Ну что, как все вчера прошло? – спросила Лана, вытирая пальцами рот.

– Знаешь, обычно все гладко проходит, – с тяжелым вздохом опускаясь на стул, ответила Ева, – а тут мой одноклассник Марк со своим другом учудили такое, пробрались на территорию и испортили фейерверки, порезали и залили водой, и, что самое интересное, они даже не подумали скрыться, а, наоборот, специально дефилировали перед охраной, чтобы те их заметили.

– Понятно, хотели, чтобы все узнали об их подвигах, это все тщеславие, – сказала Лана, повертев в руках розовую макарони, усыпанную сублимированной малиной, и тут же отправила ее целиком в рот.

– Охранник хотел полицию вызывать и родителям сообщить, но вышла моя мама и заступилась, сказала, что все это был розыгрыш, и пригласила этих хулиганов попробовать наш праздничный торт, правда, они отказались. И тут откуда ни возьмись появился старший брат Марка на машине, думаю, он давно их поджидал.

– Да, вот это драма, ты сильно расстроилась, что фейерверка не было?

Ева еще раз тяжело вздохнула и грустно сказала:

– Нет, расстроилась совсем не из-за этого, в конце вечера я поспорила с Лизи, что за две недели смогу влюбить в себя Диму Замковского.

– Ой, большая беда, он, наверное, уже давно в тебя влюбился, ты же всем нравишься, – приободрила подругу Лана.

– Что ты, он новенький, мы плохо знаем друг друга, и почти не пересекаемся, потому что учимся в параллельных классах.

– Ева, ну я же тебя знаю, признавайся, план по оболещению этого Замковского уже готов? – торжественным голосом, смеясь, произнесла Лана и, усаживаясь поудобнее на диване, приготовилась слушать подругу.

– Ну есть кое-какие идеи. Бабуля, когда мне рассказывала про их с дедушкой историю любви, говорила, что очень часто, если люди занимаются вместе каким-нибудь творчеством или просто интересным делом, они сближаются и могут даже полюбить друг друга. Я долго думала, каким творчеством можно заняться с малознакомым человеком, я не знаю, танцует он или рисует, единственное, что мне известно, что вчера на вечеринке он отлично читал Байрона наизусть, значит, литературой интересуется. Вот я и придумала выпускать газету, а Диму попросить поучаствовать в качестве журналиста, и чтобы еще больше потешить его самолюбие, предложу ему редакторские обязанности, хотя бы на один выпуск, – посвятила в свой план подругу Ева, к реализации которого она приступила утром следующего же дня.

Выйдя на первой перемене из класса, у окна она увидела группу ребят из параллельного, играющих в «сокс», показывающих поочередно различные несложные трюки с маленьким разноцветным вязаным мячом, наполненным чем-то сыпучим, среди них она заметила и Диму, который кивнул ей, улыбаясь, и продолжил игру. Ева не стала сразу делать ему предложение по поводу газеты, потому что хотела прежде переговорить с Марком.

Его найти было не трудно, все знали, что они с Мышкиным все свободное время проводили в радицентре, откуда вещало школьное радио. Ева уверенно распахнула дверь и без всяких предисловий выпалила, глядя на Марка в упор:

– Марк, я пришла поговорить насчет новой газеты. Знаю, что вы выпускаете «Мужские новости», мне кажется, что это не совсем справедливо, я задумала создание еще одной школьной газеты, которая будет освещать новости всех старшеклассников, но мне понадобится твоя помощь.

Когда Марк увидел Еву, то резко повернулся, готовый защищаться, он был уверен, что она пришла разбираться в случившемся на вечеринке, в его голове уже начали проноситься колкие фразы, которыми он бы мог ей ответить, но она сломила его оборону мгновенно, вместо нападения попросив о помощи.

– И почему ты думаешь, что я буду тебе помогать? – собирая в кулак остатки воли, спросил Марк и, сложив на груди руки, посмотрел на нее непроницаемым взглядом.

– А потому что ты у меня в долгу за испорченный фейерверк, – произнесла Ева без всякого напряжения, и не успел Марк опомниться, как она уже сидела за столом и излагала концепцию своего проекта. Не прошло и десяти минут, как он пообещал поговорить со своим отцом, чтобы газету напечатали в его небольшой частной типографии, и, когда уже прозвенел звонок на урок, и Ева встала, чтобы вернуться в класс, Марк вдруг почувствовал, что ему непреодолимо хочется сделать для нее что-то еще. Он неожиданно для самого себя взял ее небольшой портфель из отличной черной глянцевой кожи и направился к выходу со словами:

– Нам с тобой по пути, ты забыла, мы учимся в одном классе.

В Евины планы это не входило, она не собиралась разгуливать по школе с этим вечно недовольным всеми школьными правилами чудаком со взъерошенными волосами и в мятых брюках, а уж зайти с ним в класс, да еще чтобы он нес ее портфель, это было верхом безумия.

– Извини, но мне нужно еще кое-куда забежать, – ответила Ева и, высвободив портфель из рук Марка, быстро пошла по коридору.

Марк стоял и улыбаясь смотрел ей в след, а Саша, наблюдавший за своим другом всю перемену, подошел к нему со словами:

– Что, еще один безумный план мести?

Но Марк ничего не ответил, он посмотрел на своего товарища каким-то незнакомым романтическим взглядом, хлопнул его по плечу, и они, схватив свои сумки, помчались в класс.

Шел урок истории, это был любимый предмет Евы, не только из-за того, что здесь можно было узнать, как жили все существующие и исчезнувшие цивилизации, но и потому что этот предмет вел всеми обожаемый Сан Саныч – умный, веселый и самый справедливый преподаватель школы. Он был плотного телосложения с добродушным румяным лицом, но при этом любил дисциплину и порядок.

Сан Саныч начал работать в их школе недавно, он пришел на смену другому историку, который ушел в археологическую экспедицию, но так быстро завоевал всеобщую любовь и уважение, что, казалось, работал здесь уже много лет. Его уроки проходили всегда интересно, наполненные викторинами и занимательными фактами, но при беспрекословной дисциплине. Любимым его выражением было: «Запомните это и потом блеснете на вечеринке!» Но сегодня думать об истории Ева не могла, она то и дело поворачивалась к Анне и высказывала разные идеи по поводу газеты, они обсуждали, кого еще, кроме Замковского, привлечь к этой работе, шутили над странным предложением Марка проводить Еву в кабинет истории, и, в конце концов, после пары укоризненных взглядов в их адрес Сан Саныч не выдержал и предложил им обоим покинуть класс. Ева, не привыкшая к публичному порицанию, растерянно посмотрела на учителя и пообещала, что этого больше не повторится, если бы это был кто-то другой, Сан Саныч непременно выставил бы его за дверь, но было в Еве что-то такое, что так унижить ее при всех он не смог и, тяжело вздохнув, просто продолжил урок.

На большой перемене Ева отправилась на поиски Замковского. Она нашла его в школьном кафе, это было излюбленное место всех учеников, наверное, потому что отсылало к русским традициям и народному искусству. Называлось оно «Гжель», и все его убранство соответствовало названию. Благодаря насыщенным кобальтовым оттенкам, начиная с небесно-голубого и заканчивая темно-синим, да еще на чистом белом фоне, во всем помещении была создана атмосфера необычайной чистоты и воздушности. Стены, покрытые яркой майоликой, и удивительная гармония рисунков и орнаментов как будто приглашали присутствующих

вовнутрь волшебной расписной шкатулки. Дмитрий, со своей модной прической в новеньких коричневых брогах, сидящий в позе скучающего нигилиста, резко контрастировал с интерьером. Он был один за столиком для четверых и, теребя в руках серебристый смартфон, пил апельсиновый сок.

– Что это ты один, еще ни с кем не подружился? – удивилась Ева.

– Что ты, толпа моих воздыхателей и поклонниц занята дописыванием эссе, а я уже все написал и сдал, еще успел и сочка выпить, – улыбаясь на одну сторону, ответил Дмитрий.

Какой позер, подумала про него Ева, а вслух произнесла:

– У меня к тебе предложение, я так понимаю, ты литературу любишь, значит, и журналистика для тебя не проблема, а у нас очередной номер газеты должен выйти, и я хотела попросить тебя написать статью, о нашей вечеринке, – слегка слукавила Ева. – Сможешь это сделать до завтра, пока новость еще актуальна?

– Разве я могу отказать такой красивой девушке, – радостно откликнулся он на предложение, допивая остатки сока.

– Вот и отлично, завтра на большой перемене мы все собираемся в Голубой гостиной, принесешь статью туда. Ну все, пока-пока.

– Подожди, подожди, а что мне за это будет, – взяв Еву за руку и не отпуская, поинтересовался Дмитрий.

– А что ты хочешь? – решила принять его игру Ева.

– Ну... хотя бы поцелуй в щечку, – приблизив свое лицо почти вплотную к Евиному, ответил Дима.

– Чтобы поцеловать меня, тебе нужно будет, по меньшей мере, пятитомник написать, и то я подумаю, достаточно этого или нет, а за одну маленькую статью я только могу удостоить тебя взглядом, – снисходительно посмотрев на него, ответила Ева и, грациозно повернувшись, игровой походкой пошла к выходу.

– Ева, а как газета-то называется, можешь сказать? – догоняя ее, спросил Дима.

И тут Ева поняла, что не продумала самого главного, не придумала, как назовет газету, а Диме сказала, что это очередной номер, несколько секунд в голове проносились разные варианты, и она выпалила:

– «Марди-Гра», газета называется «Марди-Гра».

– Название вашей газеты «Жирный вторник»? – удивленно поднимая брови, спросил Дима.

– Ну это для тебя жирный вторник, а для нас это последний, самый феерический день карнавала, мы же последний год учимся, вот и стараемся сделать его незабываемым, – пояснила девушка.

– Крутая задумка, мне нравится, – ответил Дима, но его окликнули мальчишки, стоявшие у кассы, и пока он им отвечал, Ева быстро вышла и, облегченно вздохнув, поспешила к Анне.

– Ну что, как все прошло, я уже вся на нервах, – спросила подругу Анна, встретив ее на пороге класса.

– Я чуть все не испортила, забыла придумать название, но вроде бы он клюнул, думаю, все должно получиться. Ты сможешь со мной после уроков посидеть где-нибудь, выпьем кофе.

– Извини, Ева, я не могу, ты же знаешь, мама должна на работу идти к трем часам, а я с братьями сидеть буду, мне уже надоело, как будто это я их родила, у меня почти нет свободного времени. Жаль, что Лизи заболела, она бы с тобой пошла куда угодно, – грустным голосом пожаловалась на судьбу Анна, собирая тетрадки в сумку.

– Не расстраивайся, хочешь, сходим с детками в зоопарк? – с большим участием и пониманием отнеслась Ева к проблеме подруги.

– Спасибо, ты такая добрая, но мне их нужно вести на подготовительные занятия, в следующем году отдадим их в первый класс, и я буду свободная и счастливая! – развеселилась Анна, мечтая о будущем.

На следующий день во время большой перемены в Голубой гостиной собрались ребята со своими статьями для новой газеты, когда туда зашла Ева, то была приятно удивлена, с каким энтузиазмом все отнеслись к ее идее. Кто-то написал веселый фельетон, кто-то предлагал написать стихи, один парень подбирал ко всем статьям иллюстрации, некоторые считали, что нужно непременно провести какой-нибудь опрос, в общем, работа кипела. Что особенно порадовало Еву, так это присутствие здесь Марка и Дмитрия. Правда, они сидели в разных частях зала и выглядели как люди, прибывшие с разных планет, но то, что они оба были готовы принять участие в затеянном ею проекте, вселяло уверенность в удачном завершении дела.

Когда девушка подошла поближе к креслам, на которых сидели собравшиеся ребята, Дима помахал ей рукой, приглашая подойти к нему, но Ева хорошо помнила, для чего все это было затеяно, слегка улыбнулась ему, приветствуя, потом повернулась и прошла в противоположном направлении прямо к Марку, который был не на шутку удивлен произошедшим.

– Привет, ну что, ты договорился со своим отцом, газету напечатают в его типографии? – спросила Ева, подходя к Марку, при этом подумав, что он сегодня превзошел себя в неряшливости своего гардероба. И это была чистая правда. На нем была школьная форма, состоящая из двубортного костюма синего цвета с красно-синей эмблемой на груди, который, казалось бы, не мог выглядеть плохо, но только не у Марка. Его пиджак весь был покрыт шерстью какого-то животного, и одна пуговица на нем отсутствовала, а другая висела на ниточке, стрелки на брюках ели угадывались, и завершала этот сногшибательный образ растянутая серая футболка, торчащая из-под пиджака.

– Конечно, я обо всем позаботился, сейчас соберу материалы и вечером будем верстать, если ты не против, – почесывая свои невымытые волосы, произнес Марк. Ева не знала, что ему ответить, она собиралась вызвать ревность у Димы, но Марк так слабо подходил на роль соперника, а добровольно проводить время с этим чудовищем ей не хотелось.

– Потом обсудим, – на ходу проронила Ева и направилась в сторону человека, ради которого все это затевала.

– Привет, – подсаживаясь к Диме, поздоровалась девушка. – Чем ты меня порадуешь?

– Я, в отличие от присутствующих здесь дилетантов, написал аналитическую статью, сравнил старшеклассников Москвы и Питера и провел параллели между их интересами и увлечениями, на примере твоей вечеринки. Как тебе идея? – явно рисуясь, демонстрируя свои способности в области журналистики, заговорил Замковский. Ева не очень любила воображал и выскочек, и то, что он считал себя лучше других, ей не нравилось. Но она продолжала играть свою роль, как в театре, ей нужно было как-то организовать еще несколько встреч с ним, поэтому, поборов гнев, Ева с восторгом воскликнула:

– Димочка, ты просто гений, может, возьмешься отредактировать кое-какие статьи?

Конечно, он был готов на все, польщенный ее предложением, поэтому, не задумываясь, согласился. Ребята договорились встретиться завтра после уроков в кафе напротив школы. Ева знала, что если будет еще кто-то из парней, кому она нравилась, то ей будет легче очаровать Дмитрия, и пока она перебирала в голове претендентов, к ней подошел Марк со словами:

– Я тут краем уха слышал, что вы решили встретиться завтра в кафе, я к этому времени постараюсь сделать предварительную версию выпуска, вот только не знаю, какой сделать логотип.

– Мне нравится картина Поля Сезанна «Марди-Гра», думаю, будем использовать ее в качестве логотипа, – задумчиво проговорила Ева, потом помолчала несколько минут и, когда все разошлись, сделала Марку умопомрачительное предложение:

– Марк, я бы хотела тебя пригласить сегодня ко мне домой.

Юноша смотрел на нее, вытаращив свои серые глаза, потом немного придя в себя, спросил заикаясь:

– Ну так после уроков, пойдем вместе, я тебя подожду в гардеробе.

– Нет! – вскрикнула Ева, не сдержав эмоции. – Я дам тебе адрес, придешь в шесть часов, только не опаздывай, ждать тебя буду не только я.

По дороге домой Ева прокручивала в голове все задуманное. Она была человеком, который никогда не сдастся, и, если, чтобы влюбить в себя Диму, причем за короткий срок, ей придется совершенно переделать Марка, как когда-то профессор Хиггинс полностью изменил Элизу Дулиттл, она сделает это непременно. Задача, конечно, была непростой, но она себя утешала тем, что, в отличие от Элизы, Марк наделен превосходной культурой поведения и речи. Но работы было много. И начать она решила с прически. Для этого, придя домой, первым делом позвонила парикмахеру, которого они вызывали для бабули, когда та отказывалась ехать в салон. Это была молодая девушка лет двадцати пяти по имени Лера, которая любила работать в этой семье, здесь хорошо платили и угощали потрясающим кофе с изысканными сладостями, поэтому через час она уже была готова к работе. Натали не удивилась, что ее дочь решила взять шефство над некрасивым неухоженным мальчиком, который еще вчера считался ее врагом номер один и не удостоился даже чести быть приглашенным на осенний праздник, она уже давно заметила, что если поблизости от Евы появлялось что-то, на ее взгляд, несовершенное, она всегда стремилась это исправить. Началось все с кукол, дальше – платья, потом в ход пошла мебель, затем интерьеры, что дело дойдет и до людей, Натали не сомневалась и это всегда ее тревожило. Но вот сейчас, когда Ева стояла перед ней и просила поучаствовать в этом «проекте», как она его назвала, Натали уступила, скорее всего, из-за собственной слабости к людям, прекрасным внутри и снаружи, поэтому, убедив себя, что ее дочь, как Микеланджело, видит в куске мрамора запертую там скульптуру, а вовсе не пытается подогнать людей вокруг себя под свои стандарты, решила, что ничего плохого из этого выйти не может, и, отложив разговор с дочерью об опасности подобных экспериментов, с воодушевлением принялась за дело.

– Конечно, я помогу, когда Лера сделает свое дело, мы поедем подберем ему стильную одежду, я видела Марка на празднике, одной прической там не обойтись.

– Мамочка, ты лучшая! – задорно, в предвкушении необычных событий, сказала Ева, обнимая Натали, как будто пыталась этим отблагодарить ее за понимание и участие.

И вот раздался звонок, и Ева провела в гостиную молодого человека, который уже целый час занимал умы трех красивых женщин, наверное, Марк еще ни разу в жизни не интересовал стольких представительниц женского пола одновременно.

– Добрый день, дамы, – произнес вошедший, прикладывая одну руку к груди и сделав легкий поклон головой.

– Марк, я тебя пригласила, чтобы вместе со специалистами сделать так называемый ребрендинг, – без лишних предисловий заявила Ева.

– Ребрендинг чего, газеты? – не понял юноша.

– Нет, не газеты, а тебя! Знакомься, это Лера, стилист по прическам, она сейчас займется твоими волосами, а потом мы с мамой, ты с ней уже знаком, займемся твоим стилем в одежде, – указывая на Натали, которая сидела в своем любимом кресле, листая модный журнал, объяснила Ева. Марк, конечно, предполагал, что Ева пригласила его не просто так, но такого поворота он себе представить точно не мог, не потому, что о своей внешности не задумывался никогда, а потому, что думать о ней считал признаком людей поверхностных, не способных ни на что большее, кроме как украшать себя.

– Что ты такое говоришь, мне все это совсем не нужно! – возмутился Марк. На секунду им овладело чувство, похожее на злость, но на самом деле это был страх, но не перемен боялся

Марк, а узнать, что он ошибался, так как те, кто его сейчас окружали, вовсе не казались ему глупыми или пустыми.

– Ты действительно считаешь свою внешность безупречной и думаешь, что достиг идеала, и ничего не нужно менять? – поднимая глаза от журнала, спросила Натали. От ее уверенного тона веяло ледяным спокойствием, а ее взгляд не осуждал и не оценивал, а просто подчинял своей воле, и Марк, уже осознавая, что финал их разговора предопределен, сделал последнюю неуверенную попытку сопротивления:

– Ну я даже не представляю, что вы собираетесь со мной делать, я же не подопытный.

– А это и не опыты, – радостно произнесла Ева. Сказав это, она неожиданно взяла Марка за руку и повела в большую ванную комнату, где Лера уже давно разложила все свои профессиональные принадлежности. Когда он почувствовал тепло ее тонких пальцев в своей руке, то тут же понял, что последует за ней куда угодно, даже если эта дорога приведет его на эшафот.

Марка усадили на стул, укрыли парикмахерским пеньюаром черного цвета, долго трогали его волосы, уши, исследовали форму лица, цвет глаз. Лера сказала, что волосы хорошие, густые, только немного тусклые, Ева считала, что уши очень оттопырены и их нужно спрятать под волосами, благо волосы были длинные, а Натали отметила, что у юноши аристократический овал лица, который может им позволить сделать прекрасную прическу «а-ля маленький паж».

– Отлично, только я сделаю незаметное мелирование, чтобы придать волосам сияния, – оживилась Лера и приступила к работе.

Марк отдался в руки профессионалов, не сопротивляясь и со всем соглашаясь, получал удовольствие, глядя, как переживает и волнуется о результате Ева, если бы ему еще сегодня утром кто-то сказал, что с ним будут происходить такие приключения, он бы не поверил. Его волосы мыли, потом стригли, потом что-то красили, приклеивали к ним маленькие кусочки фольги, потом опять мыли и опять сушили и вот, когда спустя часа два, наконец, позволили посмотреть в огромное зеркало в серебряной раме, Марк не поверил своим глазам. На него смотрел красивый молодой человек, похожий на популярного певца или кинозвезду. Волосы были аккуратно подстрижены и выглядели такими отполированными и блестящими, в каждой прядочке сияли светлые переливы, будто в волосах играли солнечные лучики, и они красивой шапочкой спадали на лоб, прикрывая уши и верхнюю часть шеи.

– Вот это да! – не сдержав своих эмоций, воскликнул юноша, боясь пошевелить головой. – Это не я. Волшебство какое-то.

– Ты такой симпатичный получился, – радостно зашебетала Ева, поворачивая Марка то в одну, то в другую сторону.

И тут молодой человек вдруг засмутился, и его лицо залилось краской.

– Спасибо, я вам очень благодарен, только у меня нет с собой денег, ну, может, совсем немного, – просунув руку в карман, Марк начал суетиться и обеспокоенно смотреть на Натали.

– Ева сказала, ты помогаешь ей с газетой, мы решили помочь тебе с имиджем, – улыбаясь, ответила мама. – Соберитесь, поедem покупать новую одежду, такой прическе нужен новый гардероб.

На следующее утро 11 «А» шел в университет на экскурсию, и все собирались у парадного входа в школу. Ева, разговаривая с Анной, все время посматривала по сторонам, она ждала появления обновленного Марка, и очень беспокоилась, вдруг он что-то не так наденет или неправильно уложит волосы, и что скажут одноклассники, увидев его, а еще больше она волновалась, как ей себя вести, если он подойдет к ней и при всех начнет вспоминать вчерашний вечер. Пока она размышляла на этот счет, во двор школы вошел Марк. Это было замечательное зрелище, он выглядел превосходно: безукоризненно сидящий синий костюм был надет на белоснежную водолазку, а поверх было наброшено кашемировое пальто цвета вер-

блюжьей шерсти, на ногах отлично смотрелись новенькие коричневые оксфорды на шнурках и, конечно, прическа сделала его совершенно неузнаваемым. Ребята были удивлены, парни начали шутить: Марк, ты ли это? Может, дашь адрес своей крестной феи... Девчонки, знавшие его почти десять лет, не могли и представить, что он мог быть таким симпатичным. Ева была довольна результатом, она смотрела улыбаясь на группу молодых людей, и видела, что Марк не только стал как остальные успешные школьники, но и превзошел их уж точно в цельности образа. По дороге на экскурсию некоторые девочки, которые раньше даже не смотрели в сторону Марка, начали откровенно с ним заигрывать, шутили, задавали вопросы, Саша Румянцев попросила его понести сумку, а ее подруга Дашкова вообще взяла Марка под руку. Юноша, конечно, был рад такому вниманию, но при этом очень смущался, постоянно поглядывая в сторону Евы каким-то растерянным взглядом, ища ее поддержки. Но Ева вела себя отстраненно, и он с грустью понял, что, несмотря на его новый образ, ничего в их отношениях не изменилось.

Лизи выздоровела, но не знала, что первые уроки сегодня пройдут в университете и дожидаясь ребят в школе, поэтому когда среди других одноклассников она заметила Марка, то удивленно сказала подругам:

– Ничего себе, Марк вырядился, кто это над ним так поработал, прическа супер, даже мелирование сделал, – и повернувшись к Еве, спросила, – а как у тебя дела с нашим пари, уже успела влюбить в себя Замковского?

– У меня есть еще неделя, – весело отозвалась Ева, снимая свое новенькое пончо цвета электрик с изящной серебряной отделкой. Она хотела еще что-то добавить, но прозвенел звонок и девочки, взяв свои портфели и сумки, быстро отправились в класс.

Последним шестым уроком была мировая художественная культура или, как ее все называли ученики, МХК. Проходил этот предмет в малом зале, где устраивали не очень масштабные школьные мероприятия. Это был небольшой уютный зрительный зал с мягкими темно-красными креслами и низкой сценой без кулис, которая с обеих сторон была фланкирована большими керамическими вазами в античном стиле с букетами из искусственных цветов пирамидальной формы, пол был выложен паркетом из разных пород дерева, а у окна стоял гордый белый рояль. Ребята рассаживались подальше от сцены, они знали, что ни ручки, ни тетрадки им не понадобятся, потому что сейчас зайдет преподаватель, выключит свет, и все их внимание будет приковано к большому белому экрану, на котором будут демонстрироваться предметы искусства, о которых пойдет речь на уроке. Но, как водится, в школе, не все могут просто сидеть и слушать учителя, и школьники готовили свои телефоны, чтобы под покровом темноты посмотреть новости соцсетей или написать друг другу сообщения «чрезвычайной важности».

– Дорогие мои старшекласники, сегодня у нас урока не будет, вернее сказать, будет, но не у всех. Дело в том, что на следующей неделе в нашей школе состоится праздник посвящения в гимназисты наших первоклашек. И так как вы выпускники, то по давней традиции в этот день после торжественной части вам предстоит поздравлять вновь прибывших учеников, и это должна быть театральная постановка. Наш школьный совет предлагает сказку А. С. Пушкина «Руслан и Людмила». Вот сценарий и список участников, сейчас к вам придут ребята из «Б» и «В» классов. И хоть сценарий уже готов, вы должны помнить, что Пушкин при написании этой поэмы опирался на произведения Вольтера, Карамзина и Жуковского, мне бы хотелось, чтобы вас не вводило в заблуждение то, что автор насыщает сюжет гротескной фантастикой и простонародной лексикой, постарайтесь достоверно показать быт и жизнь времен правления князя Владимира, – сказав это, Зоя Александровна положила бумаги на крышку рояля и со словами: «Per aspera ad astra» вышла из класса.

Анна, сидящая ближе всех к инструменту, взяла список ролей и начала зачитывать: Руслан – Замковский Дмитрий, Черномор – Быстрицкий Михаил, Людмила – Ева Сологуб, Наина – Лиза Даниленка, ее прервала шумная толпа заходящих в зал ребят из параллельных классов.

Потом на сцену вытащили реквизит и декорации, здесь был раскидистый дуб из папье-маше, на котором виднелась нарисованная русалка, а внизу висела золотая цепь и черный плюшевый кот, который почему-то не мог стоять на своих пушистых лапах, потом выкатили на скрытых колесиках огромную голову великана в шлеме и длинную бороду Черномора.

Дима был польщен тем, что главную роль в спектакле отдали ему, он уже схватил деревянный меч, забрался на сцену и, размахивая им, читал строчки поэмы, Лизи тоже носилась по сцене в поисках волшебной палочки, вопрошая:

– Я же волшебница, где же моя волшебная палочка, как я могу заколдовывать героев, если у меня нет волшебной палочки.

– Ты же не Гарри Поттер, чтобы палочкой махать, – глядя на нее с легкой жалостью, сказал Марк, настраивая луч прожектора. Его назначили отвечать за свет и музыкальное сопровождение, и он безотказно принялся за дело, что было удивительно, потому что раньше он бы сказал, что ему это неинтересно, просто потому что был против всех и всего, что связано со школой.

И только Ева безучастно смотрела на сцену, размышляя, хорошо ли для ее плана, что Руслана будет играть Дима или нет, но, так и не успев выбрать новую стратегию поведения, услышала свое сценическое имя.

– О прекрасная Людмила, поднимайся на сцену, прорепетируем парочку диалогов, – весело, приняв позу монумента с поднятым вверх мечом и каким-то неподходящим шлемом на голове, кричал Замковский.

Ева быстро взбодрилась, поднялась на сцену и подошла к Диме с распечатанным текстом своей роли в руке.

– Я предлагаю попробовать самую первую сцену, – обратилась она к партнеру.

– Подожди, солнце мое, мне тут нужно снять кое-какое видео, – неожиданно отходя от нее и доставая свой телефон, ответил Замковский. Он навел камеру на учительский стол и начал снимать, как его одноклассник пытается незаметно для всех вытащить свой листок из общей стопки, потом он быстро что-то исправил и вернул листок на место.

– Зачем ты это снимаешь? – удивилась Ева.

– Видишь ли, милая Ева, этот примитивный Сухоруков имел наглость обойти меня в рейтинге за первый месяц, а сейчас он точно пытается исправить что-то в контрольной работе по МХК, которую мы только что написали, но я ему этого не дам сделать, у меня теперь есть на него компромат, – покрутив своим телефоном перед глазами девушки, ответил Дмитрий.

– Тебе не кажется, что это как-то безнравственно, доносить на других, собирать компромат?

– А то, что сделал Сухоруков, ты считаешь высокоморальным поступком? – поднимая свои красиво очерченные брови, спросил Дима. – Да ладно тебе, давай все забудем и начнем репетировать, эй, Марк, включай музыку, мы репетируем последнюю сцену, когда Руслан находит Людмилу, надевает ей кольцо, и они кружатся в танце. А где же поцелуй, что, поцелуя не будет? – удивился юноша, судорожно листая сценарий. Но Марк сделал вид, что не слышит его требований.

– Марк, мы репетируем последнюю сцену, ты что оглох, включай музыку!

– Не буду я ничего включать, репетируйте все с начала, эта дурацкая сцена в самом конце, когда дойдете до нее, тогда и поговорим о вашем танце, – злобно сверкая на Замковского глазами, ответил Марк.

– Ты что совсем обалдел, думаешь, если первый раз в жизни помылся, то можешь мне указывать? – повергая всех в ужас, закричал Дмитрий.

Повисла шокирующая пауза, Ева смотрела на своего нового, такого милого, симпатичного, только вчера обретенного друга, как Пигмалион на Галатею, и почувствовала, как его боль

ранила и ее сердце. А Марк, ничего не сказав, на всю громкость включил Реквием Моцарта, сел в кресло и начал спокойно читать книгу.

– Ну и дураки же вы, – оценивающе посмотрела Ева на обоих участников инцидента, спустилась со сцены и, сопровождаемая взглядами одноклассников, вышла из зала.

Дмитрий понял, что сделал несколько ошибок одновременно, подсел к Лизи и завел с ней разговор о Еве.

– Лизи, слушай, мне нравится твоя подруга, но я прямо не знаю, как к ней подступиться. Может, ты дашь мне парочку советов, я бы хотел предложить ей встречаться, как думаешь, она согласится?

– Думаю, что нет, у Евы есть парень в Новгороде, если ты предложишь ей встречаться, она тебе откажет. Так что мой тебе совет, оставь свои чувства при себе, – слукавила Лизи, ей так хотелось, чтобы Ева проиграла, хоть один раз в жизни. Сказав все это, Лизи почувствовала себя победительницей и отправилась догонять Еву. Девушки встретились в гардеробе, Ева складывала свою спортивную форму в специальный пакет и, увидев подругу, начала разговор.

– Лизи, хорошо, что ты здесь! Знаешь, я не хочу больше влюблять в себя Замковского, это пари было такой глупостью.

– Так, значит, будем считать, что ты проиграла! Ты ему не понравилась, – улыбаясь, заявила Лизи.

– Ну хорошо, пусть будет так. Не знаю, как я ему, но он мне точно не симпатичен, – с большим облегчением вздохнула Ева и, попрощавшись с Лизи, пошла домой. У входа в метро она увидела Марка, он, заметив ее, просиял и помахал ей рукой.

– Ты так мило улыбаешься, что свет, исходящий от тебя, просто слепит, – пошутил юноша, подходя к Еве.

– А ты что здесь делаешь, тебе же не нужно в метро.

– Я тебя жду, чтобы поблагодарить за вчерашнее, если честно, мечтаю тебя проводить домой. Я понял, что ты не очень хочешь, чтобы нас видели в школе вместе, ну мне это и не надо, я сам виноват, заработал себе репутацию неудачника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.